

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published four times a year
2016, № 2 (15)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Science”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”,
The State Committee of the Republic of Sakha (Yakutia) on innovative policy and science**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor in chief, PhD, Professor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in History, (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in Philology (IHRISN SB RAS); *Burtseva, Zh.V.*, executive secretary, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov, E.P.*, PhD in History (IHRISN SB RAS); *Borisova Yu.M.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, PhD, Professor in Philology, (NEFU named after M.K. Ammosov); *Vinokurova D.M.*, PhD in Sociology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Gabyшева L.L.*, PhD, Professor in Philology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Dmitrieva E.N.*, PhD, Professor in Philology, (NEFU named after M.K. Ammosov); *Ignatieva V.B.*, PhD in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, PhD, Professor in Art, (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, PhD, Professor in Philosophy (YSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, PhD, Professor in Philology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Popova N.I.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, PhD in History (NEFU named after M.K. Ammosov); *Fedorov V.I.*, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Filippov G.G.*, PhD, Professor in Philology, (NEFU named after M.K. Ammosov).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2016, № 2 (15)

Учредители (соучредители):

**ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»,
Государственный комитет Республики Саха (Якутия)
по инновационной политике и науке**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцева Ж.В.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Борисова Ю.М.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Федоров В.И.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council

Alexeev A.N., PhD, Professor in History, (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, PhD, Professor in Philology, Corresponding Member of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argunova-Lou T.I.*, Dr., Professor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash Dyula Balog*, PhD, Professor in Ethnology (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, PhD, Professor in Philology (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, PhD, Professor in Philology, PhD, Professor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, PhD, Professor in History, Corresponding Member of RAS (IHA, UB RAS (Ekaterinburg)); *Derevyanko A.P.*, PhD, Professor in History, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, PhD, Professor in Philology (Trabsbaikalsu, Chita); *Karoly L.*, Professor, Dr. (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, PhD, Professor in Geology-Mineralogy, (AS RS(Y)); *Kuzmina E.N.*, PhD, Professor in Philology (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nasilov D.M.*, PhD, Professor in Philology (ICAA MSU, Moscow); *Nevskaya I.A.*, PhD, Professor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, PhD, Professor in Philology, (RSPU named after A. Herzen, St. Petersburg); *Hiroki T.*, Professor, Dr. (University Tokohu, Japan); *Shipitsyn Yu.A.*, PhD in Engineering (MVETP RS(Y)); *Shirobokova N.N.*, PhD, Professor in Philology (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, PhD, Professor in History (IH SB RAS, Novosibirsk).

Responsible for issue *Vinokurova D.M.*

Editors: *N.I. Degtyareva, E.F. Molotkov*
English text: *O.N. Kochmar*
Makeup: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИиПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Дьюла Балог*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурькин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., академик РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Насилов Д.М.*, д. ф. н., проф. (ИСАиА при МГУ, г. Москва); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Хироки Т.*, д-р, проф. (Университет Токоху, Япония); *Шитицын Ю.А.*, к. т. н. (МПОиРК РС(Я)); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Д.М. Винокурова*

Редакторы: *Н.И. Дегтярева, Е.Ф. Молотков*

Английский текст: *О.Н. Кочмар*

Верстка: *А.Н. Степанова*

Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Ушницкий В.В.</i> Этногония Батурусского улуса: родовые названия и якутские волости XVII в.	10
<i>Артыкбаев Ж.О.</i> Ағам Оғус в мифологии саха: историческая ретроспектива	17
<i>Макарова К.М.</i> Намские родоначальники (аҕа-баһылыктар) в период колонизации Якутии в XVII в.	24
<i>Федоров В.И.</i> Октябрь 1917 года: переворот или революция?	29
<i>Бурнашева Н.И.</i> Частный сектор кустарного производства Якутии в условиях «военного коммунизма» (1920–1921 гг.)	33
<i>Иванова Т.С.</i> Общественно-политическое развитие Якутии в середине 1950-х – начале 1960-х гг.	38
<i>Ермолаева Ю.Н.</i> Демократизация общественно-политической жизни в Якутии в период «перестройки»	43
<i>Толстых Г.В.</i> Формирование новых подходов в социальной политике на этапе перехода к рыночным отношениям в РС (Я)	47

Социологические науки

<i>Подойницына И.И.</i> Урбанизация или «руральный ренессанс»: социологические прогнозы	51
<i>Стручков А.А.</i> О роли социальных сетей в образовании (на примере старшеклассников МОБУ СОШ №24 г. Якутска)	56
<i>Хуснутдинова Л.Г.</i> Деятельность национально-культурных объединений по интеграции и адаптации мигрантов	60

Филологические науки

<i>Иванова И.Б.</i> Средства выражения мер измерения площади в якутском языке	66
<i>Иванов С.А.</i> Названия месяцев в якутском языке и их диалектные варианты	71
<i>Непомнящих Н.А.</i> Сюжеты о шаманах в литературах народов Сибири: к постановке проблемы	76
<i>Новикова О.В.</i> Лирические песни идинских бурят	80
<i>Сайто Кимико.</i> Магическая функция японской сказки «Мечь воробьихи» (в сопоставлении со сказками народов Северо-Восточной Азии)	87
<i>Васильева Д.Е.</i> Эпические традиции в романе Н.М. Петрова «Отзвуки тех лет»	93
<i>Винокурова У.А.</i> Социокультурные критерии определения творческого статуса олонхосута	96
<i>Илларионов В.В., Илларионова Т.В.</i> Олонхосуты – носители и хранители живой эпической традиции	101
<i>Кулиева Р.Г.</i> Типология образа женщины в героическом эпосе «Китаби Деде Коркуд» и олонхо	105
<i>Жукова Л.Н.</i> Юкагирский и древнекитайские мифы о переустройстве мира	108

Рецензия

<i>Винокурова Д.М., Томаска А.Г.</i> Рецензия на монографию Намруевой Л. В. «Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.)»	115
---	-----

Информация

<i>Винокурова Л.Е.</i> Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы краеведения в Якутии»	117
<i>Мухомлева С.Д., Павлова Н.В.</i> Всероссийская научно-практическая конференция (полевая сессия)	120

Юбиляры

<i>Гоголев А.И.</i> Анатолий Николаевич Алексеев (к 70-летию со дня рождения)	124
<i>Андреева Т.Е., Ефремов Н.Н.</i> Иван Егорович Алексеев (к 75-летию со дня рождения)	127
<i>Ноева С.Е., Огорокова В.Б.</i> Анастасия Никитична Мыреева (к 75-летию со дня рождения)	129
<i>Дьяконов В.М.</i> Розалия Иннокентьевна Бравина (к 60-летию со дня рождения)	131
<i>Филиппова В.В., Григорьев С.А.</i> Лилия Иннокентьевна Винокурова (к 60-летию со дня рождения)	133
<i>Бурцева Ж.В., Самсонова Т.П.</i> Лидия Николаевна Романова (к 50-летию со дня рождения)	136
Сведения об авторах	136
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	140

CONTENTS

Historical sciences

<i>Ushnitskiy V.V.</i> Boturussky ulus: ethnic history and clan system, XVII century.....	10
<i>Artykbayev Zh.O.</i> Аҕам Оҕус (Brother Ogus) from mythology of sakha in a historical flashback	17
<i>Makarova K.M.</i> Namsky ancestors (Aga-Bahylyktar) during the period of colonization of Yakutia in XVII century	24
<i>Fedorov V.I.</i> October, 1917: a coup or revolution?	29
<i>Burnasheva N.I.</i> The private sector the handicraft industry of Yakutia in the conditions of "war communism" (1920–1921)	33
<i>Ivanova T.S.</i> Political development of Yakutia in the middle 1950 - early 1960.	38
<i>Ermolaeva Y.N.</i> The democratization of social and political life in Yakutia, in the period of "perestroika".....	43
<i>Tolstykh G.V.</i> The formation of new approaches in social policy at the stage of transition to market relations in the Republic of Sakha (Yakutia)	47

Sociological sciences

<i>Podoyntsina I.I.</i> Urbanization or "the rural Renaissance": sociological prognosis	51
<i>Struchkov A.A.</i> On the role of social networking in education (On the example of senior secondary school № 24 Yakutsk)	56
<i>Khusnutdinova L.G.</i> The activities of national and cultural associations in the integration and adaptation of migrants.....	60

Philological sciences

<i>Ivanova I.B.</i> Language means of expression measurement area in the Yakut language	66
<i>Ivanov S.A.</i> Names of months in the Yakut language and dialects	71
<i>Nepomnyaschikh N.A.</i> Plots about shamans in the literatures of the people of Siberia: to statement of a problem	76
<i>Novikova O.V.</i> The lyrics songs of the idinsky Buryat	80
<i>Kimiko Saito</i> "Revenge of the sparrow" Magical importance of Japanese fairy tales. Comparison with tales of the peoples of Northeast Asia	87
<i>Vasilyeva D.E.</i> Epic tradition in N.M. Petrov's novel "The echoes of those years"	93
<i>Vinokurova U.A.</i> Social and cultural criteria for determining creative status of olonkho-teller	96
<i>Illarionov V.V., Illarionova T.V.</i> Olonkho-teller – holders and custodians of the living epic tradition	101
<i>Kuliyeva R.G.</i> Typology of woman's character in the heroic epos "Kitabi-Dede Korgut" and olonkho	105
<i>Zhukova L.N.</i> Yukagir and ancient Chinese myths about the reorganization of the world	108

Reviews

<i>Vinokourova D.M., Tomaska A.G. Namrueva L.V.</i> "Ethnic socialization of the Republic of Kalmykia Youth (analysis of 2000–2010)".....	115
---	-----

Information

<i>Vinokourova L.E.</i> Republic scientific-practical conference "Actual problems of regional studies in Yakutia"	117
<i>Mukhopleva S.D., Pavlova N.V.</i> All-Russian scientific-practical conference (field session).....	120

Anniversaries

<i>Gogolev A.I.</i> Anatoly Nikolaevich Alexeev (the 70th anniversary)	124
<i>Andreeva T.E., Efremov N.N.</i> Ivan Egorovich Alexeev (the 75th anniversary)	127
<i>Noeva S.E.</i> Anastasia Nikitichna Myreeva (the 75th anniversary).....	129
<i>Dyalonov V.M.</i> Rosalia Innokentevna Bravina (the 50th anniversary)	131
<i>Filippova V.V., Grigoriev S.A.</i> Liliya Innokentevna Vinokourova (the 60th anniversary)	133
<i>Burtsev Zh.V., Samsonova T.P.</i> Lydia Nikolaevna Romanova (the 50th anniversary)	136
Information about authors	138
The manuscripts rules	140

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94: 39 (571.56) "17"

В.В. Ушницкий

Этногония Батурусского улуса: родовые названия и якутские волости XVII века

В статье анализируется родовой состав Батурусского улуса, из которого впоследствии выделились Чурапчинский, Таттинский и Амгинский улусы, а также этимологическая связь названий родов Батурусского улуса с тюрко-монгольскими этнонимами. Результаты исследований родовых названий свидетельствуют о близости предков данного улуса, население которого состоит из ряда крупных родов – Хатылы, Бөтүн, Бологур, Сылан, к тюрко-монгольским племенам Забайкалья.

Ключевые слова: Батурусский улус, якутские волости, родовой состав, этнонимы, тюрко-монгольские народы.

К приходу русских казаков якутское население проживало в волостях-родах. Только в XVIII в. были образованы административно-территориальные организации – улусы. На примере Батурусского улуса мы видим, что он был образован из ряда равнозначных волостей-родов. Что касается волостей XVII в., то их численность и значение были неодинаковыми. Такие крупные волости, как Мегинская, Кангаласская, Батуруская, Борогонская, Намская, Баягантайская, ставшие улусами в XVIII в., более подходят под определение племя, чем род. Племенами можно назвать объединения и батулинцев, и бетюнцев, понесших значительные потери в ходе подавления восстаний 1634–1642 гг., а также представителей такого распространенного по всей Якутии рода, как хоро. Таким образом, мелкие роды Батурусской волости – Балагурский (Бологур), батулинцев-каптуги (Хоптоҕо), Тарасинский (Тыараһа) – можно считать отдельными родами. Более сложная ситуация в отношении сыланцев. Согласно ле-

гендам, этот род имел другое происхождение, чем остальные якутские роды, и самостоятельно воевал с многочисленными борогонцами.

Название Батурусского рода, как и ойратского племени батут, образовано от слова батур-боотур. По-якутски Батурусский – Боотур ууһа – 'род Боотура'. В источниках на территории этого улуса в XVII в. упоминаются несколько отдельных волостей-родов: это хатылинцы (хатылы), батурусцы (боотур уус), батулинцы (боотулу), сыланцы (сылан), жексогонцы (дьохсоҕон), балагуры (бологур). Затем из единого Батурусского улуса выделились три отдельных улуса: Чурапчинский, Таттинский и Амгинский.

Согласно Я.И. Линденау, род Боотур ууса ранее был известен под названием Хатылы, его прародителем считается сын Элэя Хатан Хатамаллай [Линденау, 1983, с. 21]. Хатылинский род являлся одним из восьми коренных родов саха, который, по сведениям Я.И. Линденау, оформился еще в степях вокруг Байкала. В письменных

документах XVII в. упоминаются и Катылинская, и Батуруская волости, однако никогда вместе.

Можно выстроить следующую этимологическую линию: хатан – хатай – хытай (кидань). Согласно шежере (родословной) Младшего жуза, Хотан – имя предка казахов. Действительно, среди кыпчакских племен XIII в. можно найти племя котан. Утверждается, что ушедшая на запад часть киданей упоминается в русских летописях как котаны или куны. Котаны были и в Западно-Сибирской равнине. Там широко бытует предание о том, что по Иртышу жили ктани [Томилов, 1981, с. 166].

Также хатылинцев отождествляли с родом северных якутов хатыгын, указывая, что именно хатылынды превратились на Севере в хатыгынов [Долгих, 1960]. В то же время известный топонимист М.С. Иванов [1985] считает хатыгынов и хатылы отдельными родами. Так, известно, что род северных якутов имеет тунгусское происхождение, хатагины присутствовали в составе не только байкальских, но и северных тунгусов. Поэтому, ссылаясь на письмо пионеров-казаков о наличии в Амге «тунгусских, брацких» людей, В.А. Туголуков [2013] связывает катылинцев (хатылы) с тунгусами. Данное известие чрезвычайно любопытно в том плане, что в Амге действительно к приходу казаков могли проживать впоследствии объякученные тунгусские и бурятские роды. Хотя, возможно, здесь переписчики могли допустить серьезную ошибку, ведь казаки после Амги пошли открывать бурятскую и тунгусскую земли. По мнению М.С. Иванова [1985], топонимы Амга и Чурапчы имеют монгольское происхождение.

Что касается хатыгынов, тождественных с бурят-монгольскими хатагинами, то следует отметить, что племя хатагин участвовало в составе конфедерации Джамухи в войне против армии Чингисхана. Название этого племени производится от тюркских титульных обозначений: хан и тегин. Хатагины могли быть генетически связаны с аристократией древних уйгуров, бежавших на Север к диким племенам шивей (монгольская транскрипция – сибир) [Кюннер, 1961]. Интересно то, что Рашид-ад-Дин упоминает их, наряду с другими монгольскими племенами и знаменитыми буир-нурскими татарами, в качестве мигрантов в Приангарье [Рашид-ад-Дин, 1952].

В XVII в. на месте будущего Батурусского улуса упоминаются следующие волости: Катылинская, Балагурская, Жексогонская и Тарасинская.

По предположению Б.О. Долгих, в состав Батурусской волости, упоминаемой отдельно от Хатылинской и Батулинской волостей, в XVII в. вошли бологуры, жексогонцы, телейцы, тыарасынцы, жулейцы, хаяхсыты [Долгих, 1960, с. 363].

В Батурусский улус (по-якутски улуус) вошли пять бологурских и семь хатылинских наслегов, помимо них еще шесть наслегов, которые основали потомки прежнего Батулинского рода, – Хадаар, два Чақыра, Хоптожо (прежние батулинцы-каптуги), Одьулуун, Хайахсыт [Боло, 1994, с. 328].

Согласно некоторым вариантам якутской генеалогии, сына Омогоя Баарагай Баатылы иногда считают предком-основателем не только Баягантайского, но и Батурусского улуса. Батулинскую волость (род) в документах XVII в. некоторые усматривают в жексогонцах (таттинцах). Действительно, предок жексогонцев Кэрэкээн-Ойуун (Нарекан) в архивных источниках выведен как один из родовых тойонов батулинцев. Известно, что в 1640 г. на Амге и Татте проживал Батулинский род (Нарекановы дети) [Там же, с. 309]. Однако Эксогонская, или Жексогонская волость упоминается отдельно от Батулинской. Этноним Дьохсофон имеет антропонимическое происхождение, предком считается старик по имени Дьохсофон.

Таким образом, одно из крупных подразделений саха – жексогонцы (таттинцы), также происходит от батулинцев. Как известно, сородичи Нарекана (Кэрэкээнэ) батулинцы Арыы переселились с ленского острова Кыллаах Арыы на территорию будущего Кангаласского улуса, спасаясь от ясачных поборов. Это подтверждается как письменными документами, так и фольклорными материалами. Ранее на месте будущего Таттинского улуса по р. Таатта проживали исключительно баягантайцы. Прибывший сюда воинственный Кэрэкээн Тойон предложил им либо сразиться, либо стать его рабами [Ксенофонов, 1977].

Стоит отметить, что батулинский Нарекан (фольклорный Кэрэкээн), батулинский тойон Ногуей и бөтүнский Шор считались к времени прихода казаков одними из наиболее воинственных тойонов. Так, они вместе воевали против отряда литовского военнопленного Антона Добрынского в 1628 г. на Вилюе [Иванов, 1999], отрядов атаманов П. Бекетова и И. Галкина, участвовали в восстаниях 1632 и 1642 гг. Батулинский князец Ногуй бежал со своими людьми в Китай через Амур. Предком рода Ыарҕа считается некий Ноҕой Боотур [Боло, 1994].

Таким образом, на территории будущего Батулинского улуса проживали два батулинских рода. Это предки таттинцев жексогонцы и отдельно от них население Батулинской волости, до прихода русских расположенной на месте будущего Амгинского улуса. Многие исследователи путают их, считая роды будущих таттинцев-жексогонцев Батулинской волостью (XVII в.). Однако Батулинская и Жексогонская (иногда Таттинская) волости упоминаются отдельно. В документах также упоминается Татыкайская волость.

В состав будущего Таттинского улуса вошли вытесненные с насиженных мест баягантайцы. Они частично остались на старом месте проживания и, смешавшись с жексогонцами (бывшие ленские батулинцы), дали начало таттинцам. От баягантайцев происходят игидэйцы, ставшие частью баягантайцев. Считается, что название таттинцам дал Уруу Хоро – прародитель родов хоро, уронивший в воду во время перехода через реку Таатта свое огниво и от досады воскликнувший «Аат Татай!». Такой же возглас «Татай», имеющий сакральный характер, восходящий к имени одноименного божества, существовал у представителей хоринских родов Бурятии. Таким образом, можно предположить, что этноним Таатта происходит не от случайно оброненного кем-то слова, а имеет ритуальное значение, связанное с верованиями древних племен края. Видимо, такое же сакральное значение имел топоним Амга (в русской транскрипции – Амга). Схожее слово в значении «рот, ущелье» имеется как в монгольских, так и в тунгусо-маньчжурских языках. Хоролоры, во всей вероятности, прошли через территорию Батурусского улуса, не осев на ней.

В архивных документах XVII в. упоминаются в качестве отдельной волости батулинцы-каптуги и чакыры. Предки трех других наслегов, где живут современные батулинцы, – Хадарского, Сулгачинского и Кугдинского – в XVII в. не упоминаются [Долгих, 1960, с. 376]. Представители родов Хадаар, Сулбаччы, Кугда, Хоптобо, Чакыр и составляли Батулинскую волость в XVII в.

В материалах участников Второй Камчатской экспедиции зафиксирована роль батулинцев в образовании якутского народа. Согласно информации шамана Сотоя Трекина из Баксинской волости Мегинского улуса, к Батулинской «секте» (родовому объединению. – В.У.) относятся: «1. Бахсынцы; 2. Батулинцы; 3. Сыланцы; 4. Игидей-

цы; 5. Джохсогонцы; 6. Тыарасынцы; 7. Оргеты; 8. Байагантайцы ... так как Батулинская волость – самая большая из них, и она разделена между тремя улусами, а именно: Батурусским, Кангаласским, Мегинским». Сам Г.Ф. Миллер к «Батулинской секте» относил и хоринцев [Элерт, 2001, с. 112–113].

Г.Ф. Миллер разделял все якутские роды на три группы (по нему – секты): 1) батулинцы и хоринцы, почитавшие орла как наивысшее божество, самое близкое к божеству Урун Айыы; 2) намцы и остальные, относящиеся к ним волости, исключая бетунцев, почитавших лебедя так же, как вышеупомянутые орла; 3) остальные улусы и волости, не относящиеся к двум, но все же почитающие орла, под именем Хомпоруун Хотой [Там же].

Таким образом, получается, что большинство якутских родов ранее относились либо к батулинцам, либо к хоринцам (по-якутски хоролоры). К ним, судя по всему, относились даже такие крупные племена, как кангаласцы, борогонцы и мегинцы, не говоря уже о намцах и баягантайцах. В некоторых генеалогиях утверждается, что предком двух последних улусов является человек по имени Баараҕай Баатылы. В состав бурятвов к приходу русских казаков входили батулинцы, оказавшие им яростное сопротивление. В генеалогии булагатов имеется некий Батлай, от него происходят восемь (найман) батлаевских родов, считающихся кудинскими булагатами. Предполагается, что они являются исчезнувшими батулинцами. Однако батулинцы фигурируют совместно с хоринцами – «коринцы и батулинцы». Поэтому обычное для хоринских родов деление на две фратрии связывают с включением и ассимиляцией в составе монголоязычных хоринцев ранее тюркоязычных батулинцев, ассоциируя их с найманами Монгольского Алтая [Цыдендамбаев, 1972].

По этой причине представляют интерес архивные данные академика Г.Ф. Миллера, показывающие, что и якуты ранее состояли в основном из двух фратрий: батулинцев (боотулу) и хоринцев (хоро). Отсюда можно констатировать, что основную роль в происхождении якутских улусов сыграли не монголоязычные хоринцы и баргуты, а, скорее, их предки – тюркоязычные курыканы и байырку. По мнению китайских и российских ученых, в происхождении баргутов Внутренней Монголии основную роль сыграли племена курыкан и байырку [Коновалов, Миягашева, 2012].

Калмыцкий род багут (укороченное от баргут) проживает в станице Батлаевская. Эти дойдабагуты (по У.Э. Эрдниеву их название образовано от эвенского «дойду») исповедуют православие и состоят на службе в Войске Донском [Эрдниев, 1980]. В этой связи следует сказать, что эпоним Баараҕай сходствует со словом барга «богатый, могущественный». Слово баараҕай переводится как «громадный, огромный», от него происходит название племени – баргут и их предполагаемых предков – байырку. Дальнейшие исследования позволяют обнаружить множество фактов, говорящих в пользу мнения о баргутах, как одних из самых главных предков саха. Так, представители баргутов по результатам тестов относятся к гаплогруппе N1с. Происхождение якутов от тюркомонгольских племен из Забайкалья и наличие N1с может говорить о возможности общего генезиса некоторых групп баргутов, бурятов и якутов (по мужской линии) от средневековых забайкальских баргутов [Центральноазиатский...].

Однако хотелось бы заметить, что баргуты считаются монголоязычными. Так, во Внутренней Монголии проживают баргуты, выходцы из Баргучжин-Тукума; в бурятской генеалогии Барга Батор – общий предок бурятов и ойратов. Батурусцев как представителей акающего диалекта принято относить к потомкам Омоҕой Баайа. Часть историков считают, что на территории Батурусского улуса жили некие монголы [Гоголев, 1993].

Образование Батурусского улуса в XVIII в. было продиктовано необходимостью территориально-административного деления якутского воеводства. В первой половине XVII в. бетюнцы и батулинцы были куда более значительными племенами, чем собственно батурусцы-катыльинцы. Самостоятельными крупными родами были и сыланцы, жексогонцы, бологуры. В этом отношении батурусцы в корне отличались от родов борогонцев, мегинцев, кангаласцев, намцев, баягантайцев, ставших улусами на основе одноименных волостей и мелких волостей, имеющих кровное родство с основной волостью.

Для сравнения рассмотрим Бетюнскую волость, самую крупную волость согласно переписи 1642 г. В XVII в. в неё входили роды Үрэнэйский, Батагайский, Сосуйский, отмеченные в документах этого времени в качестве отдельных волостей, а также роды Чордунский и Кобяконский. Бере-бетюнцами в Амгинском улусе называли предков Бетюнского, Абагинского и

Соморсунского наслегов. В этой связи хотелось бы обратиться к исследованиям краеведа М. Алексеева. Он обнаружил, что в учетной книге ясакоплательщиков на Амге числятся представители родов хоро, боотулу и туматов. Также он обнаружил, что в некоторых фольклорных источниках амгинских хоро называли бөтүнцами, батулинцами или же амгинскими борогонцами, и пришел к выводу о том, что общим названием бөтүнцев, батулинцев и борогонцев было хоро-лор [Алексеев, 2001, с. 23–25]. Данное мнение заинтересовало нас в том отношении, что у всех трех родов обнаруживаются хори-бурятские этнические корни.

Что касается мнения краеведа о происхождении названия Скороульской волости от Хоро ууһа, то оно спорно. Возможно, прав был Б.О. Долгих, возводивший данное название к Хара ууһа (от рода хара) [Долгих, 1960]. Не исключено, что данный род, как проживавший в якуто-тунгусском пограничье, получил свое имя от термина «караул». Для того, чтобы сделать решающие выводы, нужны дальнейшие исследования в архивах, изучение опубликованных трудов краеведов, фольклорных записей и др. Скорее всего М. Алексеев прав, утверждая, что в данной волости в основном проживали бетюнцы [Алексеев, 2001, с. 23–25].

Бетюнцы проживали и на территории будущего Намского улуса. Волчьими родами – «бөрөлөөхтөр», они называли предков наслегов Бөтүн, Көмөкөн и Түбэ [Боло, 1994, с. 308]. Бетюнцы мигрировали с территории реки Амга в долину Энсиэли после известного сражения 1642 г.

Сделанный обзор показывает, как сильно изменились места обитания якутских родов и племен после прихода русских казаков на территорию Средней Лены. Именно они явились причиной миграции якутских родов на новые территории, а не легендарный правитель Тыгын.

В состав Батурусского улуса вошло и население волостей других улусов. Так, нахарцы, представители Накарской волости, относящиеся к кангаласцам, мигрировали на Амгу, потеснив бетюнцев. Известный по легендам разгром нахарцами бетюнцев произошел из-за дележа земельных угодий. Часть мегинского рода Бахсы во главе с Куһагай Оҕонньором переселилась на территорию современного Чурапчинского района, составив там отдельный род Бахсы [Боло, 1994, с. 268–270].

Волчьё происхождение бетюнцев связывает их с представителями родов чино-шоно (волк в монгольских языках) в составе монгольских народов, считающихся потомками легендарного прародителя монголов Бортэ-Чино (Сивого Волка). Считается, что некогда существовал одноименный род, причем он перекочевал на территорию Баргуджин-Тукума и, породнившись с баргутами или хори-туматами, дал начало средневековым монголам [Козин, 1941]. Таким образом, получается, что предки монголов в лице Бортэ-Чино вступили в этнический контакт с далекими общинами предками бурятов и якутов в лице Алан-Гоа и Баргучжин-мергена, основав монгольский народ, первоначально проживавший в Баргузинской долине.

В этой связи следует сказать, что волка в качестве своего прародителя почитали и древние уйгуры. Известно, что в IX в. последний уйгурский каган Энень-Тегин с тремя семействами бежал от енисейских кыргызов на территорию племени да-шивей. Лю Маоцай считал, что они жили на территории Южной Якутии и были предками борджигинов, т.е. предков Чингисхана. Обзор показал, что существуют разные интерпретации этих событий, связанных с падением целой империи Центральной Азии. Так, Г.В. Ксенофонов, явно знакомый с сочинением Лю Маоцай, считал, что Энень-Тегин и был историческим прототипом легендарного прародителя якутов Элэя [Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Д. 11]. Да-шивеи с «никому непонятным языком» (видимо, тунгусское племя), выйдя из территории Южной Якутии в бассейн Амура, вытеснили оттуда другие шивейские племена (китайское написание термина сибир. – *B.У.*). Кыргызы направили против них карательную экспедицию и вернули всех беглецов обратно (причем численность кыргызского войска в летописях указывается фантастическая – 1000000 человек) [Кюнер, 1961]. Вполне вероятно, что эти события происходили на территории будущего Баргуджин-Тукума или Баргузинской долины. Там при участии хори-туматов, потомков средневековых кырыкан, с одной стороны, и аристократических родов древних уйгуров – с другой, могли происходить этногенетические процессы, в результате которых сформировались предки как будущих монголов, так и баргутов, предков будущих бурятов и якутов.

Среди тунгусов встречаются роды Бети. Считается, что они произошли от якутов Бетюнской

волости, сильно раздробленной после разгрома их карательным отрядом Василия Пояркова. Однако еще среди янских юкагиров XVII в. отмечается существование Петайского рода. Б.О. Долгих утверждает, что в конце XIX в. он назывался «Бетильским тунгусским родом» [Долгих, 1960], считалось, что он имел тунгусское происхождение. В XVII в. отмечается существование рода Бута или Бутальского, был даже построен Бутальский острог на территории современного Томпонского района (улуса) [Туголуков, 2013].

Необходимо заметить, что в исторических преданиях Батурусского улуса рассказывается о том, что в древности на месте данного улуса, по рекам Амга и Таатта проживали роды Ыарҕа, Дьохсоҕон, Сьлан, Алагар, Бетюн. По сведениям С.И. Боло, рассказчикам не было известно о их происхождении и времени проживания. Они знали только, что сначала это были небольшие группы людей, занимавшихся исключительно охотой, прозябавших в глубокой бедности [Боло, 1994, с. 239].

В целом в легендах прародители правобережных улусов описываются как одинокие богатыри с единственной короной, живущие в основном рыболовством и охотой. Следует принять во внимание то, что из-за мерзлотного ландшафта изначально только долины Средней Лены были пригодны для создания сенокосных и скотоводческих угодий. Амгино-Алданскую низменность приходилось осваивать в течение долгого времени, устраивая палы, очищая от кустарников и кочек, спуская озера [Николаев, 2009]. В стоянках раннеякутской кулун-атахской культуры на территории улуса: Уганья, Сырдык, Лонху, были обнаружены материалы кузнечества и знаки рунической письменности в наконечнике стрелы [Гоголев, 1993].

Еще А.П. Окладников в сыланах видел группу обьякученных аборигенов Центральной Якутии [Окладников, 1955, с. 363] и связывал их название с обозначением конных эвенков – солон. Переход буквы *ы* ~ *о* возможен, однако этноним солон воспроизводится от слова в значении «стрелок». Солон Внутренней Монголии нельзя однозначно отнести к тунгусо-маньчжурам, как хамниганов, они скорее отунгушенные монголы. Баргузинские летописи и фольклор бурятов упоминают солон-баргутов, переселившихся во Внутреннюю Монголию.

Прародитель сыланцев по имени Ураанай Ботур жил во времена «кыргыз уйэтэ» в земляной

яме. По словам рассказчиков, после него сменилось 19–20 поколений людей. Этот факт весьма удивил С.И. Боло, так как, по информации жителей многих улусов, даже до предков саха – Омогоя и Эллэя – сменилось не более чем 15–18 поколений. Он подчеркивает тот момент, что рассказчики не находят самого древнего предка на слега Сыланг. О многом говорит и тот факт, что предок сыланцев Ураанай Боотур носил белую одежду из конской кожи, поэтому кангаласцы издавна приняли его за лебедя. Однако более поздние предки Сыланского наслега – Таллан Тарбыыр, Тыллаах Чыбыргыыр и Төрөккөй Баай – уже имели много рогатого скота и лошадей [Боло, 1994, с. 94, 165–166, 241, 242].

Информация о наличии жилища буор дьээ (земляной дом) типа землянки была обнаружена нами в неопубликованных материалах А.А. Саввина. В китайских летописях повествуется о шэньмода шивэй, названных так по имени реки, живших в 4 днях пути на юго-запад от бо шивэй (на реке Нюкже, правом притоке Олёмкы). Зимой они жили в ямах, спасаясь от холода [Василевич, 1966, с. 59–93]. В этой связи следует отметить, что монголоязычные племена в раннем средневековье густо заселяли Приамурье. Дауры бассейна Амура, встречавшиеся в XVII в. вплоть до Витима и Алдана, происходили от монгольской (шивей-киданьской) общности. Единичные представители дауров встречались, согласно переписи первой половины XVII в., среди населения якутских волостей, в том числе на территории будущего Батурусского улуса [Долгих, 1960]. В раннем средневековье, думается, монголоязычные роды могли проникать на территорию Якутии из Северного Забайкалья и Приамурья. Древний путь в Китай шел из Амги через Алдан и Амур [Алексеев, 2001]. Так, лингвист А.М. Певнов пришел к выводу о контактах предков эвенов с монголоязычными племенами на территории Средней Лены [Певнов, 2015].

Название рода Бологур сравнивали с именем булагатов и даже болгаров; известно что прародителем данного рода является Боло Күүлэкээн. Таким образом, бологуры имеют антропонимическое происхождение. В этой связи можно вспомнить гипотезу, согласно которой якутские роды имеют клановое происхождение – от одного общего предка-основателя. Так, согласно якутской генеалогии, предком-прародителем Батурусского улуса является Боотур ууһа. В качестве

прародителей улуса также упоминаются сыновья Эллэя либо Омогоя Дьуон Дьаабы и Дьуон Дьангылы. Но гипотеза о происхождении от одного предка-основателя применима только в отношении небольших родов, например, бологуров. Большие роды, которые справедливо назвать племенами, такие, как кангалас (ханҕалас), бороҕон, баягантай, безусловно, происходят от крупных кочевых племен, известных в истории Центральной Азии. Имена предков-основателей якутских улусов (крупных волостей) во многих случаях сходятся с известными этнонимами тюрко-монгольских племен. И это отнюдь не случайно. Осколки целого ряда крупных кочевых племен вошли в состав многих тюрко-монгольских народов и даже тунгусо-маньчжурских, свидетельствуя о распаде и образовании нового кочевого объединения. В генеалогии казахских и башкирских племен в качестве древнего предка обычно упоминается эпоним (основатель), носящий одноименное с названием племени имя, например, Найман или Керей. Что касается бологуров, то известно, что Омуоруя Баай, помимо большой кровнородственной семьи, имел много слуг и кулуттов-рабов из чужих родов, тоже ставших бологурами. Так что определение «клан» (кровнородственный род) допустимо лишь в отношении «тойон-ууса» (аристократической семьи) бологуров.

Хотелось бы отметить наличие схожих с тюрко-монгольскими названиями этнонимов в составе Батурусского улуса. Так, название поселка Абаҕа в прежнем Батурусском улусе, на территории прежней Батулинской волости, наталкивает на мысль о существовании родоплеменных групп абганеров и абга в различных регионах монголоязычного мира. Их название так же, как и якутское, происходит от слова абга (дядя) [Эрдниев, 1980, с. 62].

Казахский исследователь А. Нурмугамбетов находил связь между Адай, крупным родом в составе племенного союза байулы Малого жуза, с родами саха Үөдэй, Үөдүгей, Уодай [Нурмугамбетов, 1984, с. 93]. Не зная якутского языка, он сравнивал имя адаев с названиями якутских родов через русскую транскрипцию. Действительно, упоминаемые в документах одайцы, одейцы и одугейцы – вроде родственные этнонимы. Такие неграмотные сравнения, увы, встречаются сплошь и рядом. Так, известный российский тюрколог Н.А. Аристов якутское слово арыы «остров», встречаемое в качестве топонима и эт-

нонима, связывал с названиями тюркских родов, имеющими корень *ар* [Аристов, 1896].

Возможно, этноним Адай связан с названием рода Уодай (Одай) среди батурусцев, также он встречается у тувинцев в Монголии, у бурят он существует в качестве имени родоначальника.

Имя рода саха Чакыр, возможно, связано с родом туркмен и киргизов чакыр и чахырлы в Азербайджане [Атаниязов, 1988, с. 95]. А.А. Нурмугамбетов имя казахского рода шеркес связывал с названием якутского рода сэргэччи из бывшего Жёксогонского наслега Батурусского улуса [Нурмугамбетов, 1984, с. 95].

Имя рода Төлөй, возможно, происходит от бурятского слова *морин тоолэй*, означающего почетное угощение из сваренной конской головы, преподносимое по народному обычаю хоринцев [Цыдендамбаев, 1972, с. 209]. Обнаружение среди якутов столь популярного тюркского слова теле само по себе интересно. Китайский летописный термин теле реконструируется как *терег*. Данный этноним воспроизводится от тюркского слова, имеющегося и в якутском языке, – төлөннүт «плательщик». Название крупного рода Алабар наталкивает на мысль о наличии множества родоплеменных этнонимов, образованных от тюрко-монгольского слова ала «пегий, пестрый». Это и бома (алаты в тюркском переводе) – сибирский народ в Танский период (V–VII в. н.э.), и алакчины Приангарья XIII в., и алчины в составе казахского народа, алчин-татары.

Название рода Мугудай Сылан, или бугудай, возможно, связано с именем племени теле пугу, сохранившимся в лице киргизского племени бугу. Имя рода Марха можно сопоставить с родом туркмен марха. Известно о существовании кочевого племени маркатов или Марка (кун) по Ауфи. Их связывали с меркитами Забайкалья, они упоминались в связи с «великим переселением» кочевых племен в начале XI в., приведшим к образованию кыпчакского союза племен. Более того, известный ориенталист В.Ф. Минорский писал, что в тюрко-монгольских языках он нашел только одно схожее с этнонимом марха слово – это название местности Марха близ Якутска [Minorsky, 1937]. Сделанный обзор показывает, что в якутской лексике сохранились архаичные этнонимы, связанные с кочевыми племенами евразийских степей.

Таким образом, Батурусский улус является одним из древних якутских улусов. В него вошли

несколько самостоятельных волостей (племен): Хатылинская, Бологурская, Бетюнская, Джохсонская (Таттинская), Батулинская, Сыланская и Скороульская (хара ууса). В первой половине XVII в. роды батулинцев и бетюнцев были крупнейшими волостями. Сильное сопротивление, оказанное ими казакам, привело к их разгрому и распылению, переселению на Вилюй, Оленек, Верхоянье и вхождению в состав тунгусских групп. В свою очередь из единого Батурусского улуса выделились самостоятельные Амгинский, Таттинский и Чурапчинский улусы. Следует сказать, что происхождение отдельных родов и даже племен в составе улуса является объектом изучения и интереса многих поколений краеведов и фольклористов, в том числе будущих.

Литература и источники

Алексеев М. Ааттамат айан аартыга // Илин. – 2001. – № 2.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей // Живая старина. – СПб., 1896. – Вып. III–IV. – С. 277–456.

Атаниязов С.А. Словарь туркменских этнонимов. – Ашхабад, 1988. – 180 с.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 320 с.

Василевич Г.М. Уранкай-эвенки // Доклады по этнографии. – Вып. 3. – Л., 1966. – С. 59–93.

Гозюлев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 199.

Иванов М.С. Топонимика Якутии: (Краткий научно-популярный очерк). – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 144 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборонок / Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т.1. – С. 5–122.

Коновалов П.Б., Миягашева С.Б. К проблеме этногенеза баргутов // Вестник БГУ. – 2012. – Вып. 8: Востоковедение. – С. 174–181.

Ксенофонтов Г.В. Второй том «Ураанхай сахалар» // Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Д. 11. Л. 1.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск: Наука, 1977. – 245 с.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 281 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Николаев С.И. Народ саха. – Якутск: Якутский край, 2009. – 300 с.

Нурмугамбетов А. О казахских этнонимах адай и шеркес // Тюркская ономастика. – Алма-Ата, 1984. – С. 93.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. – Т. I. – М.; Л., 1955. – С. 295.

Парникова А.С. О расселении якутов в XVII–XVIII вв. // Сибирь XVII–XVIII вв. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. – С. 247–256.

Певнов А.М. Исторические языковые контакты монголов и эвенов на Средней Лене // Контакты и взаимодействие культур / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Головнёв. – М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИИА УрО РАН, 2015. – 504 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I, кн. 1–2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 221 с.

Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Д. 11.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981. – 276 с.

Туголуков В.А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: Изд. дом «Сибирские промыслы», 2013. – 352 с.

Центральноазиатский исторический форум. Тема обсуждения баргу-баргут-татар. [Электронный ресурс]. <http://forum-eurasica.ru/index.php?/topic/5138-bargu-bargut-bargu-tatar/page-2>

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 285 с.

Эрдниева У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. – 286 с.

Minorsky V. Hudud al – ‘Alam. London [электронный ресурс]. <http://odnap11yazyk.narod.ru/1937> (дата обращения: 01.04.2016)

V.V. Ushnitskiy

Boturussky ulus: ethnic history and clan system XVII century

The paper analyzes the generic composition Boturusskogo ulus. Subsequently, this formed ulus Churapchinsky, Tattinsky and Amginsky region. We examine the etymological connection generic name Baturusskogo ulus with the Turko-Mongolian ethnonyms. Analysis of the generic names ulus indicates proximity to the ancestors of the ulus Turko-Mongol tribes Transbaikalia. ulus population is made up of a number of major birth Nately, Вөтүн, Bologur, Syлан.

Keywords: Boturussky ulus, Yakut parish, the generic composition, ethnonyms, the Turko-Mongolian peoples.

УДК 82.091

Ж.О. Артыкбаев

Ағам Оғус в мифологии саха: историческая ретроспектива

Статья посвящена анализу исторического антропонима Ағам Оғус, встречающегося в фольклоре народа саха. Для интерпретации автором использованы казахские исторические сказания об Огуз кагане, также труды Рашид-ад-Дина и Абулгази (Абуль-Гази Бахадур хана). Автор приходит к выводу о том, что Ағам Оғус и есть отражение древнего сказания Великой степи об Огуз кагане.

Ключевые слова: мифо-легендарные сюжеты, Огуз хан, устная традиция, генеалогия, архаическая история, фольклорная версия.

© Ж.О. Артыкбаев, 2016

В устной традиции саха, вероятно, сохранилось немало сведений и мифо-легендарных сюжетов о сказочном герое Ағам Оғусе. Ағам в данном контексте указывает на древность этого имени, поскольку в языке саха оно всегда применяется по отношению к старшему, пожилому человеку, а в переносном значении аға означает 'зачинатель, основоположник, отечество'. Впервые имя Оғус, как мужское сказочное имя, было зафиксировано в дореволюционный период в этнографических исследованиях В.Л. Приклонского [1886; 1890]. Некоторые из этих сведений были использованы в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского [1959, т. 1, с. 17]. Известный исследователь этнической истории саха В.В. Ушницкий в статье, посвященной происхождению базового этнического компонента саха – кангаласов, приводит такое фольклорное выражение из трудов П.А. Ойунского: «*Обус буолан аан дойдога айаатаабыт ураанхай – сахалар бу биһиги бу баарбыт*» («*Те самые уранхай – саха, будучи огузами, на весь мир возвестили, это мы и есть*») [Ушницкий, с. 1]. Современный туркменский исследователь О. Гундогдиев это фольклорное выражение отнес к категории «*интересных и мифологических выражений якутов — саха*» [Гундогдиев, 2012, с. 45].

Таким образом, отдельные фрагменты легендарных и исторических преданий тюрков об Огуз хане в устной традиции саха уже имеются, что позволяет нам попытаться найти первооснову и провести ретроспективный анализ. Дело в том, что мы якутского сказочного героя Ағам Оғуса отождествляем с общетюркским Огуз ханом. На наш взгляд, следовало бы обратиться к устной традиции казахов, где сохранились различные исторические версии, связанные с объяснением происхождения и деяний Огуз хана, а также к трудам восточных историков, таких, как Рашид-ад-Дин и Абулгази, составленным в свою очередь на основе устной информации знатоков истории Великой степи.

Образ Огуз хана занимает значительное место в казахском шежире, в различных вариантах которого мы находим немало интересных фактов об этой легендарной личности. Прежде всего следует заметить, что в казахских преданиях Огуз хан известен под именем Уыз хана. М.Ж. Копейулы в цикле рассказов «*Қазақ түбі*» пишет следующее: «Дальний наш предок – Ер Турк. Во втором поколении наш предок – Могол. В третьем поколении наш предок – Уыз хан. Мы не будем претен-

довать на Ай, Кун, Жулдыз (имена старших сыновей Огуз хана. – Ж.А.), почему же для нас жалеют Уш ок? Почему же мы до сих пор называемся “Уш жуз”, “Уш Алаш”?» [Копейулы, 2013, т. 8, с. 15].

Чрезвычайно много видимых и невидимых нитей (через обряды, обычаи и суеверия) связывают историю кочевников времен Огуз хана и казахов. В отдельных казахских генеалогических повествованиях история человечества берет свое начало с пророка Нух и дальше нисходит по следующей линии: от Нуха – Жаппас; от него – Турк, от него – Тутук, от него – Кой, затем Едилше, затем Алаша, от него два сына – Могол и Татар, а от Могола – Карахан, а от него – Уыз хан! «*Происходим мы от потомков того самого Уыз хана. Он самый Уыз хан, который распорядился, чтобы сделали юрту, прозвались с того “Киіз туырлықты қазақ, уыз үйлі” (“Казахи с войлочными стенами домов от Уыза”)*», – рассказывали знатоки истории в прошлом. Согласно генеалогическим материалам М.Ж. Копейулы, Уыз хан – потомок пророка Нуха (Ной) в десятом колене.

Полнота сообщений М.Ж. Копейулы об Огуз хане, содержательная информация, не встречающаяся у восточных историков (Рашид-ад-Дина, Абулгази и т.д.), свидетельствуют в пользу древности казахского материала. По всей видимости, в древности как об Алаша хане, так и об Ағам Оғусе в среде кочевых тюрков и монголов существовали значительные своды исторических рассказов, которые отчасти перешли в восточные сочинения, а отчасти сохранились в виде разрозненных преданий.

Родословная Ағам Оғуса во многих вариантах шежира восходит к легендарному Алаша хану. Так повествует о происхождении Оғуса великий историк Востока Рашид-ад-Дин: «У Булджа (Алаша-хана) был сын по имени Диб-Якуй (Диб-Бакуй), слово “диб” имеет значение диспута или место должности, а слово “якуй” означает властвующего над всеми племенами. Этот сын превзошел отца, как могуществом, так и доказательствами царственного достоинства. Он имел четырех сыновей с такими именами: Карахан, Орхан, Козхан и Корхан. Весь этот народ был неверным. Карахан стал преемником своего отца, у него родился сын, который трое суток не брал материнской груди и не пил ее молока. По этой причине мать его плакала и молилась. Каждую ночь она видела во сне, будто бы ребенок ей говорил: “Мать моя! Если ты станешь поклоняться богу и возлюбишь его, я стану пить твоё молоко”».

Вследствие того, что ее муж (Карахан) и весь народ были неверными, она опасалась, что если узнают о почитании ею (единого) бога, то убьют ее вместе с ребенком. Однако она обратилась к истинной вере, и младенец стал сосать молоко. В возрасте одного года он был необычайно опрятным и красивым ребенком, на челе которого отражались признаки зрелого ума и руководительства в путях истинной веры. Тогда его отец (Карахан) сказал: *«Не рождалось в нашем народе ни одного дитяти с такой внешностью и с таким лицом, этот (мой) сын сделается наиболее великим и уважаемым из среды равных и подобных себе и, пожалуй, достигнет степеней совершенства»* [Рашид-ад-Дин, 1952, т. 1, кн.1, с. 81].

Далее Рашид-ад-Дин повествует о совещании, которое было устроено Караханом по поводу наречения ребенка. Во время этого пира годовалое дитя, заговорив, заявило: «Назовите меня Огузом». Как отмечает историк, «все присутствующие были чрезвычайно поражены этим обстоятельством». Такова вкратце легендарная история происхождения Ағам Оғуса, само появление которого, как описывали древние историки, было признаком руководства всевышней истины. События, связанные с наречением младенца, носят печать сакральности, свидетельствуют о необычности этой исторической фигуры. Для объективной интерпретации ранней истории Ағам Оғуса требуется тончайшая этнографическая методика, а также знание истории Великой степи и языковой культуры кочевников.

Легендарная история Ағам Оғуса, известного героя литературного памятника средневековых тюрков, разрабатывалась многими учеными. Следует отметить, что в основном исследователи анализировали стихотворный вариант «Огуз-наме», ибо самобытный характер эпоса, богатство поэтической структуры, загадочность образов и событий, отраженных в нем, привлекли их внимание с момента первых публикаций памятника. На наш взгляд, тюркская эпическая версия рассказа об Огуз хане сохранила наиболее архаичную историю. Так, в ней первый подвиг Огуза как и во всех мифах древнего мира, сплелся с элементами, принадлежащими к мифическим эпосам:

«... в лесу есть носорог,
съедал он людей и народ.
Несчастье постиг народ.
Огуз каган был смелым человеком,
Хотел убить носорога.

Как-то вышел на охоту,
Отправился с мечом, оружием и щитом.
Носорог ударил головой его щит.
Огуз ударил его в голову и убил!»!

[Щербак, 1959, с. 25].

Изучение каждого памятника, независимо от его характера – легендарные это или вымышленные рассказы, является своего рода испытанием для исследователя. Мы еще вернемся к интерпретации сказочных сюжетов из эпической поэмы об Огуз хане, пока же обратимся к казахскому шежире, которое содержит более реалистичную картину прошлого: «Сын Могола Карахан, от него родился Уыз хан, и не было в те времена ни книг, ни пророков. Когда Уыз хан повзрослел, он стал великим правителем, распространив свое влияние на мир, покорил многие страны и народы и обратил их в мусульманство. У Уыз хана было шесть сыновей, имена их – Айхан, Кунхан, Таухан, Тенизхан, Жулдызхан, Кокхан. До этого никто не называл такими именами своих детей, и Уыз хан первый из тех, кто сделал юрту. И организовал он по этому поводу большое торжество – той, забив девятьсот лошадей, девять тысяч овец, велел сшить девяносто девять кожаных саба, в девяносто из них залили кумыс, а в девять – вино. Поэтому достоверно, что наш предок – далекий Уыз (Огыз). Он по причине того, что со времен Тюрка продолжилась непрерывно ханская власть на протяжении девяти коллен, счел “девять” за приметное число и распорядился о святости [числа] «девять», и с того времени повелось дарить дары на торжествах – числом девять и прочего, а на похороны усопшего преподносить также девять голов скота. Другой довод о происхождении в прошлом наших казахов от Уыз хана известен даже с того, что и в наше время дети казахов называются именами Турік, Тутік, Койбай, Сырбай, Уызхан, Уызбай, Уызынан и другими» [Көпейұлы, 2013, т. 8, с. 15–16].

Таким образом, в казахских сказаниях Ағам Оғус – родоначальник народа, культурный герой, в историю вошел как создатель юрты, как впервые возвеличивший число 9 и т.д. Место обитания Ағам Оғуса, его предков и потомков – широкие просторы Сарыарки, т.е. степная часть Казахстана. Казахское шежире говорит об Оғусе как о прародителе, как о праправителе казахского этноса. Казахские источники, сообщающие о многочисленных связях огузского народа с поздними кочевниками, не вызывают никаких сомнений относительно

но их достоверности. Также мы не сомневаемся в том, что так называемый огузский период нашей истории (IX–XI вв.) – это всего лишь надводная часть айсберга истории Великой степи. Казахские исторические предания указывают нам более древние во времени и пространстве события.

Рашид-ад-Дин и Абулгази также подтверждают сведения казахской устной традиции. Обратимся к разделу «Карахан» из «Шежире» Абуль-Гази Бахадур хана, прославленного историка средневековья: «После своего отца (Карахан) царствовал над всем народом. Летом он жил в горах Эр-таг и Кер-таг, которые ныне зовутся Улугтаг и Кичигтаг; а когда наступала зима, он проводил время в Каракуме и на берегу реки Сыр. При Карахане подданные его сделались столь нечестивы, что между ними не было ни одного мусульманина» [Абуль-Гази Бахадур хан, 1854, с. 13]. Безусловно, здесь речь идет о языческом периоде истории кочевников Центральной Азии. Если же говорить о существовании признаков какой-либо веры, то она могла быть только тенгрианской. Возможно также, что мотив принятия Огузом веры в Бога связан с распространением у кочевников зороастризма. Так или иначе, события, описываемые в связи с Огуз-ханом, восходят к древнейшей истории Великой степи. По крайней мере, они характеризуют историю II–I тыс. до н. э. Отличительная черта этой эпохи – создание кочевниками Евразии сильной империи.

Большое внимание в восточных преданиях уделяется вражде между отцом (Карахан) и сыном (Огуз хан). Причиной этой вражды, приведшей к отцеубийству, было принятие Агам Оғусом новой веры: «веры в Бога небес и земли», т.е. тенгрианства. В особом разделе сочинений Рашид-ад-Дина, посвященных происхождению и истории огузов, – «Огуз-наме» вместо «Бога небес и земли» говорится об едином творце: «...уверуй в единого творца, признай его и считай его власть над собой обязательной» [Рашид-ад-Дин, 1952, т. 1, с. 16].

Вначале никто из окружающих не знал об обращении Огуза к новой вере, но однажды Карахан устроил большое пиршество, на которое были приглашены и жены Огуза. Во время пиршества Карахан спросил: «Так как эти две снохи красивее, чем последняя, то, как случилось, что мой сын (Огуз) любит ее больше, чем их. Он все время ходит к ней и с ней общается, а на двух первых не обращает внимания? Две снохи были недовольны своим мужем и сильно ревновали его. Воспользо-

вавшись удобным случаем, они выступили против мужа, сказав: “Он принял другую веру – верит в бога небес и земли, возлюбил его и желает, чтобы мы также согласились с ним. Мы отвергли и не обратили внимания на его речи. По этой самой причине он относится к нам недоброжелательно. А та твоя невестка так же, как и он, уверовала в бога, стала с ним согласной и единомысленной. Естественно, что он ее любит, а нас ненавидит”» [Там же, т.1, кн.1, с. 82].

После этих слов Карахан собрал всех братьев, племянников и эмиров и объявил им о поступке Огуз хана. Собрание единодушно решило умертвить его. Только благодаря верной жене Огузу удалось избежать смерти. Своевременно узнав о покушении, он собрал своих нукеров и товарищей, подготовился к сражению и вступил в бой. В этой битве «шаика настигла Карахана, и он умер от этой раны», – пишет Рашид-ад-Дин. Братоубийственная война длилась почти семьдесят пять лет. В конце концов Огузу удалось захватить область от Таласа и Сайрама до Бухары.

О дальнейших событиях более осведомлен Абульгази. По его словам, после подчинения отцовского юрта Огуз направился на восток: «Он завоевал Джурджит, а также Тангут, который таджики называют Тибетом. После того он покорила Кара-Китай, также большой юрт, жители его, как и индусы, черного цвета. Между Индостаном и Китаем, на берегу океана, на зимнем востоке или на юго-востоке летнем от Тангута, на той стороне Китая на берегу моря, в цепи больших гор, было много народов. Государя этой страны называли Ит-Барак. Огуз хан против него выступил в поход, Ит-Барак победил, Огуз хан обратился в бегство. По эту сторону места, где проходила битва, протекали две большие реки, между ними реками, остановившись на несколько дней, он собрал остатки рассеянного войска» [Абуль-Гази Бахадур хан, 1854, с. 17].

В это время, как повествует легендарная история тюрков, жена одного из князей Огуза, укрывшись в дупле дерева, родила мальчика. Когда об этом донесли хану, он сказал: «Его отец пал в битве при мне, но это не беда!» Взял к себе этого мальчика и нарек его Кыпшаком, так как в старинном тюркском языке, как свидетельствует Абульгази Бахадур-хан, дуплистое дерево называли «кыпшак».

Когда Кыпшак достиг юношеских лет, Огуз хан направил его в страну между Доном и Ити-

лем, чтобы управлять народами урус, авлак, маджар, башкурд и др. Триста лет он и его потомки царствовали в этой стране. «*Со времен Угуз-хана до Чингис-хана на берегах трех рек – Дона, Итиля и Яика – не было другого народа, кроме кипчакского*». Так объясняет древнее шежере появление на исторической арене Евразии могущественных кыпчаков. Как уже говорилось, в прошлом у казахов существовала поговорка: «*Кого больше – китайцев или кыпчаков?*», которая несколько объясняет происхождение данного сюжета. Абульгазы, как, впрочем, и его предшественник Рашид ад-Дин, во многом полагался на материалы устного исторического творчества степняков. Он особо описывает походы Огуз-хана в Туран (судя по контексту легенды – междуречье Аму и Сыра) и Индостан, в ходе которых тот прошел через всю Среднюю Азию до Кашмира. «*Наконец, Угуз-хан взял Кашмир и велел убить ягму (правителя), войско его было истреблено. Пробыв там немного времени, он через Бадахшан возвратился в Самарканд, а оттуда отправился в Монголию*». В данном случае под Монголией подразумевается коренной юрт Огуза – горы Ертаг, Кер-таг, т.е. современный Центрально-Казахстанский мелкосопочник (Сарыарка).

Следующий свой поход Огуз хан направил в сторону Ирана, Сирии и Египта. В это время, как свидетельствует Абульгазы, в юрте иранском не было хорошего государя: Кеймаурс умер, а Гешунга еще не возвели на царство. В результате наступил период, который тюрки называли «*правлением черных ханов*», т.е. в каждом семействе ханом был простолюдин. Это состояние хаоса позволило Огузу быстро занять Ирак-аджем, Ирак-араб, территорию современных Азербайджана, Армении и Сирию. Он подчинил себе их, «*некоторые из них смилив оружием, другие договорами склонив к подданству*».

Когда Огуз хан находился в Сирии со всеми сыновьями и с войском, один из его слуг (Улуг Турк) увидел во сне золотой лук и три серебряные стрелы. Он был мудрым и верным соратником, поэтому Огуз хан воспринял его сон, как предзнаменование, повелел отправиться на восток, в пустыне зарыть в землю лук, один конец его выставить наружу, а стрелы отнести на западную сторону и зарыть в землю их так же, как лук. По прошествии некоторого времени Огуз собрал сыновей и отправил их на охоту. Три старших сына нашли золотой лук, а младшие сыновья – стрелы.

С тех пор старшие сыновья получили название Буз ок, а младшие – Уч ок. Это знаменательное событие предопределило на многие годы и столетия взаимоотношения внутри тюрко-монгольских племен. Потомки тех его сыновей, которые нашли лук, всегда считались старшими и всегда занимали почетное крыло, потомки сыновей, которые нашли серебряные стрелы, считались младшими.

В «Огуз-наме» в записях Рашид-ад-Дина это событие происходит не на территории Передней Азии, а в родном юрте, т.е. в степях Казахстана: «*По случаю благополучного возвращения в родной юрт Огуз приказал ради такого праздника зарезать 90 тысяч баранов, 900 лошадей и, задав большой пир, он воздвиг золотой дом (в казахских сказаниях постоянно фигурирует только юрта. – Ж.А.). Однажды во время этого пира шесть сыновей Огуза, участвовавших с ним в мирозавоевательных походах и вместе с ним в добром здравии возвратившихся в основной юрт, отправились на охоту. Случайно они нашли один золотой лук и три золотых стрелы. Они взяли все это и отнесли к отцу, чтобы он по своему усмотрению распределил их среди братьев. Их отец Огуз разломал лук на три части и отдал их трем старшим братьям, а три стрелы он раздал каждому из младших сыновей» [Рашид-ад-Дин, 1987, с. 46]. Вот так появились названия «Буз ок» и «Уч ок», определившие, по легенде, места и чины в войске кочевников. Исследователи полагают, что в «Огуз-наме» имелся раздел о военной организации кочевников, который сохранился, к сожалению, в виде отдельных фрагментов: «*Армия Огуза делилась на семь частей. Первая часть именовалась по-монгольски *булчунгар*, а по-тюркски *каравул*; располагалась она перед основными силами войска. Вторая часть по-монгольски называлась *манголай*, по-тюркски – *йеравул*, а по-арабски – *мукаддимат ал-джайш*. Она состояла из храбрых молодых войнов...*». Дальше идет описание места и значения «он кол», «сол кол», «кол», «кючюнгар», «бухтарме», «карму» и т.д. В составе войск называются также подразделения урун, солгай, саврым, унюш, кюшюк и т.д. Вернемся к основной теме. Как говорится в легенде, «*после они решили так: место тех, кому Огуз дал лук, должно быть более высоко, и в армии они должны составлять правое крыло (фланг). Те, кому он выдал стрелы, должны стоять рангом ниже и составлять левое крыло армий. Ибо лук властвует, подобно падишаху, а стрела лишь явля-**

ется подчиненным ему (луку) посланием. Их юрты Огуз разделил точно в таком же порядке».

Следует, на наш взгляд, внимательно проанализировать легендарные сведения о распределении родовых территорий (жұрт) внутри раннеогузского сообщества племен: «После того, как дела сыновей Огуза и в других странах были доведены до совершенства, было отдано следующее распоряжение: племя Бозок, составляющее правое крыло, должно иметь летовки (на землях) от границ Сайрама и гор Башгурда до самого Карабага. Племена Учок, составлявшем левое крыло, летовки выделялись (на землях) от Куртака, Йериуда (Карысынур?), Туглака? (Кушлука?) и Бозйака до Актага и Алмалыка. Зимовки (кишлак) для правого крыла были определены в Барсуке, Актаке, Намалмыше (Тамалмыш) и Басаркуме. Для левого крыла они были определены в Кайы (Карлу?) дере, Асанаше (Сал Гечдум?), Кум Сенгри, Кайы Дурду и Йар Сенгри» [Там же, с. 50]. Отдельные исследователи, работавшие с этими текстами, полагают, что указанные в списке местности, по всей вероятности, располагались в северной части Казахстана (см.: замечания Р.М. Шукуровой в конце «Огуз-наме» Рашид-ад-Дина).

Много лет власть Огуз хана распространялась на завоеванные страны. Уничтожив врагов, облагодетельствовав друзей и «во всех областях, которыми голова – Сайрам, а ноги Египет, поставив правителей, возвратился в свой юрт». «Своим» юртом легендарного Огуза и его сыновей составители «Огуз-наме» считают великие степные просторы Казахстана и горные цепи, известные еще в ту эпоху, как Алатау, Каракорым, Турканлутак и др.: «...захватив там очень много добра и добычу, он возвратился в свою родину Туркестан и остановился в Ортаке и Алатаке. Находящиеся близ Алмалыка Туркунлутак и Турканлутак – очень высокие и головокружительные горы», – говорится в записях «Огуз-наме» Рашид-ад-Дина [Там же, с.19].

Эти события с трудом поддаются датировке. В любом случае повествование говорит об одном из этапов освоения ранними кочевниками, вероятно кочевниками эпохи раннего железного века, в ходе создания империи территории Ближнего Востока. В отдельных версиях «Огуз-наме» имеются небольшие сведения, позволяющие связать с династией огузидов первых представителей Караханидской политической элиты. Можно ли предположить, что идеология государства кара-

ханидов, ориентированная на легендарную фигуру Афрасияба, как-то связана с Огузом? На наш взгляд, Афрасияб на несколько столетий старше Огуза и связан с периодом арийско-турского противостояния во втором тысячелетии до нашей эры. Карахан, которого иранцы называли Афрасияб, есть Карахан, отец Огуз хана.

Все-таки следует определиться с хронологией. В имеющихся вариантах устной традиции говорится, что Огуз хан правил 116 лет.

Казахский историк начала XX в. Шакарим Кудайбердыулы писал, что «годы правления Огуз хана по мусульманским книгам 3400 лет до нашего пророка. Он был сильным и завоевал множество народов». Надо полагать, что эта хронология появилась благодаря Абульгази, который пишет: «От Огуз хана до Кузы Йавы-хана все так и есть, как мы рассказали... Сколько лет прошло между Кузы Йавы-ханом и Огуз-ханом, мы не можем определить... может быть прошло четыре тысячи лет. Кроме того мы знаем, что Огуз хан жил во время Каюмарса, а у Инал хана визиром был Коркут-ата...» [Кудайбердыулы, 2008, с. 55–56]. Самый сложный и самый интересный текст об Огуз хане встречается в шежере Курбангали имама. По Курбангали, Карахан – 18-й потомок Монгола. Монголы с татарами были дружны до этого. Только после смерти татарского хана Суйынуч его три сына (Тайынгун, Душун, Кешул) из-за междоусобиц потеряли власть. Когда татары после войн ослабли, монголы отделились и провозгласили сына Кызыл Буга Карахана ханом. По словам Курбангали, Душун с Кешулом убивают Тайынгуну. Позже Душун умирает собственной смертью, и все подчиняются Огузу. Оставшийся в живых Кешул сам освободил трон. Таким образом, Огуз хан стал одновременно ханом и татар, и монголов [Халид, 1992, с.159].

По источникам Курбангали имама, в эпоху Огуз хана начинается строительство городов, впоследствии ставших основными центрами оседлости в Центральной Азии: «Огуз хан очень много внимания уделял строительству городов Хами, Турфан, Яркент, Хотан, Сагун, Каишгар, Балх (помонгольски “Аубалык”»)). На наш взгляд, это указание косвенно свидетельствует также о древности этой великолепной фигуры устной традиции тюркских народов. В контексте изучения подобных легендарных материалов следовало бы рассмотреть также причины появления городских центров в Северном Казахстане и в Южно-Уральских степях.

В «Огуз-наме» Рашид-ад-Дина Кун хану наследует его сын Диб Явкуй хан и в последующем власть в огузском юрте долго держалась у этой династии, пока не появилась легендарная династия Караханидов. Происхождение его интерпретируется в исторических преданиях совершенно произвольно и не всегда убедительно, что свидетельствует о различных генеалогических ухищрениях идеологов того периода. Так или иначе через эти генеалогические рассказы эпоха Огуз хана находит продолжение в деяниях династии Караханидов. По одной версии, «после смерти Уладмура главой стал его сын Кайи Явкуй хана – Кара Алп. Он был похищен врагом из колыбели, когда его отец сражался с Урдже ханом, но затем он возвратился и еще застал своего отца в живых». В «Шежире» Абульгази «у Мур-Иавы не было детей от законных жен. Во время набега на иль некоего Урджа хана он захватил в плен женщину, подержав ее несколько дней, он отослал ее. Возвратившись в свой юрт, женщина сказала: «Я беременна от Мур-Иавы хана. Через несколько месяцев она родила сына. Ему дали имя Кара хан. Он вырос у своих дядей. Став джигитом, он бежал и явился к Мур-Иавы хану. Мур-Иавы усыновил его. Когда умер Мур-Иавы, весь народ собрался и поднял его ханом» [Кононов, 1958, с. 61]. Далее в различных вариантах шежире идут повествования о правителях караханидской эпохи (Богра хан сын Кара хана, сыновья Богра хана: Ел Тегин, Козы Тегин, Бек Тегин и т.д.). Так представлялась завершающая часть легендарной истории Огуз хана средневековым историкам Востока. Нет сомнения, что в обоих случаях составители (Рашид-ад-дин, Абульгази) опирались на устную традицию Великой степи.

И, наконец, Огуз хан устроил грандиозный праздник. Прежде всего, он велел построить дворец, обложить золотом верхушки всех деревьев, украсить их рубинами, яхонтами, изумрудами, бирюзой и жемчугом. Об этом доме поэты сочиняли хвалебные песни:

Дом воздвигнут из злата Великим Властителем,
Дом, красотою равный небесным чертогам.

К пиру хан велел заколоть девятьсот лошадей и девять тысяч овец, велел сделать из сафьяна девяносто девять сосудов: девять из них велел наполнить вином, а девяносто – кумысом и созвал всех своих нукеров. Огуз-хан шести сыновьям своим, дав умные советы и сделав мудрые назначения, раздал земли, города, села и стада.

Наступил имперский период кочевников Евразии. Куполообразная двенадцатирешетчатая юрта Огуз-хана возвышалась над нашей Вселенной. Великие горы Улытау стали эпицентром ойкумены. Именно на эту древнюю и величественную эпоху указывает фольклорное выражение саха: «*Огус буолан аан дойдога айаатаабыт уранхай-сахалар бу бихиги бу баарбыт*» («*Те самые уранхай-саха, будучи огузами, на весь мир возвели, это мы и есть!*»).

Суммируя все вышесказанное, можно предположить, что сравнительный анализ исторических и фольклорных текстов подтверждает присутствие в устной традиции якутов древнего сюжета об Огуз Хане, сохранившегося в имени сказочного персонажа Агам Огус.

Так, историческая генеалогия и культурная память северных тюрков-саха обнаруживает архаичный «слой» степных сказаний об Огуз кагане

Литература

- Абуль-Гази Бахадур хан.* Родословное древо тюрков / под ред. Г.С. Саблукова. – Казань, 1854.
- Гундогдиев О.* Туркмены и народы мира. – Ашгабат, 2012.
- Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абуль-Гази хана хивинского. – М.; Л., 1958.
- Көпейұлы М.Ж.* Шығармалары. – 1–20 томдар. – Павлодар, 2013.
- Кұдайбердіұлы Ш.* Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі. – Астана: Фолиант, 2008 / Факсимиле, аударма, түсініктемелер мен көрсеткіштерді жазған Ж.О. Артыкбаев.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – Т. 1, вып. 1–4. – М., 1959.
- Приклонский В.Л.* О шаманстве у якутов // Известия Вост.-Сиб. отдела ИРГО. – Т. XVII, №1–2. – Иркутск, 1886. – С. 84–118.
- Приклонский В.Л.* Материалы по этнографии якутов Якутской области // Там же. – Т. XVIII, 1887. – Иркутск, 1888. – С. 1–43.
- Приклонский В.Л.* Три года в Якутской области. Этнографические очерки // Живая старина. – Вып. 2. – 1890. – С. 24–54.
- Рашид-ад-Дин.* Джамии ат-таварих: сборник летописей. – Т. 1. – М.; Л., 1952; Т. 2. – М.; Л., 1960; Т.3. – М.; Л., 1946.
- Рашид ад-дин.* Огуз-наме / отв.ред. Р.М. Шукюрова. – Баку, 1987.
- Уиницкий В.В.* Канглы – предки кангаласцев // <http://www.kyrgyz.ru/?page=49>
- Халид Қ.* Тауарих хамса шархи. – Алматы, 1992.
- Щербак А.М.* Огуз-наме, Мухаббат-наме. – М., 1959.

Zh.O. Artykbayev

АҒАМ ОҒУС (Brother Ogus) from mythology of sakha in a historical flashback

Article is devoted to the analysis of the historical antroponym «Ағам Оғус» which is found in folklore of the people of sakha. For interpretation the Kazakh historical legends about Oguz to the kagena are used by the author. Also the works of Rasheed-ad-dyne and Abulgazy are involved. The author comes to a conclusion that «Ағам Оғус» is a reflection of the ancient legend of the Great steppe about Oguz kagan.

Keywords: mytho-legendary plots, Oguz khan, oral tradition, genealogy, archaic history, folklore version.

УДК 94(571.56)"16"

К.М. Макарова

Намские родоначальники (аҕа-баһылыктар) в период колонизации Якутии в XVII веке

В статье исследуется роль намских родоначальников в зарождении государственности в Якутии, начавшейся в XVII в. с приходом русских казаков. Рассмотрена степень участия в этом процессе Мымака и его сына – Ники Мымакова; сыновей Ники Мымакова, внуков Мымака, – Нокто и Букея Никиных. Обосновано применение термина «аҕа-баһылыктар» (наиболее влиятельной, старшей и почитаемой части тойонов (в пер. с якут. «вожди племен»)), в руках которых находилась вся военно-политическая полнота власти населения или племени по отношению к намским родоначальникам, которые активно боролись за права своего народа в «эпоху воюющих улусов» – «кыргыс үйэтэ» и проникновения в край русских казаков.

Ключевые слова: аҕа-баһылыктар, Мымак, колонизация Якутии, Намская волость, намские якуты, зарождение государственности, намские родоначальники, становление политико-правовых отношений.

Термин «аҕа-баһылык» означает в «Толковом словаре якутского языка»: 1) старейшину рода; 2) главу, руководителя, уважаемого, почитаемого человека [Толковый..., 2004, с. 228]. В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского «басылык» переводится как «самый уважаемый, знатный, славный, важный, вельможа; старейшина, предводитель Д., главарь общественной группы, вождь, воевода К., начальник, начальство, власть, правитель, правительствующий, управитель, руководитель, обладатель, властитель, владыка, господин, князь, император (тойон, бас быһааччы)...» [Пекарский, 1958, стб. 398], а термин «аҕа» как: «1) старший годами, 2) постаревший, 3) отец родной, родитель, 3) отец (почетное обращение к старшему, священнику и пр.), 4) старший, главный (ср. тойон, кинээс), 5) родоначальник, праотец» [Там же, стб. 12–13].

Как известно, якуты представителей верхушки общества называли тойонами. Этот термин используется и до настоящего времени. Ранее авторы рассматривали тойонов как социальную группу, владеющую большим количеством скота, и

как племенную знать [Бахрушин, Токарев, 1953, с. 132]. Однако если тойоном мог быть практически каждый богатый человек или князец, то термин «аҕа-баһылык» применяли только по отношению к наиболее богатым, влиятельным, почитаемым, уважаемым тойонам или князцам. Наделение намских родоначальников этим званием, кроме их богатства или занимаемого положения как князцов улуса, мотивировано их активной деятельностью и мудрой, дальновидной политикой, направленной на защиту интересов якутского народа, сотрудничество с русской администрацией.

Рассмотрим их исторический путь. Родоначальники Намского улуса (волости) первыми столкнулись с русскими казаками, начавшими осваивать «Якуцкую землю», и сыграли большую роль в установлении мирных отношений с ними, в зарождении первых зачатков государственности на «Якуцкой земле», выступая в защиту прав и интересов якутского народа. Среди них заслуживают внимания такие личности, как Мымак – основатель рода Мымаковых, сын Мымака – Ника Мымаков и сыновья Ники, внуки

Мымака – Нокто и Букей Никины. Следует отметить, что в исторической науке Якутии каких-либо исследований, посвященных изучению и анализу их деятельности с аспектов политической науки, не имеется. Известный историк советского периода С.А. Токарев писал: «Многие якуцкие люди князцы со всеми своими людьми многих разных улусов приклонились и учинились под государевою высокою рукою послушны... и шертовали за себя и за своих улусных.... Среди них были князцы и таких сильных и многолюдных племен, как кангаласский Тыгын, намский Мымак» [Токарев, 1940, с. 40–44]. Исследователь О.В. Ионова, как и С.А. Токарев, отметила Мымака, а также его потомка Букея Никина как сильных, авторитетных руководителей племен [Ионова, 1945, с. 104–108; Токарев, 1940, с. 62].

Исследователь современного периода А.А. Борисов писал, что «до сих пор личность Мымака не была предметом специального изучения» [Борисов, 2010а, с. 340]. В последнее десятилетие вышли отдельные публикации и статьи, посвященные известным намским якутам, авторами которых являются В.Н. Иванов, А.А. Борисов, П. Петров-Харды, Т.Н. Замятин, У. Д. Сивцева и другие, где в основном подчеркиваются их влияние и авторитет

Автор данной статьи предприняла попытку показать роль намских аҕа-баһылыктар в непростом XVII веке.

Известно, что Мымак к моменту появления русских служилых людей в Якутии был предводителем одного из крупных и богатых племенных союзов Намского улуса, занимавшего большую часть территории Лено-Амгинского междуречья. Он славился своим богатством наравне с такими крупными тойонами, как Тыгын и борогонский Лёгей [Токарев и др., 1957, с. 23]. По данным переписи 1642 г., Мымак владел приблизительно 142 головами крупного рогатого скота [Борисов, 2010б, с. 258–259]. Он одним из первых встретился с отрядом русских казаков под предводительством Петра Бекетова и одним из первых среди якутских глав выбрал путь мирного сосуществования с Русским государством [Ионова, 1945, с. 101], о чем свидетельствуют исторические материалы.

Согласно ситуативной концепции лидерства, появление лидера возможно при совпадении места, времени и обстоятельств. В жизни обществ в различных ситуациях выделяются отдельные ин-

дивиды, превосходящие других, по крайней мере, каким-то одним качеством. И поскольку именно данное качество востребовано сложившимися условиями, то человек, обладающий им, соответственно, становится лидером. Ситуативная теория лидерства рассматривает лидера как «функцию определенной ситуации», подчеркивая относительность черт лидера и предполагая, что качественно отличающиеся обстоятельства могут востребовать качественно различных лидеров. Так и с намскими лидерами: период их деятельности совпал с приходом русских казаков и основанием в конце сентября 1632 г. первого «Ленского острожка» на правом берегу Лены, напротив намских земель (современная территория Намского улуса), положившего начало будущему Якутску. «Того же году сентября в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу, поставил я, Петрушка, со служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней окраине и для государева ясачновозбору и для приезду якутских людей. А прежд того на Лене реке и в Якуцкой земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новой острожек я, Петрушка, против якуцкова князца Мымыкова улусы и меж иными многими улусами среди всей земли» [Токарев и др., 1957, с. 31–32]. Разрешив построить на территории своего улуса первый острог, предводитель клана Мымаковых заложил основу мирных взаимоотношений с пришлым народом – с русскими.

Как сказано выше, Мымак одним из первых признал власть Русского государства и стал платить ясак. Его имя, как непосредственного участника движения против русских, нигде не упоминается [Ионова, 1945, с. 102]. «Он был против массового, вооруженного восстания и сразу отошел от восставших» [Там же]. Восставшие якуты, особенно бетюнцы, требовали, чтобы Мымак возглавил восстание, но Мымак и его сын Ника известили воеводу о планах повстанцев. В связи с этим Мымаку пришлось скрыться от разъяренных восставших кангаласцев и бетюнцев в Модутском улусе. Затем Мымак и его сын Ника стали заложниками казаков [Там же, с. 69].

Взгляды современных авторов на эти события события несколько иные. Так, в прошлом столетии о намских лидерах XVII в. писали как о предателях интересов своего народа. Мымака и его сына Нику обвиняли в том, что они ради спасения своего рода не поддержали восстание других

племен якутов, например, бетюнцев и кангаласцев в 1636 и 1642 гг., приняв сторону русских казаков. Сегодня же считается, что если бы со стороны якутов не было бы подобных союзнических отношений с «врагами», как в случае с Мымаком, то это, безусловно, могло бы привести к полному краху или их истреблению [Иванов, 1966; 2009а, б, в; 2010].

Как утверждает С.А. Токарев, после подавления восстания в 1642 г. воевода, зная, что Мымак пользуется авторитетом не только среди намцев, но и среди других племен, передал ему «печать государеву с тремя узлами» и поручил ему послать своего сына к бетюнцам, чтобы убедить их отдать захваченный ими во время восстания скот и самим вернуться на свои прежние места, с которых их прогнали казаки [Токарев, 1940, с. 61–62]. Таким образом, Мымак одним из первых якутских тойонов получил существенный объем полномочий в Намском улусе после вхождения Якутии в государственно-правовое пространство России.

В силу возраста и здоровья из 10 сыновей* Мымака Намова (Ника, Оюней, Тимирей, Арысь, Тюсюк, Коре, Тукуна, Барко, Кабар и Кутер) [Иванов, 2010, с. 341] власть перешла только к Нике, который, по всей видимости, был более зрелым, умным, обладал лидерскими качествами и был способен решать трудные вопросы своего времени. Именно в этот период был установлен принцип наследственной передачи власти наиболее сильному из сыновей и утвердился своего рода титул аҕа-баһылыктар. Это говорит о зарождении тогда первых признаков государственности.

Ника Мымаков уже в 40-х гг. XVII столетия был влиятельным человеком в улусе. 22 февраля 1642 г. в числе других князцов он дал шерть на подданство русскому царю, что зафиксировано в «Тетради записная шертовальная, которые якуцкие князцы с детьми своими с улусными людьми шертовали»**. Согласно переписи 1642 г., Ника имел 142 головы скота и держал свое хозяйство отдельно от отцовского. В последующие годы количество скота только увеличивалось [Замятин, 2010, с. 41]. В.Н. Иванов пишет, что «Ника Мымаков предстает как крупный собственник земли и скота,

как богатый человек», что определяет его высокое положение в обществе [Иванов, 2010, с. 343].

Он ни разу не нарушил свою шерть на подданство русскому царю, что, по словам профессора В.Н. Иванова, характеризует его как «крупного политического деятеля, уважающего принятую на себя ответственность» [Там же, с. 343]. Современные авторы – В.Н. Иванов, А.А. Борисов и др. – выделяют активную роль Ники Мымакова в событиях 1640-х гг. как лидера, «сумевшего разобраться в судьбоносных вопросах жизни родного народа», обладавшего способностями «договариваться с воеводской властью в самых сложных условиях, чреватых военными столкновениями» [Борисов, 2007, с. 25]. Об этом свидетельствует трехкратная поездка Мымаковых в Москву. Так, в первый раз в 1659–1660 гг. Ника возглавил поездку челобитчиков из разных волостей Якутского уезда к царю Алексею Михайловичу с жалобой на насилие ясачных сборщиков и на разорительные последствия ясачного обложения, от которых якуты «вконец погибли и разорены до основания, оскудели и обнищали». В.Н. Иванов отмечал, что имя Ники не случайно «стоит первым в первом варианте состава якутской делегации» и «поэтому поездку якутской делегации в Москву можно считать личной заслугой Ники Мымакова» [Иванов, 2010, с. 345]. А.А. Борисов также пишет, что «ещё в 1660 г. Ника Мымаков со своими братьями был там и подал челобитную от имени всех якутов 10 волостей, где поставил вопрос об уменьшении ясака и о невзимании ясака с умерших», и что это «ныне малоизвестное обстоятельство, несомненно, подняло авторитет намских князцов», поэтому у сына Ники и внука Мымака – «Нокто Никина были все основания заявлять о своём праве возглавить следующую поездку***».

В 1662 г. Ника Мымаков от имени «всех ясачных людей» вновь обратился к царю с жалобой по поводу уплаты ясака за «мертвых» ясачных людей. В ответ царь принял решение «за выбылых мертвых ясачных» ясаку и поминков «править не велеть», но в случаях, если «кто тех выбылых мертвых ясачных людей животы и скот

* По документам Якутской приказной избы и Сибирского приказа XVII в. известны имена 10 сыновей Мымака.

** РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 51. Л. 7.

*** Борисов А.А. Образование Намского улуса // Sakha.Gov.Ru. URL: <http://m.sakha.gov.ru/node/16939> (дата обращения: 09.17.2015).

возьмет по рассмотрению», то «велеть имать» ясак и поминки, и поручил якутскому воеводе во всем разобраться. Но до «царя-то далеко, а до бога высоко», и русская бюрократия, несмотря на указание царя, продолжала взимать ясак за усопших, вследствие чего воевода И.Ф. Голенищев-Кутузов в сентябре 1663г. в своей отписке царю сообщал, что он якобы не велит брать ясак даже с тех, которые после того как «имали пожитки и скот» мертвых, «обеднели» и разорились.

Примерно в 1662–1663 гг. Ника Мымаков и 16 лидеров якутских улусов (Мегинского, Кангаласского, Батурусского, Ботулинского, Нюрюктейского, Борогонского, Успетцкого, Бетунского, Одейского, Мальгарского, Чириптейского, Модутского, Накарского, Катырыцкого, Тагуского и Бордонского) вновь прониклись идеей встречи с русским царем, так как многие жалобы якутов не доходили до царя или не решались последним. Для этого была составлена челобитная «Дело о притеснениях, чинившихся якутскими воеводами ясачным людям в наложении на них лишняго ясаку, и разорении их ясачными сборщиками»*. Содержание ее сводилось к подробному описанию тяжелого положения якутских ясакоплательщиков, произвола и злоупотреблений местной администрации и служилых людей, в ней было обращено внимание на то, что в течение 40 лет, с тех пор, как «приискана наша Якутцкая земля» и мы, «сироты ваши, и под вашею... высокою рукою в вечном холопстве в ясачном платеже», нас якутские воеводы, «ни которой вам, великим государем, к Москве не отпускали неведомо для чеве» [Иванов, 2010, с. 345]. В 1664 г. Ника Мымаков с челобитчиками встретился с воеводой в Съезжей избе и попросили его разложить по годам образовавшуюся недоимку ясака, что, безусловно, облегчило бы положение плательщиков ясака.

Проблемы с недоплатой ясака обычными либо даже средними якутами имели место и в Намской волости, например, «дело о недоплате ясачными якутами Намской волости Мугуром Куржагасовым и его сыновьями Тесюкой и Бакаем Мугуровым соболиного ясака за 1669–1670 гг.»**. Кроме

того, встречались случаи, когда некие личности выдавали себя за служилых людей и собирали с якутов ясак. В 1668–1669гг. были проведены «розыски по изветам ясачных якутов Намской, Борогонской, Ботурусской волостей на посадского человека П.Х. Беляева, выдававшего себя за служилого человека, решавшего судные дела в подгородных волостях, вымогавшего у якутов пушнину»***. Вследствие этого якуты возлагали большие надежды на личную встречу с царем, чтобы сообщить ему «о своих нуждах».

Несмотря на ряд препятствий, в т.ч. нежелание воевод, чтобы царь услышал о злоупотреблениях из уст местных жителей, поездка состоялась. В составленной к царю челобитной Ника Мымаков «с товарищи» просили царя также «велеть» воеводе И.Ф. Голенищеву-Кутузову «из Якутцкого острогу отпустить к вам...к Москве, из нас, сирот ваших трех человек Ничку Мымыкова, Чюгунка Бодоева, Мазарычка Бозекова бить челом об наших нуждах и бедностях» [Иванов, 2010, с. 345]. В результате в 1667–1668 гг. «челобитная ясачных якутов Нички Мымыкова, Чюгунки Бодоева, Эркона Одукеева и других об освобождении от платы ясака за умерших и старых якутов, о взимании ясака вместо пушнины деньгами»**** была доведена до царя.

Царское разрешение, к сожалению, было получено только в 1676 г., когда инициатор данного знаменательного события Ника Мымаков не смог возглавить в силу возраста делегацию и представлять якутское население в Москве на приеме у царя Фёдора Алексеевича в январе 1677 г. В Москву отправились три «лутчих князца»: намский Нокто Никин – внук Мымака, сын Ники Мымакова, возглавивший делегацию*****; кангаласский Мазары Бозеков и мегинский Трек Орсюкаев (вместо Чугуна Бодоева), которые считались представителями «всех ясачных якутов тридцати пяти волостей место». В Москве они подали в Сибирский приказ обширную челобитную [Иванов, 1966, с. 352]. Челобитная содержала сведения о злоупотреблениях местных якутских властей при сборе ясака, просьбу заменить пушной оклад денежным, отменить под-

* РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 899.

** Там же. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 1773. Л. 56 – 61.

*** Там же. Оп. 3. Д. 1691.

**** Там же. Д. 1670.

***** Там же. Д. 1691.

водную повинность, запретить охоту в промысловых местах якутов приезжим промышленникам. Однако основное требование заключалось в расширении судебных полномочий якутских князцов и «лутчих людей» до участия их при разборе исковых «малых дел»: «а без князцев и лутчих людей однолично ясачным сборщикам и в малых делах не судить».

Согласно архивным материалам, якутская делегация в Москве добилась определенных успехов. Во-первых, была доведена до «уха» русского царя информация о злоупотреблениях якутских воевод и ясачных сборщиков. Во-вторых, получен удовлетворительный ответ на некоторые политические претензии, среди которых важнейшей была передача в руки якутских тойонов судебно-административной власти над улусным населением. Кроме того, отменена практика взимания ясака с мертвых душ. Также в 1680 г. был принят указ, согласно которому якутским тойонам официально присваивался титул улусных князцов.

8 января 1677 г. неожиданно скончался Нокто Никин – руководитель делегации. Это подтверждают документы Сибирского приказа. Точную дату смерти привел еще в 1940 г. С.А. Токарев. Что касается места смерти, то оно неизвестно. Сохранились сведения о том, что он оставил письменное завещание относительно своих «пожитков» и попросил Мазары Бозекова передать его в Якутске его братьям, но о дальнейшей судьбе этого завещания, составленного в Москве Нокто Никиным на случай смерти, информации не сохранилось.

В 1685 г. Букей Никин, другой сын намского князя Ники Мымакова (кроме Нокто Никина), вместе с уже упоминавшимся Мазары Бозековым и князцами Чугуном Бодоевым из Мегинского улуса и Чукой Капчиновым из Борогонского улуса снова подали якутскому воеводе челобитную о разрешении князцам разбирать судебные иски якутов давностью от 10 до 20 и более лет. В челобитной указывалось на разорительность для якутского населения многолетних судебных разбирательств, чем часто пользовались ясачные сборщики. В 1687 г. Букей Никин вновь оказался в числе князцов, подавших челобитную об упорядочении судебной власти, в которой говорилось о сокращении срока давности исков до 7–8 лет и предоставлении князцам права рассматривать дела, кроме уголовных.

Сегодня можно утверждать, что Мымак был своего рода идейным основателем традиции самоуправления улусов в Якутии в составе Российского государства. Именно его сыновья и внуки в дальнейшем продолжили эту традицию на протяжении всего XVII столетия, даже после его смерти предпринимая поездки в Москву, где отстаивали права своего народа. Такие черты характера, как преданность, готовность пожертвовать собственными интересами ради общего блага, принципиальность и поистине государственный ум отличали дальновидных родоначальников Мымаковых. По словам, А.А. Борисова: «В первые годы продвижения русских в Якутию намские князцы проявили высокую активность и находились в гуще событий. Не только потому, что Якутский острог первоначально был основан на их земле, но и в силу своих высоких организаторских способностей» [Борисов, 2007, с. 25].

Таким образом, великая мудрость якутских родоначальников, выработанная их предками, сыграла положительную роль в сохранении и развитии этноса в XVII в., а вхождение Ленского края в состав Русского централизованного государства способствовало прекращению межродовых столкновений и консолидации якутского народа. Согласно итальянскому социологу и экономисту Вильфредо Парето, это было «сообщество таких людей, которые свойствами ума, характера, ловкостью, самыми разнообразными способностями обладают в высшей степени» [Pareto, 1936, p. 351]. Их по праву можно отнести к аҕа-баһылыктар. Именно они способствовали сохранению якутского этноса, налаживанию мирных взаимоотношений с Русским государством и зарождению первых зачатков государственности саха.

Литература

Бахрушин С.В., Токарев С.А. Якутия в XVII веке. – Якутск, 1953.

Борисов А.А. Образование Намского улуса // Sakha.Gov.Ru. URL: <http://m.sakha.gov.ru/node/16939> (дата обращения: 09.17.2015).

Борисов А.А. Намский улус в XVII веке: люди и события // Долина Энциэли в судьбе народа саха / сост. У.Д. Сивцева; отв. ред. П.А. Слепцов. – Якутск: Министерство культуры и духовного развития РС (Я), 2007. – С. 23–25.

Борисов А.А. Мымах // Намский улус: история, культура, фольклор / сост. А.Д. Бугаева, М.С. Игнатье-

ва, И.З. Кривошапкин. – Якутск: Бичик, 2010а. – С. 366–388.

Борисов А.А. Социально-экономическая история якутов в позднее средневековье и новое время. – Новосибирск: Наука, 2010б. – 272 с.

Замятин Т. Н. К истории Ленского острога // Намский улус: история, культура, фольклор / сост. А.Д. Бугаева, М.С. Игнатьева, И.З. Кривошапкин. – Якутск: Бичик, 2010. – С. 38–42.

Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. – 424 с.

Иванов В.Н. Жить в тишине и покое // Якутский архив: историко-документальный научно-популярный иллюстративный журнал. – 2009а. – №3–4. – С. 3–9.

Иванов В.Н. О судьбе Нокто Никина // Там же. – 2009б. – №3–4. – С. 60–63.

Иванов В.Н. Принятие российского подданства народами Якутии в XVII в. // Там же. – 2009в. – № 2. – С. 3–6.

Иванов В.Н. Ника Мымахов // Намский улус: история, культура, фольклор / сост. А.Д. Бугаева, М.С. Игнатьева, И.З. Кривошапкин. – Якутск: Бичик, 2010. – С. 341–346.

Ионова О.В. Из истории якутского народа (первая половина XVII века). – Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1945. – 112 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Т. I, 1958.

Попов Г.А. Сочинения. Очерки по истории Якутии. – Т. 1. – Якутск, 2005. – 280 с.

Токарев С.А. Очерки истории якутского народа. – М.: Соцэргиз, 1940. – 247 с.

Токарев С.А., Гоголев З.В., Гурвич И.С. История Якутской АССР: Якутия от 1630-х годов до 1917 г. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 416 с.

Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова – Новосибирск, 2004. – Т. 1. 680 с.

Pareto V. The Mind and Society // London: Jonathan Cape. – 1936. – Vol. 4. – 351 pp.

К.М. Makarova

Namsky ancestors (Aga-Bahylyktar) during the period of colonization of Yakutia in XVII century

The article is devoted to the role of Namsky tribal chiefs in XVII century to in the birth of the first rudiments of statehood in Yakutia which started with the arrival of Russian people to the Lena river "Yakutskuyu earth." It was traced and analyzed highlights the actions of historical figures. As the result It was input the term Aga Bahylyktar (the most influential, revered and elder kind of Toyons (from Yakut language - tribal chiefs), which was in the hands of the whole military and political power of the population or completeness of the tribe) towards Namsky leaders who actively fought for the rights of his people at the strained period of "the era of warring uluses" – "Kyrgys uyete" in the XVII century.

Keywords: Aga-Bahylyktar, Mymak, colonization of Yakutia, Namsky volost, Namsky Yakuts, the emergence of statehood, Namsky founders, the establishment of political and legal relations.

УДК 930.23

В.И. Федоров

Октябрь 1917 года: переворот или революция?

Автор статьи, выражая свое несогласие с попытками не признать октябрьские события 1917 г., как социальную революцию и ограничить её сущность только «переворотом», считает Февральскую и Октябрьскую революции двумя крупными историческими явлениями в рамках единого революционного процесса того времени. Они имели общие корни в российской действительности, как порождение комплекса её глубоких социально-экономических и политических противоречий.

Автор также затрагивает вопросы легализации власти, концепции предпосылок революций, установления советской власти на местах.

Ключевые слова: Октябрь, переворот, революция, историография, государство, власть, Временное правительство, II съезд, декрет, большевики, Учредительное собрание.

25 октября (7 ноября – по н.ст.) 1917 г. большевики осуществили вооруженный захват власти, свергнув Временное правительство. С этого времени начался новый этап великой российской революции, который вошел в историю советского периода под названием Великая Октябрьская социалистическая революция. В историографии постсоветского времени из её названия опускается слово «социалистическая», оно заменено выражением «Октябрьский переворот». Действительно, сам факт захвата власти большевиками можно назвать «Октябрьским переворотом».

События Февральской и Октябрьской революций объединили в одну революцию, происшедшую в 1917 г. Соглашаясь с мнением, что революции 1917 г. являются единым всероссийским революционным процессом, считаю их двумя историческими явлениями в рамках этого единого процесса, имеющими общие корни в российской действительности, именно – как порождение комплекса ее глубоких социально-экономических и политических противоречий. В то же время эти революции по своему характеру и глубине имели коренные различия, которые не позволяют рассматривать их в одной плоскости, хотя они тесно взаимосвязаны в том плане, что первая, будучи незавершенной, породила вторую.

Революция – это глубокие качественные изменения в обществе, которые возникают, как правило, в результате взрывного разрешения накопившихся проблем и противоречий, особенно в области политических отношений и государственного устройства, а разрушение старых общественных отношений и создание новых происходят в течение определенного времени в зависимости от соотношения сил противоборствующих сторон и исторической обстановки как внутри страны, так и вне ее.

В этом отношении Февральская революция в силу комплекса причин, главным образом, по поставленной задаче, была направлена на свержение монархического режима, который сдерживал общественно-политический и экономический прогресс в обществе и активно сопротивлялся замене своей власти либерально демократической, народной властью, призванной обеспечить реформирование общества на общечеловеческих началах и ценностях. Февральская революция в условиях продолжающейся Первой мировой войны, оказавшись в сложном геополитическом пространстве, выполнила свою задачу половинчато.

Разрушив старую государственную машину и ее институты, создав на их месте на временной основе новые, Февральская революция остановилась, так и не решив, кроме захвата власти, ни одного вопроса из комплекса проблем, создавших впоследствии предпосылки для Октябрьского переворота, ставшего началом социалистической революции.

Октябрьская революция отличалась от своих предшественников, в том числе от Февральской, глубиной и масштабом поставленных задач: свержение Временного правительства, захват политической власти и установление диктатуры пролетариата и затем распространение этого процесса (мировой революции) на цивилизованные страны мира. На этой основе большевики хотели возвести «царство» труда и свободы, экспроприровав средства производства и превратив их в единую государственную собственность. Победители Октября отказались от всех форм политической власти, существовавших в западных странах, объявив советскую республику единственно приемлемой формой власти победившего строя, которая могла бы не только противостоять, но и пресекать сопротивление свергнутых классов. Последние, т.е. свергнутые классы, стремились вернуть утраченное любыми средствами, в том числе в огне гражданской войны.

Все задуманное В.И. Лениным и его сторонниками в основном осуществилось, кроме одного – не удалось разжечь пламя мировой революции. Весь XX в. проходил под влиянием победы Октябрьской революции. Октябрьский переворот и последующие преобразования в стране были действительно революционными и, независимо от того, как они воспринимаются нами – субъектами исследований, как мне представляется, останутся таковыми. Выражение «Октябрьский переворот», имея право на употребление для обозначения начала эпохального исторического явления, каковым является Октябрьская революция, никак не вмещает смысловое содержание последнего. Насколько она была необходима для мировой цивилизации, как и для самой России, были ли неизбежны и оправданны такие потрясения и катаклизмы со столь трагическими последствиями для достижения поставленной цели и того уровня развития, которого достигла страна в годы советской власти, это уже другой вопрос.

Теперь о концепции «предпосылок» революций. Некоторые исследователи утверждают, что

сама концепция «предпосылок» навязывала вывод о закономерности революции, ее социалистической природе (после Октября), ведущей роли «самого прогрессивного рабочего класса» [История России..., 1997, с. 147]. Как показывает история, все совершившиеся революции (их было много) произошли в результате сложившихся предпосылок, таких, как совокупность социальных и политических противоречий в недрах конкретного общества, вызывающих его внутреннее напряжение, которое при определенной кондиции превращается в новое качество – революцию. Но не всякие «предпосылки» порождают революцию, следовательно, последняя не может стать результатом ее фатальной неизбежности или закономерностью.

Оценивая Октябрьский переворот как результат взаимодействия ряда факторов, авторы отрицания предпосылок тут же утверждают, что «нельзя игнорировать саму эту совокупность как решающую предпосылку (подчеркнуто автором. – В.Ф.) состоявшегося переворота, подменяя ее каким-то одним фактором» [Там же]. Следовательно, они же пришли к выводу о признании концепции этих предпосылок.

Одной из существенных особенностей Октябрьского переворота явилось его конституционирование на II съезде Советов, чем была обеспечена относительная легитимность новой власти. В.И. Ленин и большевики в этом отношении учли негативный урок Временного правительства, оказавшегося в подвешенном состоянии ввиду своей нерешительности в вопросе о неотложном созыве Учредительного собрания. Концепции либеральной легитимизации власти в виде Учредительного собрания большевиками была противопоставлена концепция «советской демократии», оказавшейся в то время более доступной, понятной для большинства народных масс, жаждавших мира, земли, прав и свобод.

Большевики приурочили захват власти к открытию II съезда. II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшись, тут же провозгласил переход власти к Советам в центре и на местах, избрал высшие органы этой власти: Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и Совет народных комиссаров (СНК). Левые эсеры не только поддерживали захват власти, но и вошли в состав ВЦИКа, заняв 1/3 его состава, а Совнарком состоял полностью из большевиков [Семенникова, 2005, с. 436]. Власть была легализована. Всеобщее одобрение вызва-

ло утверждение II съездом Советов Декретов о мире и о земле. Декрет о мире предлагал всем воюющим сторонам немедленно заключить перемирие без аннексий и контрибуций. Декрет о земле отменял помещичью собственность на землю, и вся земля была объявлена общегосударственной собственностью.

Эти и последующие решения новой власти, особенно Декларация прав народов России, Декрет о рабочем контроле и другие, вселяли уверенность в успехе народного движения, расширяли его географию, обеспечивали «триумфальное шествие» советской власти. Она, эта власть, демонстрировала в первые дни победы революции свою восприимчивость к запросам масс, защищая их классовые, корпоративные и национальные интересы. В этом проявилось умение В.И. Ленина и большевиков уловить нужное время для решительных действий и принять правильные тактические меры и действия, которые мобилизовали народные массы только на победу. В.И. Ленин писал членам ЦК: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Янее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно» [Ленин, т. 34, с. 435]. Когда вставал вопрос о власти – или-или, Ленин в своих действиях всегда был решительным. Октябрьская революция в Петрограде свершилась почти бескровно, погибло шесть человек [Пушкарев, 2001, с. 620]. В.И. Ленин по этому поводу писал: «Мы взяли власть почти без кровопролития» [Ленин, т.22, с. 31].

Переход власти к Советам шел действительно «триумфальным шествием», но неравномерно. Революция быстро распространилась в национальных регионах Урала почти одновременно с Петроградом. Например, в Казани большевики в блоке с левыми социалистами захватили власть уже 25 октября и передали её Совету рабочих и солдатских депутатов [Старииков, 1998, с. 104]. Некоторые с гордостью заявляли, что октябрьские события в Казани разыгрались независимо от событий в центре.

Переход власти к Советам в Уфе фактически был подготовлен еще до октябрьских событий, в сентябре 1917 г. ключевые посты во властных и военных структурах стали легально сосредотачиваться в руках большевиков. Это существенно облегчило им захват власти на территории Башкирии вскоре после победы пролетарской революции [История Башкортостана, 2004, с. 31].

Урал был одним из первых регионов страны, где во многих местах советская власть стала реальностью еще до Октябрьского вооруженного переворота в Петрограде, т.е. в августе и сентябре 1917 г. в ходе борьбы за большевизацию Советов.

Однако в сельских поселениях региона, где проживало коренное население Поволжья и Урала (татары, башкиры, марийцы и др.), переход власти к Советам затянулся до начала 1918 г., нередко доходило и до вооруженных выступлений с обеих сторон.

Борьба за влияние на народные массы развернулась вокруг выборов в Учредительное собрание. Подавляющее большинство демократических сил связывало с ним легализацию власти, определение государственного строя, его дальнейшую демократизацию на законодательной основе, проведение реформ социально-экономической и политической системы. Временное правительство и другие демократические силы призывали до созыва Учредительного собрания не проводить кардинальных мер по решению социально-экономических проблем, в том числе аграрных. Временное правительство допустило удивительную медлительность с подготовкой выборов в Учредительное собрание. 13 марта 1917 г. оно приняло решение о создании особого совещания по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание, в котором преобладающее влияние имели кадеты и беспартийная интеллигенция. Особое совещание начало свою работу только 25 мая и закончило ее в начале сентября 1917 г. [Семенникова, 2005, с. 445]. 14 июня Временное правительство впервые обнародовало сроки: выборы – 17 сентября, созыв Учредительного собрания – 30 сентября 1917 г. [Вестник ЯКОБ, 1917]. В октябре были опубликованы списки кандидатов в Учредительное собрание от политических партий.

В Якутске выдвижение кандидатур происходило также по партийному принципу. Первоначально от социал-демократической организации был выдвинут Г.И. Петровский, который дал согласие баллотироваться. Однако после июльских событий 1917 г. в Петрограде, по настоянию меньшевиков, его кандидатуру сняли и выдвинули меньшевика М.Т. Попова.

Национальная политическая партия «Якутский трудовой союз федералистов» выдвинула своим кандидатом известного общественного и политического деятеля Г.В. Ксенофонтова [НА РС(Я). Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 23].

В связи с этим ЦК этой партии, обращаясь к своему народу, заявил: «“Якутский союз” не ставит своей целью узконациональное обособление, напротив, в культурном воссоединении с великим братским русским народом, в усвоении провозглашенных им принципов демократизма – равенства, свободы и братства – видит единственный путь к возрождению своей нации» [Там же. Ф.1. Оп. 1. Д. 72. Л. 2–3]. Это достойная отповедь тем, кто хотел длительное время противопоставлять цвет нации – якутскую интеллигенцию всему русскому, чтобы оправдать свои злодеяния по отношению к нему. Выборы в Учредительное собрание прошли в течение трех дней (12–14 ноября), и их первые итоги были опубликованы в газете кадетов «Народная свобода» 20 ноября 1917 г. Большинство голосов депутатами в Учредительное собрание были избраны Г.В. Ксенофонтов и эсер В.С. Панкратов.

Между тем Учредительное собрание было разогнано большевиками еще 5 января 1918 г., а выборы в него в Якутской области продолжались, настолько была сильна вера в его возрождение. Заслуживает внимания высказывание французского посла в Петербурге, что «Россия избегла бы Октябрьского переворота, если не было бы отложено Учредительное собрание» [Медушевский, 2007, с. 3].

Итоги выборов наглядно показывают степень влияния политических партий на массы, популярность идей, с которыми они выступали и боролись за депутатские мандаты в Учредительное собрание, считая, что с ним связано будущее России. Одним словом, расстановка политических сил в якутском обществе в октябре и ноябре 1917 г. была такова, что об установлении советской власти в нем не могло быть и речи. Реальная сила и власть были в руках сторонников Февральской революции и Временного правительства, а Советы рабочих депутатов – в руках меньшевиков, осудивших вооруженный захват власти в октябре и по многим принципиальным вопросам – платформу большевиков на будущее.

Таким образом, Якутская область почти более двух лет, за исключением периода с 1 июля по 15 августа 1918 г. (35 дней), в течение которого удерживалась советская власть, находилась в режиме свергнутого Временного правительства, надеясь на скорое падение советской власти в России.

Источники и литература

- Вестник ЯКОБ. – 1917. – 17 авг.
История Башкортостана. – Уфа: Гилем, 2004.
История России, XX в. / Бахонов А.Н. Горинев М.М., Дмитриев В.П. и др. – М.: Изд-во АСТ, 1997.
Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 22, 34.
Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Отечественная история. – 2007. – №6. – С. 3.
- НА РС (Я). Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 23; Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 2, 3.
Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917 гг. Власть и общество. – М.: Посев, 2001.
Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – 7-е изд. – М., 2005.
Стариков С.В. Казанские большевики и левые эсеры в период вооруженного восстания и кризиса революционной власти (октябрь – ноябрь 1917 г.) // Марийский археографический вестник. – 1998. – № 8. – С. 104.

V.I.Fedorov

October, 1917: a coup or revolution?

The author, expressing the disagreement with attempts not to recognize the events of October 1917, as a social revolution, and to limit its essence only a "coup", considers February and October revolutions in two major historical phenomena in a single revolutionary process at the time. They had common roots in the Russian reality, as a product of the complex its profound socio-economic and political contradictions.

The author also raises on issues of legalization of power, revolutions prerequisites concept, the establishment of Soviet power in the field.

Keywords: October, coup, revolution, historiography, state, authority, the Temporary Government, the 2nd Congress, the decree, the Bolsheviks, the Constituent Assembly.

УДК 902.571.56

Н.И. Бурнашева

**Частный сектор кустарного производства Якутии в условиях
«военного коммунизма» (1920–1921 гг.)**

В статье раскрывается процесс перевода кустарно-ремесленного производства Якутии под контроль государственных органов в условиях политики «военного коммунизма». Рассмотрены вопросы организации системы государственных органов по управлению мелкотоварным производством, исследованы конкретные мероприятия по организации работы кустарей и ремесленников, сделан анализ основных итогов проделанной работы.

Ключевые слова: ремесло, кустарные промыслы, мелкотоварное производство, политика «военного коммунизма», трудовая мобилизация.

Нестабильность политической и экономической ситуации в Якутской области, наблюдавшаяся в начале 1920-х гг., а также запрещение свободных рыночных отношений, недостаток средств и сырья негативно отразились на развитии кустарно-ремесленного производства. В этот период многие кустарные промыслы и ремесла просто прекратили свое существование. С другой стороны, нарушение внутренних и внешних торговых связей, резкое сокращение объема привозных товаров значительно повысили спрос населения на изделия первой необходимости. В связи с этим одной из первоочередных задач, требующих от руководства Якутской области скорейшего решения, стала организация производства товаров первой необходимости из местного сырья, в первую очередь, силами частных производителей. Однако решение данного вопроса значительно усложнялось тем обстоятельством, что преобразования в экономике происходили в Якутии почти одновременно с начавшимися процессами становления нового аппарата управ-

© Н.И. Бурнашева, 2016

ления хозяйством и перехода к политике «военного коммунизма».

За относительно короткий период, в течение второй половины 1920 г. и начала 1921 г., в Якутской области была создана система государственных органов, регулирующих деятельность кустарно-ремесленного производства. Первоначально работа по организации мелкого производства (возрождение ремесел и кустарных промыслов, создание условий для работы городских и сельских кустарных цехов и мастерских) была поручена Якутскому губернскому совету народного хозяйства (губСНХ), где был организован кустарно-кооперативно-промышленный отдел. В кратчайшие сроки губСНХ предстояло выяснить численность кустарей и ремесленников в области, определить примерную потребность населения в кустарных и ремесленных изделиях, организовать снабжение производителей сырьем, наладить сбыт полученной ими продукции. В январе 1921 г. отдел был разбит на Губметалл, Губмех, и Губкустпром. В ведение Губметалла и Губмеха перешли все промышленные предприятия. Задача Губкустпрома (Якутское губернское управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации) заключалась в максимальном приближении губернского руководства к мелким товаропроизводителям города и деревни, а также в активном привлечении их к решению экономических и политических задач. Губкустпром существовал на правах отдела губСНХ, но практически являлся самостоятельным учреждением, руководствующимся инструкциями Сибкустпрома, имеющим свои кредиты, отчетность и склады. Весной и летом 1921 г. отделения Губкустпрома были открыты в гг. Олекминске и Вилюйске [Бурнашева, 1999, с. 28–29].

Общую картину состояния кустарно-ремесленного производства должны были показать результаты опросов и обследований, проводимых хозяйственными органами на местах в ходе регистрации действующих производств. Однако в силу сложных политических и экономических условий собрать полные сведения о ремеслах и кустарных промыслах населения по всем наследам и улусам области не удалось. Тем не менее собранные материалы легли в основу организационной работы, начатой губСНХ в отношении частного сектора кустарного производства Якутии.

Прием заявлений об открытии частных кустарных и ремесленных мастерских был начат

Якутским губСНХ летом 1920 г. Среди первых обращений было заявление от владельца колбасного цеха Ершова с просьбой о разрешении возобновления работы [НА РС (Я). Ф. 51. Оп. 1. Д. 18. Л. 30]. Поступавшие заявления регистрировались, а хозяину заведения предоставлялось право заниматься трудовой деятельностью под контролем губСНХ. По состоянию на 1 августа 1920 г. в г. Якутске регистрацию прошли владельцы 28 кустарных мастерских. Среди них семь сапожных, пять столярных, три слесарные мастерские, три кузницы, две парикмахерские, два портняжных заведения, а также скорняжная, часовая, экипажная мастерские, прачечная, колбасный цех и мастерская по изготовлению вывесок [Борьба за установление ..., Ч. 2, кн. 1., 1961, с. 30–32].

Изделия многих мастеров были известны горожанам издавна. Согласно данным регистрационных карточек, составленных губСНХ в 1920–1921 гг. [НА РС (Я). Ф. 51. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–33], уже на протяжении 40 лет в г. Якутске трудился кустарь-столяр, деревообделочник Д.Г. Карпов, занимавшийся изготовлением экипажей, а также столярным и бондарным делом. Более 30 лет действовали сапожная мастерская А.С. Елшина и мастерская живописца Н.Н. Попова. С 1884 г. в городе была известна ювелирная мастерская М.М. Тверского. В течение 20 лет занимался изготовлением сбри шорник Г. Гарифуллин, выпускала продукцию колбасная мастерская Л.А. Александрова, «на протяжении всей жизни» работал столяр-стекольщик В.И. Долгов, долгое время существовала шорная мастерская А.М. Кулагина и П.И. Овчинникова. С 1906 г. в пригородном селении Марха действовало гончарное производство. Владелицами двух мастерских в г. Якутске являлись женщины: чулочница М.М. Еремеева, неграмотная, использовавшая в своей работе чулочную машину, а также скорняжница-шитница Н. Иванова.

В результате активной деятельности губСНХ по организации и поддержке кустарных производств осенью 1920 г. в г. Якутске объявили о своем открытии ряд новых мастерских. Среди них портняжная, принадлежащая И.И. Целикову, часовая и ювелирная мастерская М.А. Роголинского, сапожная мастерская И.В. Беленко, начал свою работу мастер Суховец, изготавливавший ленты для пишущих машин. В ноябре 1921 г. при пивоваренном заводе открылось кустарное про-

изводство ячменного кофе, владельцем которого являлся И.Ф. Бартль. В этот же период в пригородном с. Марха был открыт кожевенный завод на артельных началах, принадлежащий В. Истратову и И. Шакафитдинову, в с. Малая Марха – кузница А.М. Лихачева.

Усилиями Якутского губСНХ весной 1921 г. была развернута работа по учету и организации сельских ремесленников и кустарей Якутского округа. Представленные сведения показали, что вследствие политической и экономической нестабильности значительная часть сельских ремесленников и кустарей уже прекратила свой промысел. Как правило, кустари и ремесленники работали в одиночку или с членами своей семьи, без использования наемной рабочей силы. Труд кустарей в большинстве своем был ручным, без использования каких-либо механизмов.

Обследование показало, что наиболее востребованным в наслегах Якутского округа был труд кузнецов. По состоянию на 20 декабря 1920 г. в Баягантайской волости были зарегистрированы 17 кузнецов [НА РС (Я). Ф. 51. Оп. 1. Д. 121. Л. 7]. Весной 1921 г. четыре кузнеца были зарегистрированы в Хамагаттинском наслеге, два – в Кусаганхийском наслеге Намской волости. Во 2-м Атамайском наслеге Намской волости трудились кузнецы: П.А. Иванов, 75 лет, с членами своей семьи; П.Ф. Аввакумов, 60 лет, с шестью членами семьи и С.П. Павлов, 55 лет, с девятью членами семьи.

Согласно данным, собранным весной и летом 1921 г., на территории Якутского уезда действовали и другие производства. Так, с 1911 г. в Хомустахском наслеге Намской волости работало тележное производство Н.Т. Сысолятина, на котором трудились два кустаря и один рабочий; в 1-м Модутском наслеге артельно работали 20 шорников; во 2-м Атамайском наслеге занимались бондарным делом И. Сидоров, 50 лет; кожевенным делом – Никифоров, 48 лет, Иванов, 48 лет, являлся гробовщиком и веревочником. В Кусаганхийском наслеге Намской волости были зарегистрированы один слесарь, два человека, вязавших сети; двое из трех работающих кожевников были женщины: Ефросиния Софронова (67 лет) и Мария Софронова (35 лет). В этом же наслеге своими изделиями славилась гончарных дел мастер – 61-летняя Мария Ноговицына [НА РС (Я). Ф. 51. Оп. 1. Д. 121. Л. 52–54]. По этому поводу стоит вспомнить работу В.В. Ливадина «О якут-

ских ремеслах», в которой он отметил: «У якутов гончарное дело – дело женщин. Делают для себя и по заказу, на продажу не готовят, будучи неуверенными в спросе, за исключением разве подгородных» [Архив ЯНЦ СО РАН (с 2014 г. – Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН). Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 1]. В 1920–1921 гг. открывались и новые сельские кустарные производства. Например, в 1-м Игидейском наслеге Таттинской волости был зарегистрирован мастер по изготовлению металлических печатей – Н.И. Марков, в с. Ново-Николаевском появилось кожевенное производство А.Н. Мальцева и И. Петрова.

Всего, в 1921 г. Якутским губревкомом были поставлены на учет 522 кустаря [Гоголев, 1972, с. 43], из них в восьми волостях Вилюйского уезда – 380 человек и в пяти волостях Якутского уезда – 142 [Там же. Д. 467. Л. 210].

С наступлением холодов, осенью 1920 г., положение населения в Якутской области значительно ухудшилось. Согласно записям в дневнике агента сырьевого отдела губСНХ П. Осипова, командированного с 5 по 14 октября 1920 г. в Верхневилуйский, Мархинский, Кочайский, Нюрбинский и Сунтарский улусы, прекращение снабжения товарами и развал хозяйственной жизни довели население до полного обнищания. «Везде люд голоден, не одет...», «страшная нужда в наслегах», – писал он [НА РС (Я). Ф. 51. Оп. 1. Д. 55. Л. 128]. Голод и холод ощущались и в г. Якутске. В связи с этим Якутский губревком на своем заседании от 13 октября 1920 г., проходившем под председательством Н. Юдина и в присутствии членов М. Аммосова и П. Слепцова, был вынужден принять следующее постановление: «Принимая во внимание катастрофическое положение населения и отсутствие обуви, безнадежность получения кожи извне, не дожидаясь разрешения Центра, немедленно приступить к оборудованию кожевенного завода в помещении винного склада» [Там же. Д. 10. Л. 34]. Распоряжением губСНХ, изданным в ноябре 1920 г., скорняжная мастерская временно была переведена в ведение Губернской чрезвычайной комиссии по распределению теплой одежды [Там же. Д. 13. Л. 17]. О создавшемся катастрофическом положении свидетельствовал и тот факт, что на заседании президиума губСНХ от 4 января 1921 г. было заслушано заявление рабочих кожевенного завода, которые отказывались выходить на работу из-за отсутствия теплой одежды [Там же. Д. 87. Л. 3].

Остановить развал хозяйственной жизни советская власть попыталась путем перехода к жесткой централизации и государственному регулированию экономики. Политика в отношении мелких собственников с этого времени стала заметно ужесточаться. Декретом СНК РСФСР «О регулировании кустарных промыслов и национализированной промышленности» от 7 сентября 1920 г. все мелкие промышленные предприятия, находящиеся во владении частных лиц или обществ, были национализированы и переведены под контроль государственных органов. Руководствуясь данным декретом, кустарно-ремесленное производство Якутии в течение осени и зимы 1920 г. было полностью переведено на выполнение государственных заданий и окончательно утратило связь с рынком. В условиях установившейся государственной монополии на важнейшие сельскохозяйственные продукты и свертывания частной торговли возможность получить продовольствие, сырье, материалы и инструменты была предоставлена только кустарям, заключившим договор на поставку изделий с кустарно-кооперативно-промышленным отделом губСНХ, а позже – с Губкустпромом. Подробный механизм работы с кустарями был изложен в «Положении о снабжении кустарей продовольствием и натуральным премированием», разработанном Калькуляционной комиссией Сибкустпрома в ноябре 1920 г. При этом, согласно Положению, при условии выполнения минимальной месячной выработки, установленной для каждой отрасли производства Сибкустпромом, все кустари, исполняющие государственные заказы на изделия и предметы кустарно-ремесленного производства, а равно и выполняющие государственные заготовки через Сибкустпром или его органы, должны были быть обеспечены рабочим пайком по группе А. Подлежала снабжению пайком на общих основаниях с семьями рабочих и семья кустаря [Там же. Д. 9. Л. 54].

При составлении плана заготовок губСНХ учитывал заявки государственных учреждений, а также потребности армии. В течение зимы 1920/21 г. кустари взяли на себя обязательства по изготовлению разнообразных видов изделий. Приказом губСНХ от 30 декабря 1920 г. об обеспечении теплой одеждой войсковых частей губернии кустари были обязаны изготовить 200 оленьих дох, 200 пар унтов, 200 пар меховых рукавиц и 1000 пар валенок [Там же. Д. 82. Л. 11].

Одна из кустарных артелей Вилюйского уезда приняла заказ на изготовление 2000 топоров, 500 кайл, 500 сошников, 10 тысяч якутских ножей, одной тысячи волосяных шляп, одной тысячи волосяных потников [Ленский коммунары. 1921. 25 авг.].

Весной 1921 г. по договорам с Губкустпромом работали 31 кустарь из г. Якутска и пригородного с. Марха, а также два человека из Намской волости и один из Мегинской волости. Среди них пять сапожников, семь шорников, восемь часовщиков, три столяра, три портных, два гончара, один кузнец, один бондарь, один деревообделочник. В марте 1921 г. были заключены договора с 41 бондарем из Мегюренского, Женхадинского и Хомустахского населегов Мегинской волости на изготовление 1410 бочек и 240 полубочек для рыбных промыслов, а также пяти лодок. Кроме этого Губкустпром дал заказ кустарям на изготовление 75 телег с колесами, 25 дрог, 40 дровней, 40 комплектов сбруи, 20 обыкновенных и 10 кавалерийских седел, 1720 ножей для ловли рыбы, 300 дымленных кож и производство 300 тыс. штук кирпича [НА РС (Я). Ф. 51. Оп. 1. Д. 148. Л. 8; Д. 115. Л. 14].

Одновременно губСНХ и Губкустпром развернули работу по сбору сырья у населения. Так, летом 1920 г. сырьевой отдел губСНХ обязал все учреждения, организации и частные лица предоставить сведения о количестве имеющегося в их распоряжении конского волоса. В объявлении об этом, опубликованном в газете за подписью председателя губСНХ К.П. Атласова, содержалось следующее предупреждение: если у лиц, не предоставивших об этом сведений, он будет обнаружен, то их отдадут под суд за сокрытие с конфискацией найденного [Красный Север. 1920. 28 июля].

В августе 1921 г. кустарями, заключившими договор с Губкустпромом, было заготовлено 140 телег, 300 тыс. шт. кирпича, 1500 ножей для ловли рыбы, 700 шт. дымленной кожи, 600 шт. глиняной посуды и эмалированных чашек, свыше 100 комплектов сбруи, 200 шт. дровней, 300 пудов дегтя, около 150 шт. бондарных изделий [НА РС (Я). Ф. 51. Оп. 1. Д. 115. Л. 14]. Оплата работы осуществлялась по расценкам, установленным калькуляционной комиссией Губкустпрома. Для оплаты работы кустарей в августе 1921 г. Губпрому было предложено выделить 18456 руб., причем, 50% назначенной суммы – мануфактурой, остальное – чаем и табаком [Ленский коммунары. 1921. 23 авг.].

Еще одной формой привлечения кустарей и ремесленников к выполнению государственных заданий была трудовая мобилизация. Во исполнение декрета Совета обороны РСФСР от 19 ноября 1918 г. и постановления СНК РСФСР от 29 января 1920 г. о введении всеобщей трудовой повинности в Якутии был образован специальный губернский комитет по проведению всеобщей трудовой повинности. Свою деятельность комитет начал с издания приказа от 24 июля 1920 г. об объявлении мобилизации строительных рабочих: плотников, землекопов, каменщиков, кровельщиков, печников, штукатуров, столяров, стекольщиков и других, «работающих и когда-либо работавших при всевозможных постройках» [Красный Север. 1920. 28 июля]. Мобилизации подлежали строители, работающие одиночками, владельцы столярных мастерских, а также рабочие строительных специальностей, не имеющие определенных занятий. Граждане, игнорировавшие данный приказ, объявлялись дезертирами трудового фронта и должны были понести наказание по всей строгости революционного времени.

Более подробные разъяснения по вопросам мобилизации кустарей были приведены в циркуляре Сибкомтруда от 17 августа 1920 г. [НА РС (Я). Ф. 51. Оп. 1. Д. 16. Л. 29]. В нем отмечалось, что на основании постановления Главкомтруда кустари, привлекаемые к трудовой мобилизации и исполнению трудовой повинности, должны работать строго по своей специальности. В то же время при отсутствии в случае мобилизации специальности, которой занят кустарь, органы СНХ имели право привлечь его к трудовой повинности и не по специальности, например, на разгрузку дров, продовольствия и т.д. В январе 1921 г. в газете «Ленский коммунарь» был опубликован приказ губернского комитета уже об объявлении всеобщей трудовой повинности на территории области [Ленский коммунарь. 1921. 5 янв.].

Недостаточно четкая регламентация методов осуществления трудовой мобилизации на практике привела к многочисленным перегибам в работе с кустарями. Жалобы на различные нарушения прав кустарей и ремесленников при проведении мобилизации стали поступать в Якутский губревком уже осенью 1920 г. В ноябре на имя председателя губревкома поступила докладная заведующего отделом советского управления Е. Егасова, в которой он сообщал, о том что «мобилизация прошла ненормально», «нетактичные

и самочинные действия и распоряжения вызывают недовольство и ропот среди населения» [НА РС (Я). Ф. 49. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.–4]. В целом, экономический кризис, в котором оказалась Якутия зимой 1920/21 г., введение обязательной поставки изделий и трудовой мобилизации оказали разрушающее влияние на состояние кустарно-ремесленного производства. Сельские промыслы и ремесло во многих местностях пришли в упадок. Например, в Восточно-Кангаласской волости, где до 1919 г. жители около 20 лет занимались выплавкой железа: одно-два семейства – в Качикатском наслеге, около 10 – в Жемконском, около 12 – во II Жемконском, весной 1921 г. были вынуждены забросить ремесло и заняться рубкой дров для выполнения плана разверстки [НА РС (Я). Ф. 286. Оп. 16. Д. 70. Л. 9–10].

Таким образом, первый опыт перевода частного сектора кустарного производства Якутии под государственный контроль закончился фактическим провалом. Ограничение хозяйственной и финансовой самостоятельности мелких товаропроизводителей, введение системы государственного регулирования экономическими процессами не смогли поднять кустарно-ремесленное производство, приведя маломощные и отсталые промыслы кустарей и ремесленников к окончательному разорению и развалу. Дальнейший упадок был остановлен переходом к новой экономической политике, которая сняла многие ограничения на развитие кустарной промышленности, предоставив ей возможность свободно действовать.

Литература и источники

Архив ЯНЦ СО РАН (с 2014 г. – Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН). Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 1; Д. 467. Л. 210.

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. – Ч. 2, кн. 1. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – 408 с.

Бурнашева Н.И. Кооперация кустарных промыслов Якутии. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. – 126 с.

Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917–июнь 1941 гг.). – Новосибирск: Наука, 1972. – 258 с.

Красный Север. – 1920. – 28 июля.

Ленский коммунарь. – 1921. – 5 янв.; 23 авг.; 25 авг.

НА РС (Я). Ф. 49. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.-4; Ф. 51. Оп. 1. Д. 9. Л. 54; Д. 10. Л. 34; Д. 13. Л. 17; Д. 16. Л. 29; Д. 18. Л. 30; Д. 55. Л. 128; Д. 74. Л. 1–33; Д. 82. Л. 11; Д. 87. Л. 3; Д. 115. Л. 14; Д. 121. Л. 7; Д. 121. Л. 52–54; Д. 148. Л. 8; Ф. 286. Оп. 16. Д. 70. Л. 9–10.

N.I. Burnasheva

The private sector the handicraft industry of Yakutia in the conditions of war communism (1920–1921)

The article deals with the transformation process of handicraft production of Yakutia under control of public authorities in the conditions of policy of "military communism" reveals. The problems of organization of the system of state bodies on small-scale production management are considered. Concrete actions for the organization of work of artisans and handicraftsmen are investigated the analysis of the main results of the done work is made.

Keywords: craft, handicraft industry, small-scale production, policy of "war communism", labor mobilization.

УДК 94:32(571.56) «1950/1960»

T.C. Иванова

Общественно-политическое развитие Якутии в середине 1950-х – начале 1960-х годов

В статье рассматриваются общественно-политические преобразования в Якутской АССР в период «оттепели», начало процесса реабилитации осужденных (реперессированных) в 1930-е гг. Этот период характеризуется наиболее радикальными реформами системы управления социально-экономическим развитием страны. Процесс демократизации затронул все сферы жизни, начиная с конституционного законодательства автономной республики. Расширение прав автономных республик привело к повышению роли Советов на местах, формированию начал гражданского общества.

Ключевые слова: «оттепель», демократизация, реабилитация, КПСС, органы управления республики, Якутская АССР, Советы народных депутатов, общественные объединения, выборы.

Первая половина 1950-х гг. является довольно сложным временем в истории КПСС. И.В. Сталин, как известно, рассматривал партию не в обычном понимании этого слова, а как разветвленный, универсальный аппарат власти, с одной стороны, и как синоним огромного идеологического ордена – с другой. К моменту его смерти партия представляла собой организацию, отличительными чертами которой были послушное, автоматическое единодушие, единогласие, однодумство. Фактически она была превращена в массу исполнителей. Однако даже в этих условиях внутри партии имелся и постепенно нарастал и осознанный, и неосознанный стихийный протест. В условиях внутренней противоречивости партийной жизни вывелись новые тенденции.

Как известно, общественно-политическая жизнь СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг. характеризовалась политическими явлениями, которые получили название «оттепель». Она была подготовлена всей социально-экономической и политической ситуацией предшествующего времени. Послевоенный восстановитель-

ный период закончился, в связи с чем произошла известная переоценка ценностей, в том числе стимулов и факторов трудовой активности. Принцип работы «любой ценой» все более утрачивал свою оправдательную функцию. Перед страной встала альтернатива, которая разрешилась в пользу определенных реформ в рамках системы. Начался один из сложнейших периодов в отечественной истории, который, по образному выражению М. Геллера, был «мостом во времени: между сталинской эпохой неограниченного террора и диктатурой советского конформизма» [Геллер, 1995, с. 177].

Общественно-политическая ситуация в этот период характеризовалась появлением принципиально новых по своему характеру реалий, в центре которых оказались процесс десталинизации общества и начало его реформирования. Все они имели вполне конкретные проявления в Якутии, затронувшие жизнь региона в большей или меньшей степени.

В июне 1954 г. в республике была создана специальная правительственная комиссия по пере-

смотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления». Реабилитация репрессированных в 1930-е гг. деятелей партии и государства продолжилась в 1954–1956 гг., однако процесс не был доведен до конца и фактически приостановлен в середине 1960-х гг.

Постановления ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг. по идеологическим вопросам были посвящены борьбе с космополитизмом и преклонением перед «иностранинкой», и в последующем привели к политизации духовной культуры.

10 декабря 1951 г. в газете «Правда» была опубликована статья С. Борисова, А. Суркова, Л. Климовича «За правильное освещение истории якутской литературы». Вслед за этим 6 февраля 1952 г. бюро Якутского обкома ВКП(б) приняло постановление «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы». Разоблачения «националистов» с высоких трибун продолжались до 1956 г.

На V пленуме обкома партии 20 марта 1952 г. выступил первый секретарь Якутского обкома КПСС С.З. Борисов с критикой книги ученого Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя».

Хотя 16 февраля 1962 г. было принято специальное постановление Якутского бюро обкома КПСС «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы», все же имелись попытки возрождения борьбы с «буржуазным национализмом». Так, на X пленуме Якутского областного комитета КПСС 5 июля 1963 г. с докладом «Об итогах июньского Пленума ЦК КПСС и задачах идеологической работы областной партийной организации» выступил первый секретарь обкома С.З. Борисов.

Бюро обкома партии своим постановлением от 21 октября 1965 г. сняло все обвинения с историков, но обвинения в «буржуазном национализме» продолжались. В этот же период проходят пышные празднования, посвященные 325-летию вхождения Якутии в состав Российского государства. 1 октября 1957 г. был принят Указ Верховного Совета СССР, утвердивший тезис о добровольном вхождении.

Главным инструментом коммунистического строительства, курс на которое активно пропагандировался во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., объявлялось общенародное государство. Его формирование квалифицировалось как развитие марксистско-ленинского

учения о государстве, возвращение к ленинским теоретическим истокам, преодоление последствий эпохи культа личности. Процесс развития государства виделся в постепенной передаче его функций общественным организациям. В этой связи их статус с конца 1950-х гг. стал серьезно возрастать. Общественные объединения (прежде всего, профсоюзы, комсомол) становились активными участниками общественно-политической жизни. Необходимо отметить, что такой подход наиболее полно отвечал господствовавшему тогда пониманию преодоления последствий эпохи «культа личности», когда происходило принижение роли народных масс в общественной и экономической жизни.

Поддерживались государством и активно создавались общественные творческие объединения рабочих, общественные народные дружины, добровольческие отряды народной милиции для поддержания общественного порядка и др. Развивался общественный контроль как форма защиты прав человека и гражданина в СССР. Несмотря на изрядную долю формализма, заорганизованности, подконтрольности общественных организаций, это были все же первые ростки формирования в Советском Союзе «гражданского общества», что имело важное значение в постепенном отходе от долгих лет господства сталинской общественной модели.

Вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг. характеризуются наиболее радикальными за все годы советской власти реформами системы управления социально-экономическим развитием страны и ее регионов. В 1957 г. стартовала грандиозная управленческая перестройка, связанная с образованием совнархозов.

Промышленные предприятия стали управляться местными органами (совнархозами), а не отраслевыми органами управления. Совнархозы должны были управлять всеми промышленными предприятиями на своей территории вне зависимости от их профиля. При помощи новой системы надеялись наиболее рационально использовать сырьевые ресурсы, устранить отраслевую изолированность и ведомственные барьеры. Ожидалось, что новое местное руководство полнее оценит местные возможности, и это будет способствовать более гармоничному развитию отдельных районов. Цель перестройки была определена достаточно четко – децентрализация всей хозяйственной структуры страны.

Реформы системы управления социально-экономическими процессами, предпринятые во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., носили противоречивый характер. Они были призваны нормализовать, а затем улучшить ситуацию, однако в этом смысле они не удались. И все же можно говорить об определенных достижениях, особенно в сфере управления промышленностью. В частности, решениями высших органов РСФСР и Якутской АССР были созданы министерства бытового обслуживания, местной, пищевой и топливной промышленности, мелиорации и водного хозяйства. В 1971 г. восстановлено Министерство юстиции республики. Некоторые министерства получили новые наименования (Министерство коммунального хозяйства, Министерство охраны общественного порядка). Решением правительства были образованы некоторые новые органы (ведомства) при Совете Министров Якутской АССР.

Период с середины 1950-х гг. характерен тем, что происходили непрерывные перестройки государственного аппарата. Причины этих перестроек были неоднозначны. С одной стороны, они обуславливались стремлением в соответствии с решениями XX съезда КПСС демократизировать государственную структуру, преодолеть чрезмерный централизм, сложившийся в годы формирования и упрочения командно-административной системы государственного управления. А с другой – параллельно шел процесс совершенствования местных органов государственного управления. В 1956 г. местные органы Министерства внутренних дел СССР были переданы в двойное подчинение: теперь они находились в ведении не только вышестоящего отраслевого органа управления, но и местного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета. Важное значение имело преобразование в 1969 г. на основе указов Президиумов Верховных Советов РСФСР и Якутской АССР районных производственных управлений сельского хозяйства в управления сельского хозяйства райисполкомов, повлекшее перевод важных органов управления в районное подчинение.

В этот период пропаганда и агитация выступали как формы информационных взаимоотношений государства и граждан. В связи с этим руководство страны приступило к обновлению конституционного законодательства.

В конституционное законодательство автономных республик в 1950-е гг. были внесены суще-

ственные изменения. Особенно заметно это по тем поправкам, которые предусматривали совершенствование избирательной системы и избирательных норм по выборам в Верховный Совет и местные Советы депутатов трудящихся Якутской АССР, а также системы судопроизводства, порядка и формы работы органов власти, управления и суда.

18 апреля 1955 г. Верховным Советом ЯАССР был утвержден Указ Президиума Верховного Совета Якутской АССР «Об избирательных нормах по выборам в районные, сельские (наследные, кочевые) и поселковые Советы депутатов трудящихся Якутской АССР» от 16 декабря 1954 г. В соответствии со ст. 145 Конституции РСФСР были внесены соответствующие изменения в ст. 105 Конституции Якутской АССР. По новым избирательным нормам в районный Совет избирался один депутат от 1000 чел. населения; в районе с населением до 35 тыс. чел. – 35 депутатов; в районе с населением свыше 60 тыс. чел. – не более 60 депутатов; в сельские и поселковые Советы избирался один депутат от 100 чел. населения; в селах и поселках с населением до 1500 чел. – 15 депутатов, а с населением свыше 3500 чел. – не более 35 депутатов [Заседания Верховного Совета ЯАССР..., 1955, с. 1627].

На этой же сессии был принят закон «О внесении изменений и дополнений в статьи 42, 61, 62, 64 и 109 Конституции (Основного закона) Якутской АССР» [Там же, с. 170–171]. По закону устанавливалась новая структура Совета Министров ЯАССР, в состав которой входили: председатель Совета Министров, председатель Государственной плановой комиссии, председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров ЯАССР, министры внутренних дел, здравоохранения, коммунального хозяйства, культуры, местной промышленности, промышленности и продовольственных товаров, просвещения, сельского хозяйства, социального обеспечения, торговли, финансов, юстиции, начальники управлений автомобильного транспорта и шоссейных дорог, промышленности строительных материалов, топливной промышленности (ст. 42). В составе исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся создавались новые отделы: автомобильного транспорта и шоссейных дорог, здравоохранения, коммунального хозяйства, культуры, народного образования, социального обеспечения, торговли и др. (ст. 61, 64). При рай-

онных Советах депутатов трудящихся с утверждения Президиума Верховного Совета ЯАССР Министерство внутренних дел ЯАССР стало создавать свои отделы (ст. 62). Согласно ст. 109 Конституции государственным флагом Якутской АССР стал признаваться государственный флаг РСФСР.

В этот период проводилась значительная работа по дальнейшему развитию законодательства о государственных органах управления АССР, основанного на единых принципах управления народным хозяйством СССР. Расширение прав автономных республик в середине 50-х гг. в области экономической и социально-культурной жизни привело к повышению роли и улучшению деятельности Совета Министров Якутской АССР, в его ведение было передано решение многих вопросов в области бюджета и финансов, промышленности, сельского хозяйства, капитального строительства, а также право распоряжения материальными средствами.

Только в 1967 г. Советом Министров РСФСР было принято шесть специальных постановлений о расширении прав и полномочий Советов Министров АССР, не считая тех постановлений, в которых имелись пункты о предоставлении дополнительных полномочий Советам Министров самостоятельно решать те или иные вопросы. В условиях внедрения новой системы планирования и экономического стимулирования большое значение в дальнейшем расширении прав Советов Министров АССР сыграло постановление Совета Министров РСФСР от 13 октября 1967 г. «О передаче дополнительно на решение министерств и ведомств РСФСР, Советов Министров автономных республик, крайисполкомов, обласполкомов, Московского и Ленинградского горисполкомов вопросов хозяйственного и культурного строительства». Оно содержало более 50 пунктов, которые определяли права Советов Министров АССР в совершенствовании системы государственного управления экономикой республики, где особое внимание придавалось повышению роли планирования, внедрению хозяйственного расчета, усилению режима экономии, улучшению стиля и методов руководства хозяйством, совершенствованию организационной структуры управления [Собрание постановлений..., 1967, с. 139].

В рассматриваемый период были несколько расширены полномочия местных Советов депу-

татов трудящихся республики в области планирования народного хозяйства, производства и распределения продукции местной и кооперативной промышленности, организации жилищного, культурно-бытового и дорожного строительства, охраны общественного порядка и решения финансово-бюджетных вопросов, что получило законодательное закрепление в новых Положениях о местных Советах. В 1957–1960 гг. в союзных республиках были приняты новые Положения о местных (сельских и районных) Советах депутатов трудящихся, в которых регламентировались их права и обязанности, порядок деятельности. Все принятые поправки, дополнения по формированию органов государственной власти получили отражение в 1958–1959 гг. в Положениях о выборах в Советы, зафиксировавших важный этап в развитии представительных органов власти.

С этого времени положения о выборах становятся основным нормативным актом, регулирующим все вопросы формирования органов государственной власти, подготовку, проведение выборов в Советы депутатов трудящихся. Все это способствовало более широкому участию населения в кампании по формированию представительных органов власти [Положение о выборах в ВС ЯАССР, 1959; Положение о выборах в районные..., 1965 и др.].

Руководство КПСС по-своему видело пути развития демократии, противопоставляя ее цивилизованному общемировому пониманию особую научно-практическую доктрину общенародного государства в форме Советов депутатов трудящихся. К концу 1950-х гг. система Советов депутатов трудящихся значительно расширилась: в 1959 г. в СССР существовали свыше 57 тыс. представительных органов государственной власти различного уровня, где работали свыше 1800 тыс. депутатов.

В 1967 г. в республике насчитывались 31 районный, два городских, 297 сельских, 47 поселковых и семь городских (районного подчинения) Советов [Якутская АССР..., 1982, с. 78]. Их деятельность перестраивалась на основе постановления ЦК КПСС от 8 марта 1967 г. «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся». В начале апреля 1967 г. было проведено республиканское совещание председателей исполкомов районных и городских Советов для обсуждения поставленных за-

дач. Вопросы о мерах по улучшению работы Советов рассматривались и на сессиях районных, сельских и поселковых Советов. Все это показывало дальнейшее улучшение деятельности местных Советов, усиление их связи с населением.

Стремление к демократизации нашло выражение в мерах, направленных на дальнейшее повышение роли Советов, активизацию их деятельности. Стал соблюдаться коллегиальный принцип деятельности Верховного Совета, оживилась его законодательная работа. Осуществлялся контроль над исполнительно-распорядительными органами, на сессиях Верховного Совета рассматривались вопросы, связанные с работой центральных органов управления.

Заметно улучшилась деятельность Президиума Верховного Совета ЯАССР. Место решений, принимаемых ранее «опросным порядком», заняли полноправные правовые акты, принимаемые в результате обсуждения при участии представителей заинтересованных учреждений.

С расширением прав автономных республик в области административно-территориального устройства Президиум Верховного Совета Якутской АССР стал решать такие вопросы, как образование или упразднение сельских Советов, передача их в состав другого района, отнесение населенных пунктов к категории рабочих поселков, упразднение или передача их в другой район. Президиум принимал также решения об отнесении населенных пунктов к категории городов республиканского (АССР) и районного подчинения,

о передаче города районного подчинения из одного района в другой с последующим утверждением их указом Президиума Верховного Совета РСФСР.

Таким образом, советы народных депутатов во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. воплотили в себе достаточно противоречивые тенденции. С одной стороны, они выступали как форма организации государственной власти, сложившаяся в прошлые годы, с другой – в условиях расширения их полномочий и вовлечения в их деятельность как можно большего количества людей посредством постоянных комиссий, актива они вбирали в себя новые элементы гражданского общества.

Литература

Геллер М. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: в 3 кн. / М. Геллер, Л. Некрич. – М., 1995. – Кн. 2.

Заседания Верховного Совета Якутской АССР четвертого созыва (15–18 апреля 1955 г.). Первая сессия: Стеногр. отчет. – Якутск, 1955.

Собрание постановлений Правительства РСФСР. – 1967. – № 24.

Положение о выборах в Верховный Совет Якутской АССР. – Якутск, 1959; Положение о выборах в районные, городские, сельские (наследные, кочевые) и поселковые Советы депутатов трудящихся Якутской АССР. – Якутск, 1965 и др.

Якутская АССР в условиях развитого социализма: исторический очерк. – Якутск, 1982.

T.S. Ivanova

Political development of Yakutia in the middle 1950 – early 1960

The article deals with the social and political reforms in the Yakut ASSR during the «thaw» period. It began the process of rehabilitation of prisoners (or repressed) in 1930. The second half of 1950 - early 1960 characterized by the most radical reforms of management system in social-economic development of the country. The process of democratization has affected all spheres of life, from the constitutional law of the Autonomous Republic. Empowering Autonomous Republics has led to an increase in the role of local Soviets, forming inception of civil society.

Keywords: «thaw», democratization, rehabilitation, CPSU, republic authorities, Yakut ASSR, soviets of national deputies, associations, elections.

Демократизация общественно-политической жизни в Якутии в период «перестройки»

В статье рассматриваются новые явления в жизни Якутии второй половины 1980-х гг.: возникновение общественных движений, формирование политических партий, развитие культуры, науки и детских учреждений, происходившие в этих областях изменения.

Ключевые слова: история Якутии, общественно-политическая жизнь, общественные движения, политические партии, развитие культуры.

Возникновение в конце 1980-х гг. XX в. множества разного рода неформальных объединений – характерная черта Якутии изучаемого периода. В условиях демократизации это было своего рода реакцией на многолетнее единообразие бюрократического подхода к общественным организациям. Всплеск социальной активности произошел после принятия в стране курса на радикальное обновление общества. В 1987 г. была провозглашена политика «гласности». Средства массовой информации начали сначала робкую, а затем и широкую кампанию по критике существующего строя и пересмотру истории советского общества. К 1988 г. усиливается интерес общества к прошлому, характерная черта этого времени – открытый «антисталинизм».

Начало появления общественных движений в Якутии пришлось на 1987 год, год провозглашения «гласности». Первым общественным движением было экологическое. Именно на почве защиты экологии произошли первые столкновения официальных органов и вновь возникших общественных объединений.

В атмосфере тотального насаждения единообразной официальной точки зрения наступление эпохи гласности пробудило дремлющие настроения стихийного протеста. Население с восторгом воспринимало любые критические выступления в адрес решений центральной власти, в том числе вполне разумных. Ярким примером этого служит дискуссия вокруг судьбы Зеленого луга.

В 1987 г. Совет Министров РСФСР утвердил генеральный план развития города Якутска. Главный архитектор института «Якутгражданпроект» Ю.И. Холмогоров считал, что основные направления генерального плана – это освоение намыв-

ных территорий в районе Зеленого луга. Проектировщики предлагали вернуть городу первоначальное историческое значение, то есть город должен был выйти фасадом к реке Лене, при этом застройка поймы бывшей протоки Лены позволила бы упорядочить план города [Холмогоров, 1987].

Это был в целом вполне разумный проект, который позволял облегчить остроту жилищной проблемы. В городе отсутствовали пригодные для массовой застройки площади. Микрорайон планировалось построить домами новой планировки, создать предприятия соцкультбыта. Однако совершенно неожиданно именно вокруг этого проекта вспыхнула ожесточенная полемика.

Стан противников застройки Зеленого луга состоял в основном из двух больших групп. В одну из них входили жители аварийных и неблагоустроенных деревянных домов. Они настаивали на сносе старого и ветхого жилья в центре города и постройке его в новом месте. Другой была группа собственно экологов. И те, и другие выступали под флагом защиты Зеленого луга, как любимого и единственного места отдыха горожан. Аргументы застройки были вполне «популистские». Адепты этой идеи не столько действительно отстаивали свои убеждения, сколько упивались возможностью открытой критики в адрес городских и областных властей, немислимой ранее. Дискуссия в защиту Зеленого луга в средствах массовой информации активно велась в 1987–1989 гг. Одним из его защитников был доцент Якутского госуниверситета В.В. Шепелев.

В 1987 г. появилась неформальная общественно-политическая организация «Радикал». Основную свою задачу его организаторы видели в укреплении народовластия путем усиления связи горожан с советскими органами. «Радикал» про-

вел общегородской опрос по застройке Зеленого луга [Юрков, 1988]. Несмотря на их усилия микрорайон на Зеленом лугу был возведен и успешно выполняет свое предназначение. Никаких особенно вредных последствий в связи с этим не наступило, если не считать появившихся с тех пор в Якутске периодических пыльных бурь и песка на городских улицах. О надуманности проблемы Зеленого луга свидетельствует то обстоятельство, что появившаяся в конце 1990-х гг. в прессе информация о возобновлении застройки не вызвала ни полемики, ни сколько-нибудь серьезного интереса.

Более серьезной была состоявшаяся 30 октября 1990 г. в Нюрбе учредительная конференция уполномоченных представителей общественности Верхневилуйского, Вилуйского, Кобяйского, Ленинского, Мирнинского, Сунтарского районов республики. На этой конференции был создан комитет «Вилуой». Цели создания: консолидация граждан, проживающих на территории бассейна р. Вилуой, а также общественности республики для оздоровления экологической обстановки в бассейне р. Вилуой; выступление против испытания на территории республики ядерного оружия, химических и других искусственных препаратов и материалов, отрицательно влияющих на экологическую обстановку. Активисты экологического движения опубликовали результаты исследований о загрязнении бассейна р. Вилуой, куда сбрасывали свои промышленные отходы Мирнинский и Айхало-Удачинский горно-обогатительные комбинаты. Из одного только карьера «Мир» с 1977 по 1989 г. сброс загрязненной воды составил около 60 млн. кубометров [Гоголев, 2001, с. 124].

8 сентября 1991 г. состоялась учредительная конференция Детского экологического центра. На ней присутствовали 138 делегатов из 25 районов Якутии. Основными направлениями деятельности данного центра являются повышение уровня экологического образования; распространение полученных знаний, умений и навыков бережного отношения к природе; участие своими силами и средствами в защите окружающей среды; создание условий для сохранения культурных ценностей.

В 1988–1989 гг. политика становится основным предметом деятельности общественно-политического клуба «Радикал». Это было связано с выборами народных депутатов в 1989 г. Предвыборная кампания проходила в условиях бур-

ной политической активности народа. «Радикал» подготовил свою Декларацию, в которой главной была идея многопартийности. В самом начале «Радикал» связывал свою деятельность с работой инициативной группы «Демократический союз содействия перестройке» (ДССП).

26 ноября 1989 г. инициативная группа во главе с Д.Д. Петровым провела учредительное собрание «Народного фронта» Якутии (далее – НФЯ). Основные лозунги движения – консолидация, возрождение, развитие. Одними из направлений деятельности Народного фронта Якутии были борьба за сохранение среды обитания человека, пропаганда истоков, фундаментальных ценностей и достижений человеческой деятельности а также освобождение республики от двойного подчинения, как сырьевого придатка, а основная цель – добиться союзного статуса республики. НФЯ и его филиалы в городах Мирный и Нерюнгри участвовали в разработке Декларации о суверенитете. Представители НФЯ, в частности Д.Д. Петров, принимали активное участие в разработке новой Конституции Республики Саха (Якутия).

В июне 1990 г. был образован учредительным съездом Союз общественных объединений и граждан «Саха омук» В его состав вошли: культурно-просветительное общество «Саха кэскилэ», общество «Саха тыла», преследующее цель сохранения, возрождения и развития якутского языка; ассоциация мастеров Якутии, включающая 80 государственных и самодельных коллективов; общество «Осуохай»; ассоциация народных медиков; «Писатели Якутии»; философско-мировоззренческий клуб «Кут-сюр»; дискуссионный клуб «Алтан Сэргэ». Союз «Саха омук» является общественно-политической организацией, основная цель которой – возрождение якутского народа. В политическую жизнь Союз вошел в период подготовки и принятия Декларации о суверенитете республики. Его лидер В. Николаев утверждал, что с первых дней создания Союз стоял за принятие такого суверенитета, который исходил бы из интересов республики.

Принятие Декларации о суверенитете обеспечивало народам Якутии, особенно малочисленным народам Севера, сохранение их исконной среды обитания; самоуправление; политическое и правовое равенство путем формирования национально-территориальных образований; создание им условий для национального, экологического,

культурного возрождения. С другой стороны, в сравнительно короткий промежуток времени возникает национальное движение коренных малочисленных народов Севера за этнические права. В 1991 г. были созданы такие национальные объединения коренных народов Севера, как Усть-Майское районное отделение Ассоциации народностей Севера, Юкагирская родовая община «Чайла», Оймяконская ассоциация народностей Севера, Ассоциация народностей Севера Якутии, Международный фонд коренных народов и этнических общин «Интерэтнос». Основной проблемой, которой занимаются эти объединения, является выживание их как самостоятельных этносов. В марте 1991 г. был принят закон «О местных Советах народных депутатов и местном самоуправлении», по которому «для ускорения экономического развития, сохранения среды обитания и традиционных отраслей народного хозяйства, возрождения национальной культуры и удовлетворения духовных и языковых запросов граждан в местах компактного проживания малочисленных народов Севера» можно «образовывать национальные административно-территориальные единицы (национальные районы, национальные сельские (кочевые) Советы)».

Именно в период принятия Декларации о суверенитете Якутии официально оформляются общественные движения за национальное возрождение народов, проживающих на территории республики, такие, как татаро-башкирская община «Яктали» (зарегистрирована 4 февраля 1990 г.); украинское землячество «Криница» (7 декабря 1991 г.); Якутский казачий полк (28 апреля 1991 г.), а также русская община, общество еврейской культуры, союз армян и др.

В январе 1989 г. в Москве прошла учредительная конференция Всесоюзного просветительского общества «Мемориал». Якутскую инициативную группу представляли журналисты И. Ушницкий и П. Гуляев. 13 января 1989 г. состоялось первое заседание инициативной группы по созданию общества «Мемориал». В неё вошли К.Г. Туралысов, А.Д. Сыроватский, В.Н. Гуляев, А.А. Калашников, П.Г. Шишмарев, И.Е. Федосеев, И. Ушницкий, П. Гуляев и др. На своих заседаниях они обсуждали вопросы о сооружении памятника жертвам сталинских репрессий, об увековечивании памяти П.А. Ойунского и М.К. Аммосова. По мнению Е.Е. Алексева, организатора общества «Мемориал», возврат к прошлому воз-

можен, если будут существовать зоны умалчивания. Он считал, что единственно верный путь избежать этого заключается в гласности, которая нанесет удар по страху, глубоко засевшему в людях.

21 апреля 1989 г. состоялось учредительное собрание Якутского отделения «Мемориала», которое заслушало и обсудило доклад Е.Е. Алексева «О “белых пятнах” в истории Якутии» и доклад П.Н. Гуляева о работе учредительной конференции общества «Мемориал» в Москве. Итогом работы стало учреждение общества «Мемориал» и организация научной группы в составе 17 человек и пресс-группы в количестве шести человек. Председателем правления общества был избран Е.Е. Алексеев. Общество «Мемориал» определило два направления своей деятельности: сохранение и увековечивание памяти жертв сталинизма и восстановление исторической правды, изучение причин террора 1930–1950-х гг.

В начале 1990-х гг. начался процесс организационного оформления политических движений и партий. 3 ноября 1990 г. состоялась учредительная конференция якутского филиала Демократической партии России.

3 марта 1991 г. состоялась учредительная конференция Демократической партии Якутии (далее – ДПЯ) которая рассмотрела проект программных тезисов ДПЯ, устава ДПЯ и др. Своей целью ДПЯ провозгласила конституционное преобразование республики в правовое государство в форме демократической республики, а также создание свободной рыночной экономики.

В ноябре 1990 г. был образован Крестьянский союз. Он начал свою деятельность с анализа социально-экономического развития села. Предполагалось, что через своих представителей в Советах народных депутатов, в Верховном Совете республики Крестьянский союз будет активно участвовать в выработке аграрной политики, в разработке, обсуждении и принятии таких основополагающих актов, как «Закон о земле», «Закон о собственности», «Закон об аренде», «Закон о крестьянском хозяйстве». Крестьянский союз первым прошел официальную регистрацию (10.04.91.). 8 апреля 1992 г. его на базе была создана партия «Сир».

Учредительный съезд Коммунистической рабочей партии Якутии (далее – КРПЯ) состоялся 30 ноября 1991 г. Главной задачей КРПЯ было воссоздание политической партии ленинского типа, очищенной от нароста, опорочившего КПСС.

Еще одна партия, созданная в изучаемый период, – это Республиканская народная партия Якутии (далее – РНПЯ). Ее учредительный съезд состоялся 13 ноября 1991 г. Дата регистрации в Министерстве юстиции – 6 декабря 1991 г. Основными направлениями деятельности РНПЯ являются: консолидация граждан республики, независимо от национальной, социальной или иной принадлежности, вокруг идеи государственного суверенитета республики.

Многие первые политические движения и партии оказались недолговечными и не приобрели большой популярности среди населения. В.Б. Игнатъева выделяет несколько направлений общественных движений: движения, стоявшие в открытой оппозиции к КПСС («Радикал»); движения в поддержку перестройки (Демократический союз содействия перестройке); движения за национальное возрождение (Интернациональный центр народов Якутии, Народный фронт Якутии, Мирнинский народный фронт, комитет «Суверенитет», общества «Саха омуку», «Саха кэскилэ», «Саха тыла», «Осуохай», партия «Ил», народно-демократическая партия «Туран»); движения «зеленых» и экологические движения (партия «зеленых», Якутский общественный экологический центр, «Сунтар сангата»); историко-просветительные движения («Мемориал») [Игнатъева, 1999, с. 87].

Изменения, которые произошли в экономической, общественно-политической жизни республики, отразились и на развитии образования, науки и культуры. Главным приоритетом культурной политики в этот период была задача сохранения пространства культуры и создания базового потенциала для дальнейшего развития.

1980-е гг. были отмечены творческим всплеском Якутского драматического театра, что было связано с именем молодого режиссера А.С. Борисова. Сценическая композиция по повести Ч. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря», поставленная им под названием «Желанный голубой берег мой...», стала манифестом нового этапа развития якутской сцены. В 1986 г. артисты Якутского драматического театра за спектакль были удостоены звания лауреатов Государственной премии СССР. Затем А.С. Борисов поставил пьесу Н. Габдышева «Просеки», посвященную якутскому отряду строителей БАМа, «Мной оставленные песни...» – спектакль о П.А. Ойунском, «Ханидо и Халерха» С. Курилова. Это были годы становления А.С. Борисова как режиссера с мировым именем.

В 1990-е гг. стали проводить мероприятия, выставки, посвященные культуре и искусству народов Якутии, с их активной пропагандой за рубежом. Первым крупным шагом в этой области явилась международная конференция «Варган: традиции и современность», проведенная в Якутске в 1991 г. Затем были созданы Международный центр варганной музыки и Музей варгана.

В 1990 г. по инициативе М.Е. Николаева был организован Национальный фонд возрождения «Баргарыы» при Президенте РС (Я) для использования имеющегося потенциала, вовлечения большого круга деятелей науки, культуры и искусства в целях развития духовности, поиска и поддержки талантов. Фондом были разработаны и внедрены 18 программ для развития образования, здравоохранения, науки, культуры, детского творчества и т.д. Фонд явился одним из организаторов международных игр «Дети Азии» и научно-социальной программы «Шаг в будущее».

В области образования и науки модернизация началась лишь с 1991 г. В частности, была принята «Концепция обновления и развития национальных школ» Е. Жиркова. Ее основным принципом является право обучения учащихся на родном языке.

Начало рыночных преобразований в экономике России привело к изменению условий функционирования науки и резкому сокращению ее финансирования. Реакцией на это стало сокращение масштабов исследований и смещение целей в сторону выживания в новых условиях.

В 1991 г. в АН СССР была проведена реорганизация сети академических учреждений: в территориальной структуре Академии наук были ликвидированы Академии наук союзных республик, АН СССР была переименована в Российскую академию наук (РАН). В 1991 г., в связи с реорганизацией АН СССР, Якутский научный центр вошел в состав Сибирского отделения РАН (ЯНЦ СО РАН). Резкое изменение экономических условий существования отрицательно сказалось на развитии академических учреждений. В 1991–1995 гг. из-за слабого финансирования начался отток научного потенциала из системы ЯНЦ СО РАН. Наибольшее сокращение сотрудников произошло в Институте мерзлотоведения СО РАН, где количество работающих по сравнению с 1990 г. уменьшилось на 201 чел., в Институте космофизических исследований и аэронауки СО РАН – на 136, Институте горного дела Севера СО РАН – на 114, Институте физико-тех-

нических проблем Севера СО РАН – на 51, Институте экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера – на 55, в Институте неметаллических материалов СО РАН – на 45 чел. Основной причиной увольнения сотрудников институтов ЯНЦ СО РАН, по-видимому, являлись низкая заработная плата и сокращение государственного финансирования научных разработок. Наименее пострадали подразделения гуманитарного профиля, там сокращения были минимальные, например, из ИЯЛИ ушли всего 16 чел., из ИПМНС СО РАН – 9.

Сокращения в основном коснулись Институтов геологии алмаза и благородных металлов (на 60 чел.) и горного дела Севера СО РАН (на 33 чел.), в остальных институтах эта цифра колеблется в пределах 10–20 чел. Численность докторов наук осталась почти без изменения, наоборот, в Институтах геологии алмаза и благородных металлов СО РАН и мерзловедения СО РАН было защищено по пять докторских диссертаций. Кандидатов наук стало меньше в Институтах геологии алмаза и благородных металлов (на 23 чел.), горного дела Севера (на 11 чел.), физикотехнических проблем Севера (на 11 чел.), мерзловедения (на 7 чел.). Лишь в Институте неметаллических материалов СО РАН произошло увеличение числа кандидатов наук (на 8 чел.).

Основной причиной оттока кадров из сферы науки являлись снижение уровня заработной платы и финансирования научных разработок. Если в 1991 г. среднемесячный уровень зарплаты в отрасли «Наука и научное обслуживание» превосходил среднемесячную зарплату в промышленности на 13%, то к концу 1992 г. он составлял 61% от уровня зарплаты в промышленности. По сравнению с доперестроечным периодом доходы работников науки упали в 5–6 раз.

Таким образом, в последний период советской истории в Якутии, как и во всей России, усиливается общественно-политическая активность населения. В Якутии это выразилось в формировании целого ряда общественных движений, политических партий, в усилении интереса к культуре и искусству народов республики.

Литература и источники

Гоголев А.И. Якутия: век XX(1917–2000). – Якутск, 2001.

Игнатьева В.Б. Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории. – Новосибирск: Наука. Сиб.изд. фирма РАН, 1999.

Холмогоров Ю.И. Будущее делается сегодня// Молодежь Якутии. – 1987. – 12 сент.

Юрков С. Кто и как понимает перестройку // Там же. – 1988. – 1 нояб.

Y.N. Ermolaeva

The democratization of social and political life in Yakutia, in the period of «perestroika»

Article reviews new development in public life of Yakutia: the emergence of social movements, the formation of political parties. Points of interest of the studied period is the development of culture, science and children's sports.

Keywords: history of Yakutia, sociopolitical life, social movements, political parties, cultural development.

УДК: 94(47):346.543(571.56) «19/20»

Г.В. Толстых

Формирование новых подходов в социальной политике на этапе перехода к рыночным отношениям в Республике Саха (Якутия)

Статья посвящена анализу условий и особенностям перехода Республики Саха (Якутия) на рыночные отношения, что потребовало выработки новых подходов в социальной политике, учитывающих региональные особенности. Значительным структурным преобразованиям подверглись здравоохранение и образование. Была сформирована разветвленная система социальной защиты населения, которая существенно смягчила удар от реформ, проведенных методом шоковой терапии.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), рыночные отношения, социальная политика, социальная защита, реформирование образования и здравоохранения.

© *Г.В. Толстых*, 2016

Первая половина 1990-х гг. характеризовалась обострением социальных проблем, связанных с кризисом экономики, падением производства, нарастанием неплатежей. Особенно сложно в этот период проходила адаптация населения к рыночным реалиям в условиях Крайнего Севера, где все негативные тенденции носили наиболее тяжелый характер. В Республике Саха (Якутия) была создана целостная, разветвленная система социальной защиты населения, направленная на поддержку не только изначально неконкурентоспособных слоев населения – ветеранов, инвалидов, сирот, малоимущих, но и большинства семей с детьми, сельского населения, молодежи [Социально-трудова... , 1996]. Такая широкая социальная помощь со стороны государства, как показало время, была оправдана [Адресная... , 1999]. В республике удалось поддержать семью – основную ячейку общества, работников сельского хозяйства, бюджетников, ветеранов, предотвратить обвальное снижение уровня жизни, сохранить согласие в обществе, без которого было бы невозможно дальнейшее реформирование экономики.

За короткий срок в республике были образованы система социального страхования, Министерство труда и социальной защиты населения, Департамент пенсионной службы. Первая концепция адресной социальной защиты малоимущих слоев населения была создана в 1992 г., на ее основе ежегодно разрабатывалась программа по защите малоимущих. Кроме того, в республике действовали государственная программа профессиональной реабилитации и занятости инвалидов, программа «Семья», целевая программа охраны материнства и детства и др. Если до 1993 г. в РС (Я) работали только шесть государственных учреждений для престарелых и инвалидов, то к началу 2000-х гг. контингент обслуживаемых категорий населения вырос в 1,7 раза. Работали пять центров социально-бытового обслуживания, охватывающих 5 тысяч одиноких престарелых и граждан, попавших в экстремальные ситуации; 38 отделений социальной помощи на дому (в 1995 г. – 32), обслуживающих 3,5 тысячи нуждающихся [Акимов, 1996].

Кризисные явления в экономике, рост травматизма и заболеваемости привели к росту количества инвалидов. К 2002 г. в республике насчитывалось 33 тыс. инвалидов, 11,5 тыс. из них состояли на учете в органах социальной защиты населения (в 1995 г. – 10,1 тыс. чел.). В целях оказания

социальной помощи, предоставления льгот инвалидам ежегодно реализовывались программы «Дети-инвалиды», Программы содействия занятости населения (занятость инвалидов) и летнего отдыха и оздоровления детей. В связи с годами детства и детского спорта в 1999–2000 гг. реализовывался проект «Забота». Приоритетным направлением в работе с инвалидами была их реабилитация. В начале 2000-х гг. действовали три республиканских реабилитационных центра, в улусах работали 15 таких центров. С 1993 г. инвалидам было предоставлено 336 автомашин, 468 кресел-колясок, 24 мотоколяски. За 10 лет более 1,4 тысячи инвалидов получили профессиональное образование, годовой охват вырос в два раза. В 1998 г. был создан совет по делам инвалидов при Правительстве РС (Я) [Десятилетие... , 2002, с. 39].

В республике доля населения, имеющего право на получение социальных льгот, выплат и т.д., по оценке социальных служб, составляла более 60% от общей численности населения. Дополнительно осуществлялись 124 вида социальных выплат, льгот, пособий, дотаций, доплат и компенсаций, насчитывалось более 30 категорий получателей льгот сверх установленных на федеральном уровне.

Основными задачами в области социальной защиты в конце 1990-х – начале 2000-х гг. являлись переход от категорийного к адресному принципу оказания социальной помощи и поддержка наиболее нуждающихся семей. Для повышения доли адресной социальной помощи в общем объеме мер по государственной защите нуждающихся было предпринято следующее:

- разработаны специализированные методики выбора субъектов социальной помощи, которые обеспечили индивидуальный подход при определении степени нуждаемости;

- установлены размеры, виды, порядок оказания адресной социальной помощи с учетом индивидуальной характеристики субъектов и объемы её финансирования;

- сформирована единая база данных о получателях социальных льгот и выплат во избежание необоснованного дублирования пособий и выплат, предоставляемых конкретной нуждающейся семье;

- разработана система постепенного перераспределения социальных расходов бюджета в пользу самых уязвимых групп населения при одновременном сокращении помощи обеспеченным семьям [Толстых, 1997, с. 35].

Благодаря предпринятым усилиям стала оказываться поддержка малоимущим семьям в рамках программы социальной защиты населения. В перспективе наметилась необходимость перехода к новой системе социального порядка – модели «субсидиарного государства», когда государство отвечает только лишь за обеспечение минимума социальных услуг, остальное граждане должны зарабатывать сами. При этом социальные расходы будут распределяться в пользу самых уязвимых групп населения при одновременном сокращении социальных расходов обеспеченным семьям. Но для этого должны быть адекватно повышены доходы населения, в первую очередь заработная плата. Помощь государства может быть оказана лишь тем, кто не может своим трудом обеспечить себя в силу объективных обстоятельств: инвалидности, потери кормильца и пр. [Толстых, 1998].

Целью государственной политики в области поддержки инвалидов являлось обеспечение прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ, принципами и нормами международного права, для чего развивалась и улучшалась работа профильных реабилитационных учреждений для инвалидов и детей-инвалидов, осуществлялись мероприятия по обеспечению занятости инвалидов, их обучению и самореализации.

Среди заметных событий рассматриваемого периода следует отметить ввод в строй Республиканского реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями слуха и речи «СУВАГ» и Центра реабилитации детей с ДЦП в г. Нерюнгри [Там же, с. 74].

К концу XX в. в силу объективных (экстремальные природно-климатические условия) и субъективных причин (остаточный принцип финансирования, слабая материально-техническая база, нехватка квалифицированных кадров, дисбаланс между городом и селом) в здравоохранении Якутии накопилось немало проблем, требовавших скорейшего решения. Это привело к ухудшению основных медико-демографических показателей (рождаемость, смертность, младенческая смертность).

В сравнительно короткий исторический отрезок времени в РС (Я) был принят целый ряд мер по стабилизации медико-демографической ситуации, развитию медицинского образования и науки [Медицинский..., 2003]. С вводом в 1993–1998 гг. в эксплуатацию Национального центра

медицины (далее – НЦМ) начали предоставляться высокотехнологичные услуги по оказанию помощи взрослому и детскому населению республики. Медико-санитарные, аптечные службы подверглись значительным структурным преобразованиям и модернизации. Здравоохранение республики выступило с рядом законодательных инициатив. В частности, были приняты Закон РС (Я) от 19.05.93 №1487–ХІІ об охране здоровья населения в РС (Я), Постановление Правительства РС (Я) от 17.02.2015 №75 «Об утверждении программы государственных гарантий оказания отдельным категориям граждан, проживающих на территории РС (Я), бесплатной медицинской помощи» [zakon.7law.info.reg-9] и др.

В 1990-е гг. обеспеченность лечебно-профилактических учреждений республики лабораторным, лечебно-диагностическим оборудованием и аппаратурой значительно улучшилась. В сельских ЦУБ появилась возможность выполнять диагностические тестирования с помощью биологических анализаторов, проводить УЗИ и эндоскопические исследования.

Большой упор в модернизации здравоохранения был сделан на охрану здоровья детей и матерей. В 1997–1998 гг. в Якутске было введено в строй многопрофильное учреждение, оказывающее консультативно-диагностическую и лечебную помощь – «Центр охраны материнства и детства». В республике значительно усилилась медико-демографическая политика, был реализован ряд крупномасштабных мероприятий, что позволило укрепить здоровье детей и матерей. Все это дало возможность Республике Саха (Якутия) к началу XXI в. выйти в лидеры по главному демографическому показателю – рождаемости; снизилась смертность.

В 1993 г. в г. Якутске был открыт научно-практический центр «Вилуйский энцефаломиелит», который возобновил исследования с участием крупных российских и зарубежных ученых, приостановленные в 1980-е гг.

При поддержке российского здравоохранения в Республике Саха (Якутия) стала активно развиваться клиническая кардиохирургия. В 2000 г. в кардиохирургическом отделении НЦМ бригада российских кардиохирургов с участием местных специалистов впервые в республике сделала операции в условиях искусственного кровообращения.

На конец 2006 г. в НЦМ были выполнены 1532 операции, включая рентгенологические исследо-

вания на сердце, из которых – 773 (50,4%) на открытом сердце, в том числе детям – 362 (23,6%) и 223 (28,8%) соответственно. К концу 2004 г. было выполнено 37 пересадок родственной почки.

В начале 2000-х гг. были проведены операции с помощью телемедицинских сеансов с российскими и зарубежными центрами – эти технологии очень перспективны, учитывая географические размеры республики и необходимость срочных консультаций.

В 2002 г. в Якутске был открыт Якутский научный центр РАМН и Правительства РС (Я), который наладил тесные связи и сотрудничество со многими российскими и зарубежными научными и исследовательскими центрами в области лечения холодовой травмы, молекулярно-генетических исследований механизма гомеостаза в условиях арктического региона.

Дальнейшие перспективы по реформированию здравоохранения связываются с Государственной программой РС (Я) «Развитие здравоохранения Республики Саха (Якутия) на 2012–2017 гг.».

Таким образом, переход на рыночные отношения в Республике Саха (Якутия) потребовал выработки и апробации новых подходов в реализации социальной политики. Это сопровождалось созданием новой государственной вертикали социального обслуживания, реформированием здравоохранения и образования. Наметился переход от патерналистской концепции к активной социальной политике по отношению к трудоспособному населению. Был реализован целый ряд государственных федеральных и республиканских целевых программ. Исследования этих сложных процессов представляют несомненный

интерес для исторической науки, теории и практики государственного строительства.

Наряду с положительными имели место и отрицательные последствия, связанные с переносом центра тяжести социальной защиты с государства на плечи предприятий (детсады, санаторно-курортное обслуживание и т.д.). Несмотря на действия федеральных законов, гарантирующих льготы жителям Крайнего Севера, реализация ряда их положений (бесплатный проезд, оплата багажа) была затруднена на уровне организаций, финансируемых из бюджета. В рассматриваемый период наметился переход от категорийного к адресному принципу оказания социальной поддержки нуждающимся.

Литература

Адресная социальная помощь: теория, практика, эксперименты. – М.: ИСПЭН, 1999. – 124 с.

Акимов А.К. Социальная политика: региональные аспекты. – Якутск, 1996. – 380 с.

Десятилетие социально-экономических преобразований: анализ, оценки, задачи. – Якутск, 2002. – 170 с.

Медицинский институт ЯГУ (1957–2002 гг.). – Якутск, 2003.

Социально-трудовая сфера России в переходный период: реалии и перспективы / Н.А. Волгин, Д.Н. Карпухин, Е.Д. Катувский и др. – М.: Мол. гвардия, 1996. – 85 с.

Толстых Г.В. Методологические проблемы изучения опыта формирования и развития системы социальной защиты: сб. науч. ст. ИСПТ АН РС(Я). – Якутск, 1997. – Вып. 4. – С. 23–48.

Толстых Г.В. Формирование и развитие системы социальной защиты населения на Крайнем Севере (1985–1990 гг.): историко-экономическое исследование. – Якутск, 1998. – 416 с.

G.V. Tolstykh

The formation of new approaches in social policy at the stage of transition to market relations in the Republic of Sakha (Yakutia)

The article analyzes the conditions and peculiarities of transition of the Republic of Sakha (Yakutia) to market relations. This required the developing of new approaches to social policy, taking into account regional peculiarities. Significant structural changes have been subjected to health and education. There was formed the extensive system of social protection of the population, which significantly softened the blow from the reforms carried out by the method of shock therapy.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), market relations, social policy, social protection, reform of education and health.

УДК 316.343 (571.56)(075.8)

И.И. Подойницына

Урбанизация или «руральный ренессанс»: социологические прогнозы

В статье рассмотрены две мегатенденции современного общества: урбанизация образов жизни и противоположный процесс – отток городских жителей в деревню. В теоретическом плане анализируются воззрения американских и современных российских ученых. В эмпирическом плане социологический анализ опирается на интерпретации данных масштабного исследования (1982 респондента), проведенного в РС (Я) в 2012–2013 гг. Использование математико-статистического анализа, метода *k*-средних позволило автору провести процедуру сплошной кластеризации якутского социума и прийти к выводу, что первая мегатенденция – индустриализация жизнедеятельности населения РС (Я) – явно превалирует в обществе.

Ключевые слова: урбанизация, рураальный ренессанс, мегатенденции, математико-статистический анализ, полная кластеризация социума, индустриальный образ жизни, традиционный образ жизни, субстили поведения, стратификационная дифференциация, «формула успеха» города.

В современном мире, почти во всех типах обществ и во многих странах, наблюдается влияние двух взаимодополняющих тенденций, а точнее сказать, даже мегатенденций, потому что они охватывают пространство социума в целом – это урбанизация образов жизни и «рураальный ренессанс». Термин «рураальный ренессанс» активно обсуждался на IV Всероссийском социологическом конгрессе, который проходил в Москве в феврале 2012 г. Краснодарский социолог А.А. Хагуров в своем выступлении перед российскими социологами отметил: для сегодняшней России, как и для многих европейских стран, характерен *кризис урбанизма* и «рураальный (сельский) ренессанс» [Хагуров, 2008]. А.А. Хагуров аргументировал свой вывод с помощью нескольких тезисов. Во-первых, техногенная нагрузка в больших городах, и прежде всего в мегаполисах, огромна – поэтому для улучшения своего здоровья и продления жиз-

ни люди стремятся мигрировать в сельскую местность. Это экологические мотивы миграции. Во-вторых, на миграцию в сельскую местность влияет социокультурный фактор – поиски смысла жизни, погружение в себя в уединении полей, желание возродить традиционную культуру, быт и фольклор предков. Причем, А.А. Хагуров подчеркнул: подобного рода миграция (по социокультурным мотивам) никогда не прекращалась в России, начиная с времен Евгения Онегина, когда уставшие городские интеллигенты стремились в деревню, чтобы найти себя, а некоторые – дабы понять душу народа. И заканчивая нашим временем, когда собственно и наступил «рураальный ренессанс», возрождение исхода к истокам. И, наконец, в-третьих, миграция в деревню – это поиски лучшего качества жизни, строительство коттеджей состоятельными гражданами в пригородах мегаполисов [Там же, с. 133–138].

© И.И. Подойницына, 2016

Эрнст Берджесс, известный чикагский социолог, один из отцов-основателей Чикагской школы социологии (20-е гг. XX в.), утверждал, что нормальный мегаполис должен развиваться «концентрическими кругами». Его социологическая теория так и называлась – «теория концентрических кругов». Первый концентрический круг, ядро города – даунтаун, административно-управленческая часть города – состоит из небоскребов, банков и дорогих офисов. Далее идут другие концентрические круги – торгово-промышленная зона города, округа, где живут рабочие, кварталы проживания служащих, бедного класса и др. Выходцы из рурального мира обитают в беднейших зонах, в районах маргиналов. Даже работая на фабриках и заводах, бывшие селяне часто продолжают оставаться по своим ментальным воззрениям жителями лесов и полей. И, наконец, последний, заключающий орбиту города, «круг» – зона проживания состоятельных людей, т.е. коттеджи в пригородах. Это деревни богатых людей – сателлиты урбанизации [Берджесс, 2016].

Основная цель статьи – разобраться, какие из *двух мегатенденций преобладают сегодня в якутском социуме*. Можем ли мы сказать, что урбанизация и «руральный ренессанс» – равновеликие, хотя и разнонаправленные составляющие сегодняшнего общественного развития Республики Саха (Якутия)? Или же одна из этих тенденций является более сильной и могущественной? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к данным масштабного социологического исследования «Форсайт Республики Саха (Якутия)», проведенного учеными СВФУ им. М.К. Аммосова в 2011–2013 гг.

Социологические исследования – это не только мониторинг мнений жителей о жизни в своих населенных пунктах, степени их удовлетворенности и неудовлетворенности теми или иными условиями жизни, это еще и научный инструмент для изучения и анализа глубинных причинно-следственных связей, механизмов развития социума. Прикладная социология сегодня обладает арсеналом математико-статистических методов анализа и интерпретации собранной социальной информации. Мы не просто констатируем наличие тех или иных тенденций в развитии города как социальной системы, мы вскрываем латентные подтексты функционирования городской системы.

Итак, обратимся к итоговым данным исследования «Форсайт Республики Саха (Якутия)».

Было опрошено 1982 респондента в 16 улусах (районах) РС (Я), тип выборки – многоступенчатая стратифицированная квотная. Опрашивались представители народа саха и коренных малочисленных народов Крайнего Севера (КМНС). Квоты выбирались по полу и возрасту, страты формировались исходя из социально-профессионального статуса респондентов.

Одномерный анализ результатов опроса продемонстрировал, что и в городских, и в сельских поселениях респонденты *занимаются видами труда, характерными для индустриального типа общества*: промышленность, транспорт, связь и коммуникации, образование, здравоохранение, сфера управления, культура, мелкий и средний бизнес и др. Даже в сельской местности традиционными видами труда – сельским хозяйством, охотой, рыболовством, оленеводством – занято ограниченное число людей (7–9%). Сельский средний класс формируется не посредством фермеров (их единицы в конфигурациях социальной структуры), а в несельскохозяйственной сфере труда, то есть в среде сельского учительства, сельских управленцев, работников сферы обслуживания и др. Кстати, об этой особенности капитализации российской деревни – формировании сельского среднего класса в несельскохозяйственной сфере – пишет и вышеупомянутый А.А. Хагуров [Хагуров, 2011, с. 45].

Национальные традиции – в анкетном листе перечислялось 11 видов таковых – подавляющее число ответивших соблюдают на поверхностном, «половинчатом» уровне, то есть время от времени, иногда, причем и в городской среде, и в пространстве сельского мира Якутии. Традиционные семьи и их ценности, к примеру, приверженность родовому клану, почти не культивируются ни в городе, ни в селе. В плане приверженности к сохранности традиционной национальной культуры границы различий между городским и сельским мирами фактически стерлись. Если раньше, 70 лет назад, когда Якутия считалась (и реально была) сельскохозяйственной республикой, село было оплотом сохранности традиционных образцов жизни, то сегодня мир поменялся.

И в городе вполне можно погрузиться в замкнутую этническую среду, которая живет по законам предков, при этом можно успешно работать в индустриальной корпорации. Одно другому не мешает. Вопрос о том, кто больше следует традиции: живущий в изолированном мире села,

не очень грамотный животновод или городской интеллигент, постоянно сверяющий по книгам свои ценности, рефлексирующий и погруженный в самоанализ – этот вопрос не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд.

Именно поэтому нам пришлось самостоятельно выработать дедуктивно-индуктивные понятия «индустриальный» и «традиционный» образы жизни, выбрать для этого индикаторы, выявляющие, как бы маркирующие эти образы жизни в эмпирической реальности, и постараться ответить на волнующие нас вопросы. Какой процент якутян придерживается индустриального образа жизни, а какой – традиционного (патриархального)? До какой степени ценности урбанизма проникли в менталитет якутян? Действительно ли республика уже не может считаться «сельскохозяйственной»? Посудите сами, можно не заниматься сельскохозяйственным видом труда, но по своим ментальным установкам оставаться сельским жителем, человеком деревни и, исходя из этого, вести соответствующий образ жизни. Тип профессиональных занятий лишь частично определяет образ жизни индивида.

В качестве индикаторов образа жизни были выбраны следующие переменные, измеренные нашим опросом: сфера трудовой деятельности индивида (один из ключевых аспектов анализа); бытовая (семейная) деятельность – главенство в семье, отношение к родовому клану, склонность к оседлости (миграциям), степень удовлетворенности жизнью, и в частности, комфортностью проживания в данном населенном пункте; аскриптивные характеристики индивида – пол, возраст, место проживания индивида, место проживания его родителей, детей, занимаемая должность; культурная деятельность индивида – уровень образования, знание родного языка, степень владения национальными традициями (один из главных аспектов анализа), включенность в информационное пространство, уровень этнического самосознания, отнесенность к религиозной конфессии. Таким образом, мы рассмотрели четыре основные составляющие образа жизни индивида: трудовую, семейно-бытовую, культурную и социально-демографическую.

В качестве инструментария анализа был выбран многомерный кластерный анализ, а конкретно метод k-средних. Данный способ кластеризации позволяет осуществить стратификацию всего социума «сверху донизу», все индивиды –

точки в таксономическом пространстве признаков – объединяются с теми или иными топосами, таксонами, притягиваясь к их центру. Топосы и таксоны соответствуют субстилям поведения индивида в обществе. Применение многомерной статистики позволило выявить, что *80% якутян придерживаются индустриального образа жизни* (здесь и далее курсив наш. – И.П.).

В прессе не раз сообщалось, что «где-то 50–60%, а может быть, и все 70% якутян проживают в городах и поддерживают идеи урбанизма». Цифры страдали приблизительностью. К тому же мы не знали доподлинно, каковы рефлексия, ментальные установки, образ мыслей якутян: ведь можно жить в центре мегаполиса и не любить его. Выше мы отмечали, что в анализ был введен такой индикатор, как «удовлетворенность условиями жизни в данном населенном пункте». Посему мы можем с уверенностью утверждать, что нашли страту настоящих «индустриалов» и «урбанистов». Конечно, это не все вышеназванные 80% – образ жизни иерархичен и многослоен, но такие субстили поведения в Якутске имеются.

Что из себя представляет, так называемый, индустриальный образ жизни? Этого образа жизни придерживаются люди, проживающие в городах, городских поселках. Они заняты в основном в промышленности, на транспорте, в коммуникациях, сфере обслуживания и др. Хотя не обязательно. Специалисты с высшим образованием, работающие в сельскохозяйственной сфере, тоже, как ни странно, придерживаются этого образа жизни.

Опишем характеристики «умеренных традиционалистов», которые составляют большинство населения социума. Это горожане, позитивно относящиеся к урбанизму. Они хорошо образованы и информированы. К родовому клану относятся с пониманием, толерантно, но не всегда сами являются активными членами клана. Главой семьи может быть, по их мнению, муж, может – жена, это не столь принципиально для умеренных традиционалистов, потому что само понятие семьи для них все равно трансформировано в нечто более свободное, демократическое и даже не всегда обязательное. Умеренные традиционалисты *сочетают в своих повседневных практиках элементы индустриальной, инновационной и традиционной культур*, и они уверены, что подобный синтез в городских контекстах жизни вполне допустим. Все 11 видов национальной культуры со-

блюдаются ими на поверхностном, а иногда и на демонстративном уровне («пусть видят, что я знаю национальные традиции, хотя по духу мне ближе глобализационные ценности» и др.). Умеренные традиционалисты склонны к миграциям, передвижениям по республике, стране и даже миру, но всегда хотят вернуться домой, потому что дорожат своей приверженностью к родному краю. Владеют родным якутским языком, но не в высшей степени («могу говорить в быту»). Активно пользуются Интернетом на работе, в домохозяйствах, включаются в информационный социум. Умеренные традиционалисты испытывают чувство гордости за свою национальность и глубокой уверенности в ней.

Но «внутри» индустриального образа жизни фиксируются и другие субстили поведения, их носители также встречаются в городах, это: «убежденные, или продвинутые индустриалы», к ним примыкают инженеры, промышленники, программисты – практики, не верящие в различные религиозные течения и мистификации. «Моя религия – это тенгрианство и метафизика», – написал один инженер. «Индустриалов» отличает полная преданность урбанизму как центральной тенденции развития общества, никаких других вариантов они не приемлют. Есть еще «традиционалистские консерваторы, или рефлексивные традиционалисты», которые умудряются в условиях города очень серьезно относиться к национальным традициям и всячески пытаются возродить их. Об этом явлении пишет российский исследователь А.Б. Гофман, который утверждает, что «в настоящее время появилась рефлексивная традиционность, предполагающая постоянное осмысление и анализ роли традиций и традиционности...» [Гофман, 2008, с.109].

13% якутян придерживаются традиционного образа жизни, они патриархально настроены и в высшей степени мотивированы на овладение языком и сохранение культуры, интегрированы с родовым кланом и этнической группой. Интересно, что патриархально могут быть настроены не только сельские жители, но и горожане – скажем, учителя пенсионного возраста, представители гуманитарной интеллигенции. 7% якутского социума относятся к космополитам и негативистам, эту нишу занимает склонная к миграциям молодежь.

Итак, результаты опроса и многомерного анализа показали, что в Якутии явно сильна первая

тенденция, то есть урбанизация населения – отток жителей республики из сельской местности в города, стремление вести и поддерживать индустриальный образ жизни. Что касается «рурального ренессанса», то эта тенденция пока слабо просматривается у якутян, впрочем, и исследована она недостаточно хорошо.

Хотелось бы затронуть в статье и такую тему, как исследование городской среды. Приведем в пример уникальную книгу нашего современника, гарвардского профессора Эдварда Глаэзера под названием «Триумф города» (Triumph of the city). Эта книга не переведена на русский язык и пока мало известна в России. Но мне хотелось бы, чтобы об этом выдающемся исследовании американского профессора знали в нашей стране. Собственно это не одно исследование, это несколько социально-экономических обследований ведущих городов мира, как бы нанизанных на один «стержень» – идею автора о том, что каждый великий город должен иметь формулу своего успеха. Ведь существуют в экономическом менеджменте формулы эффективности развития предприятия, почему бы не придумать нечто подобное для города?! К примеру, успех Милана складывается из трех составляющих: сильные университеты (Университет Павиа, Миланский политехнический университет, или Politecnico и др.), технологический прорыв в начале XXI в., в том числе и в сфере модной индустрии и завоевание Миланом неписанного статуса «a hub of fashion» («пуповое место моды») [Glaeser, 2011, с. 232–233].

Что можно рассматривать в качестве формулы успеха для Якутска, каковы составляющие якутского «уравнения успеха»? Наш город выживает в нелегких климатических условиях, начиная с 1632 г., уже почти четыре века подряд. При этом всегда были проблемы с дорогами, завозом продуктов и вещей с Большой земли, строительством жилья, спасением от стихийных бедствий и др. Город не был баловнем судьбы, как некоторые южные благодатные города, но, тем не менее, выживал. А сейчас стал расти огромными темпами, опережая многие другие города. Значит, формула успеха все-таки существует, которую нужно найти и доказать ее важность, как некоей гипотезы Пуанкаре («наше пространство – трехмерная сфера»), только по отношению к воспроизводящейся городской системе.

И закончить статью хотелось бы обращением к «теории концентрических кругов» Эрнста Бер-

джерсеса, о которой говорилось вначале. Берджесс и его ученики, студенты Северо-Западного Университета г. Чикаго, составили социологическую карту мегаполиса, исходя из особенностей городской сегрегации американских сити – «Карту социологического исследования города Чикаго» (1923–1924 гг.). Они выделили 75 естественных зон – районы, в которых проживают состоятельные, среднеобеспеченные и бедные американцы, этнические районы эмигрантов, торговые зоны и т.д. Это было не просто административное деление города по улицам, кварталам с привязкой к станциям метро или полицейским участкам, это была *Социально-экономическая карта города*, по которой прочитывался характер его социальной, общественной жизни. Это были стратификационные пласты города, деление его по стратам, ведущим различным экономический и культурологический образ жизни. Выше в данной статье было показано, что население нашей республики тоже подвержено процессам стратификационной дифференциации, социальному разделению. Те времена, когда все вели примерно одинаковый образ жизни, – напомним, что он назывался «советским», – уже давно миновали.

Зачем нужна *Социально-экономическая карта города Якутска*? Ответ вполне конкретен – чтобы мэрия города смогла составлять адресные социальные программы для определенных групп населения, зная их текущие нужды, а также, что

очень важно, прогноз развития их потребностей и притязаний. Подобные карты существуют во многих городах мира. К этой работе можно привлечь социологов Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, иногородних специалистов. Изучив столицу республики, мы смогли бы ответить на вопрос, в каких ее районах проживают сельские жители, чем они занимаются, какого образа жизни – индустриального или патриархального – придерживаются, есть ли у них планы вернуться в деревню? Кроме того, мы смогли бы все вместе найти формулу успеха нашего города – мегаполиса на вечной мерзлоте, сделать прогнозы его развития.

Литература

Берджесс (Burgess) Эрнст // [электронный ресурс]- socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl (дата обращения: 27 февраля 2016 г.)

Гофман А.Б. Традиции и инновации в современной России: культурные особенности, взаимодействие, динамика // Вестник РГНФ. – 2008. – №4. – С. 108–110.

Хагуров А.А. Социальная структура российского села. – М., 2011.

Хагуров А.А. Социология российского села. – М.: Изд-во Института социологии РАН, Кубанского государственного аграрного университета, 2008.

Glaeser Edward. Triumph of the city. – London: Macmillan, 2011.

I.I. Podoyntsina

Urbanization or «the rural Renaissance»: sociological prognosis

Two mega tendencies of modern society- urbanization of types of life and removing citizens to rural sphere - are discussed in the article. In theoretical plan ideas of American and modern Russian scientists are analyzed. Using of mathematical-statistical analysis, method of k- average allow to make procedure of full clusterization of yakutian society, and to do the conclusion that first mega tendency – industrialization of life of yakutian population prevails in society.

Keywords: urbanization, rural renessans, mega tendencies, mathematical-statistical analysis, full clusterization of yakutian society, industrial type of life, traditional type of life, sub-styles of behavior, stratification difference, the formula of lucky of city.

А.А. Стручков

О роли социальных сетей в образовании (на примере старшеклассников МОБУ СОШ №24 г. Якутска)

В данной статье рассматриваются место и функции социальной сети в коммуникативном пространстве и образовании старшеклассников. Анализируются социологические данные пилотажного исследования.

Ключевые слова: общение подростков, учёба, использование социальных сетей, зависимый пользователь, частотность посещения социальной сети.

Данные опроса ВЦИОМ свидетельствуют о частоте использования Интернета в РФ (см. рис.1). Всего было опрошено 1600 россиян по всероссийской выборке. За последнее десятилетие социальные сети стремительно наращивают число пользователей, являясь удобным средством связи. Сегодня трудно себе представить челове-

ка, у которого нет собственной страницы в популярных сетях, таких, как «ВКонтакте», «Twitter», «Facebook» и др. В настоящее время социальные сети считаются самым быстро растущим средством общения, исходя из миллионов уже зарегистрированных пользователей и сотен новых пользователей, регистрирующихся ежедневно.

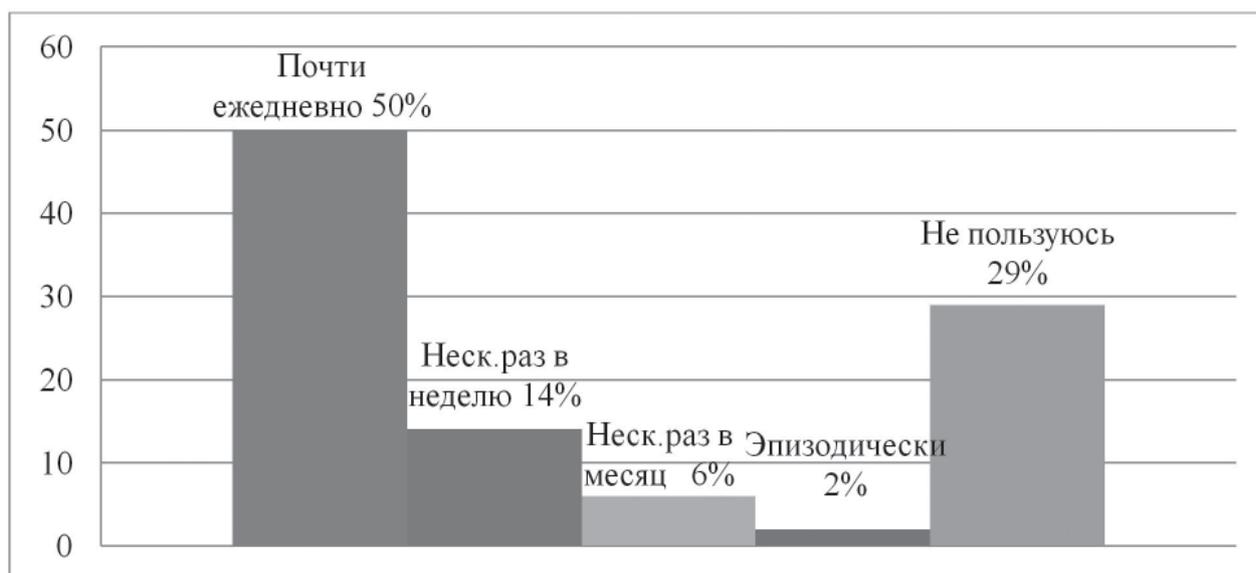

Рис.1. Частотность использования Интернета россиянами (опрос ВЦИОМ. 20.09.15)

Социальная сеть – удобное средство общения, а также способ легко и доступно получить информацию абсолютно любого рода. Особый сегмент в социальных сетях занимают подростки, так как там сконцентрированы инструменты, необходимые для удовлетворения их потребностей в самовыражении, общении, поиске друзей и т.п. По сути, возможности, предоставляемые сетями, как нельзя лучше отвечают потребностям подросткового возраста – это общение со сверстни-

ками, преодоление чувства одиночества, поиск идентичности и др. По утверждению некоторых учёных, «для подростка гораздо опаснее не общаться в социальных сетях, чем находиться в них» Согласно данным исследования «Дети России онлайн», в 2010 г. более 75% российских детей имели профиль в социальных сетях, треть – больше одного профиля на различных социальных сервисах. Примечательно, что по данному показателю они опережают Европу, где пользова-

телей этого возраста 60%. В США, согласно результатам исследований центра Пью (Pew Research Center), 81% подростков в возрасте 12–17 лет используют социальные сети.

Однако сам факт регистрации в сетях не дает исчерпывающей информации о том, для чего используются социальные сети. Одним из показателей активного использования является продолжительность времени, проведенного в социальных сетях. В 2012 г. Россия заняла первое место по продолжительности времени пребывания населения в социальных сетях: по данным ComScore, россияне проводят в них в среднем 12,8 часа в месяц [Гуркина, Мальцева, 2015, с. 123–124].

С какой целью используется такое мощное средство получения информации? Известно, что многие работодатели и бизнесмены размещают в социальных сетях объявления о вакансиях, рекламы различной продукции и др. Существует множество различных сообществ (блогеры), специально собирающих аудитории для обсуждения самых разных тем: профессиональных, научных, политических, игровых или же связанных с хобби, личными интересами, какими-либо другими проблемами и т.п. Инициатором такого обсуждения может быть, кто угодно, будь то известный политик или же домохозяйка. Но особого внимания заслуживают подростки, активные пользователи соцсетей, которые могут легко впасть в зависимость.

По мнению Марка Гриффитса из Ноттингемского университета Великобритании, «люди подвергнуты зависимости, потому что виртуальное общение намного проще, можно просто написать сообщение и отправить его, пользователю не нужны мимика, эмоции. Зависимый человек становится более раздражительным и замкнутым. У зависимого человека проявляются некоторые “классические” симптомы зависимости, такие, как *salience*, дословно – клин (т.е. поведенческая, когнитивная и эмоциональная озабоченность при каждом использовании услуг социальных сетей), *tolerance* – “толерантность” (т.е. всё большее использование социальных сетей с последующим заходом), *withdrawal symptoms* – абстинентный синдром (т.е. человек испытывает неприятные физические и эмоциональные чувства при длительном отсутствии в сети), *conflict* – конфликт (т.е. начинаются проблемы внутриспсихического и межличностного характера из-за использования социальных се-

тей) и *relapse* – период рецидива (т.е. зависимый человек быстро возвращается к использованию социальных сетей после длительного периода воздержания от них)» (перевод наш. – А.С.) [Griffiths, 2013].

Зависимый пользователь не может представить себе ни дня без посещения страницы, целью которого является поиск там каких-нибудь изменений или же желание поделиться незначительными новостями. Интернет становится не просто важным источником информации для молодежи, а превращается в альтернативную реальность, свободную территориально и неуправляемую. Согласно И.С. Шаповаловой, «сила виртуальной синергии, беспредельности коммуникаций и возможности любой, часто компенсаторной самопрезентации создают иллюзию глобальности преимуществ такой реальности над реальностью “обычной” жизни и иллюзию необходимости следовать ее призывам и законам. Такая социальная диагностика возводит данную проблему в ранг вопросов первостепенной важности, создавая реальную угрозу виртуального террора, стагнации и регресса молодого человеческого потенциала и будущего интеллекта нации» [Шаповалова, 2015, с. 150–151].

Осознавая подобную опасность, нужно видеть и позитивную сторону – социальные сети могут стать могущественным союзником в учёбе, самообразовании и т.п. Ведь в социальных сетях существует множество различных курсов для самообразования по различным предметам, не говоря уже о возможности прямых контактов с теми, с кем без проблем можно обсудить непонятые вопросы, проконсультироваться и др.

Но пользуются ли подростки социальными сетями, чтобы самообразовываться, подтягиваться по учёбе, узнавать что-то новое? Приведем анализ данных пилотажного исследования на тему «Роль социальных сетей в коммуникационном пространстве старшеклассников», проведенного в средней школе г. Якутска МОБУ СОШ № 24 им. С.И. Климакова. Генеральную совокупность составили учащиеся 9–11 классов (N=125), использована квотная выборка (n=100), из них 48 девочек и 52 мальчика. Были применены методы анкетного опроса девятых, десятых, одиннадцатых классов и устного интервью.

Какие социальные сети наиболее популярны среди опрошенных россиян, можно увидеть на рис. 2.

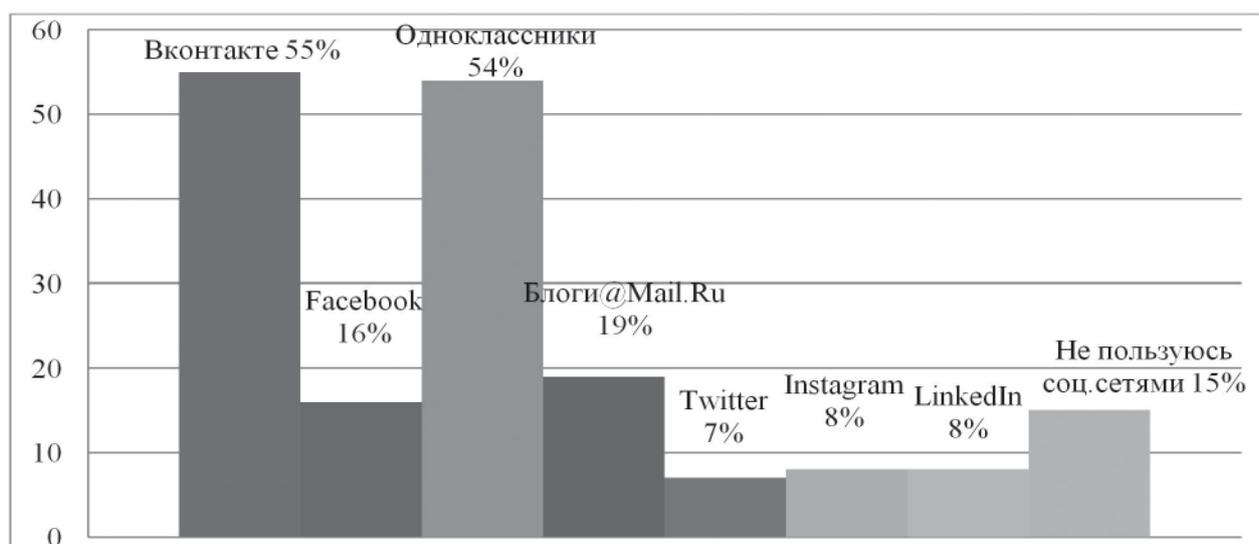

Рис. 2. Предпочитаемые россиянами социальные сети (опрос ВЦИОМ. 22.03.15)

Как видим, предпочтения опрошенных старшеклассников несколько отличаются от общего фона опрошенных разного возраста по всероссийской выборке. Опрошенные старшеклассники больше предпочитают из социальных сетей: «ВКонтакте» – 46 мальчиков и 46 девочек, всего 92 учащихся, и «Твиттер» – 41 мальчик и 39 девочек, всего 80 респондентов. В табл. 1 приведены данные частотности захода в социальные сети опрошенных старшеклассников.

Таблица 1

Частотность захода в социальные сети, %

Пол	Частота захода в социальные сети		
	в день 1–2 раза	каждый час или два	каждые 30 минут
Женский	-	47,9	52,1
Мужской	5,8	44,2	50,0

Из данных табл. 1 видно, что мальчики и девочки по частоте захода в социальные сети не сильно различаются, однако среди опрошенных мальчиков есть те, кто заходит всего один или два раза в день.

Частота захода в социальные сети свидетельствует о том, что, владея мобильными устройствами, опрошенный старшеклассник имеет возможность заходить в сеть когда и где угодно. Используют ли это благо респонденты для учебы? По мнению 38,0% опрошенных старшеклассников, социальные сети помогают в учебе, и 12,0% респондентов считают, что социальные сети мешают в учебе. Как используется этот гибкий во

времени и пространстве источник информации для образования, учебы? (табл. 2).

Таблица 2

Роль социальных сетей в учебе респондентов, %

Помогают	9 кл.	10 кл.	11 кл.
искать материал по отдельным предметам	43,0	56,0	48,0
узнавать у друзей домашние задания	18,0	23,0	26,0
списывать с интернета готовые задания	27,0	13,0	15,0
дополнительно заниматься любимыми предметами (курсы, лекции)	12,0	8,0	11,0

Общаются в социальных сетях большинство по два часа в день – 58,0%, больше трех часов – 32,0%, меньше часа – 8,0%. Цель захода в социальные сети: для просмотра новостной ленты – 79,0%; для «общения с друзьями» – каждый второй респондент; «в учебных целях» больше заходят опрошенные старшеклассники-мальчики (25,0%), чем девочки (10,4%).

На вопрос, с какими результатами они закончили первое полугодие, респонденты дали следующую самооценку: «хорошист» (44,0%); «средние показатели» (45,0%); «отличник» (5,0%); «есть неудовлетворительные оценки» (6,0%). Чем заняты опрошенные учащиеся во внеучебное время? (табл. 3).

Таблица 3.

Сопряженность академической успеваемости с занятиями во внеучебное время, %

Виды занятий	Хорошист	Отличник	Троечник	Неуспевающий
Занимаюсь в спортивной секции	11,4	20,0	15,6	16,7
Посещаю тренажерный зал	18,2	20,0	13,3	33,3
Посещаю кружок по интересам	13,6	40,0	24,4	-
Занимаюсь с репетитором	47,7	60,0	53,3	50,0
Ничего не посещаю	27,3	-	24,4	16,7

Как видно из данных табл. 3, современного старшеклассника, как правило «подтягивает» репетитор, занятия в спортивных и тренажерных залах в сумме мало зависят от самооценки академической успеваемости респондентов.

Как реагируют респонденты в ситуации, когда нет возможности подключиться к социальным сетям? Ведь, регистрируясь в одной из социальных сетей и постоянно находясь в контакте в ней, мы получаем тот или иной сервис. Но если этот сервис вживается в психику индивида достаточно глубоко, то он почти полностью может ею овладеть. В таком случае сервис у пользователей может перерасти в психологическую зависимость, и его отсутствие может вызвать у него разные реакции. А как реагируют опрошенные старшеклассники на отсутствие сети? (см. табл. 4).

Таблица 4

Поведение респондента-пользователя, «лишенного доступа к социальной сети», %

Реакция	Хорошист	Отличник	Троечник	Неуспевающий
Начинаю звонить друзьям	47,4	10,5	36,8	5,3
Занимаюсь другими делами	38,3	6,2	48,1	7,4
Слоняюсь без дела в ожидании подключения	75,0	10,0	15,0	-

В большинстве случаев занимаются другими делами 81 респондент, звонят своим друзьям 38 старшеклассников, но есть определенный контингент опрошенных – 20 старшеклассников, которые «просто слоняются без дела» в ожидании подключения.

При разговоре большая часть опрошенных старшеклассников призналась, что они оказались зависимыми от социальных сетей. Сегодня существуют некоторые способы профилактики зависимости от социальных сетей, такие, как обычный способ больше гулять с друзьями или же более углубленный – посещение психолога. Тем не менее профилактика зависимости недостаточно исследована. Как пишет в своей статье исследователь Катерина Флора: «Хотя было сделано много предложений исходя из исследований по профилактике интернет-зависимости, ни одна из этих стратегий профилактики недостаточно контролировалась на экспериментальном уровне. По большей мере это связано с отсутствием литературы и исследований о профилактике интернет-зависимости. Хотя в последние годы и было проведено множество исследований на эту тему, но предложений по профилактике и решению проблемы зависимости от интернета все равно очень мало» (перевод наш. – А.С.) [Flora, 2014, с. 127].

Таким образом, можно отметить следующее:

- регистрируясь в одной из социальных сетей, пользователь получает тот или иной сервис. Постепенно, исходя из частотности контакта в ней, пользователь может впасть в психологическую зависимость. В этой зоне риска находятся в большинстве случаев дети, школьники;

- данные исследования показали, что у старшеклассников есть свои предпочитаемые социальные сети;

- каждый второй респондент заходит в социальную сеть через каждые полчаса, являясь очень активным пользователем;

- однако в качестве помощника в учебе социальные сети видят лишь 38,0% опрошенных старшеклассников.

Источники и литература

Данные всероссийского опроса ВЦИОМ за 20.09.2015 г. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=-1041&q_id=72013&date=20.09.2015 (дата обращения: 22.03.2016).

Данные всероссийского опроса ВЦИОМ за 22.03.15 г. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1017&q_=70123&date=22.03.2015 (дата обращения: 22.03.2016).

Гуркина О.А., Мальцева Д.В. Мотивы использования виртуальных социальных сетей подростками // Социологические исследования. – 2015. – № 5.

Шановалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Там же. – 2015. – № 4.

Griffiths MD (2013). Social Networking Addiction:

Emerging Themes and Issues. J Addict Res Ther 4: e118. <http://dx.doi.org/10.4172/2155-6105.1000e118> (дата обращения: 09.03.2016)

Flora. K. (2014) Internet addiction disorder among adolescents and young adults: the picture in Europe and prevention strategies, PERSPECTIVES ON YOUTH: Connections and Disconnections, Issue 2: http://pjp-eu.coe.int/documents/1017981/8422373/120_chapter_10.pdf/2707f2a7-32cc-43ce-bb15-3a92b7b42f43 (дата обращения: 09.03.2016)

A.A. Struchkov

On the role of social networking in education (On the example of senior secondary school № 24 Yakutsk)

This article describes what takes place and what function is performed in the communication space and education of senior social network. Sociological data analyzed in pilot study.

Keywords: Teen chat, study, use of social networks, user-dependent, frequency of visits to social network.

УДК 316.77-054.72 (470.43)

Л.Г. Хуснутдинова

Деятельность национально-культурных объединений по интеграции и адаптации мигрантов*

В статье на основе результатов исследования, проведенного в 2014–2015 гг., рассматривается роль общественных институтов в социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в местное сообщество в Самарской области; дается характеристика общественных институтов – национально-культурных объединений, участвующих в социокультурной адаптации мигрантов, обосновывается специфика социокультурной адаптации трудовых мигрантов.

Ключевые слова: трудовые мигранты, этнос, социальная адаптация, интеграция, регион, национально-культурные центры.

Самарская область является одним из регионов с высокой миграционной активностью. За 12 месяцев 2013 г. на территории Самарской области было поставлено на миграционный учет 272 088 иностранных граждан [Основные показатели работы...]. За пять месяцев 2014 г. на миграционный учет поставлено более 100 тыс. иностран-

ных граждан**. Приезжают иностранные граждане преимущественно из стран Содружества Независимых Государств.

В регионе многое делается по интеграции мигрантов в местное сообщество, поскольку одним из приоритетных направлений реализации государственной национальной политики в Самар-

* Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ и РБ «Урал: история, экономика, культура» научного проекта № 15-11-02004 «Место и роль региональных и муниципальных органов власти в интеграции мигрантов в местное сообщество (на примере Республики Башкортостан, Пермского края, Оренбургской области)» и научного проекта № 14-11-02011 «Роль национально-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное сообщество в регионах Поволжья (Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Самарской области)».

** В Самарской области ведется работа по легализации трудовых мигрантов [электронный ресурс]. URL: <http://tlt-grajdanin.ru/novosti-samarskoj-oblasti/v-samarskoj-oblasti-vedetsya-rabota-po-legalizacii-trudovyh-migrantov/> (дата обращения: 12.09.2014)

ской области является создание благоприятных условий для социокультурной адаптации мигрантов. Это разработка и реализация специальных программ, касающихся интеграции и адаптации приезжающих в Самарскую область иностранцев. Это и политика региона, который делает все для укрепления государственного единства России и сохранения этнокультурной самобытности народов Самарской области.

Большую роль в процессе адаптации мигрантов на новом месте играют и общественные институты [Хуснутдинова, Ильясова, 2015, с. 160–161]. К ним относятся различные общественные организации и в первую очередь – национально-культурные объединения. Представляя интересы различных этносов, национально-культурные объединения осуществляют законодательно закрепленное право народов на самоуправление, регулируют внутриэтнические процессы, с одной стороны, а также выполняют очень важную функцию «посредника» в диалоге между государством и этническими сообществами – с другой, способствуя удовлетворению этносоциальных потребностей [Хуснутдинова, Габдрафиков, Вильданов, Андреева, 2014, с. 101].

В 2001 г. в г. Самаре была образована общественная организация «Содействие развитию таджикской культуры “Сомоньён”». В 2010 г. организация была переименована в Самарскую региональную общественную организацию таджикостанцев «Пайванд-Единство». В мае 2013 г. на учредительной конференции было принято решение о создании общественной организации «Региональная национально-культурная автономия таджиков Самарской области». За период существования организации её численный состав неоднократно менялся. На сегодняшний день в неё входят более 400 чел. Активными членами организации являются таджики-переселенцы, трудовые мигранты.

Основными целями общественной организации «Региональная национально-культурная автономия таджиков Самарской области» являются сохранение и развитие национально-культурных традиций, укрепление дружественных связей с общественными организациями других национальностей, развитие языка, образования. Создание такой организации представляет собой один из механизмов социально-культурной адаптации граждан Таджикистана в новых обстоятельствах. Деятельность организации развивается в не-

скольких направлениях: правовое, социально-экономическое и культурное. Президентом ОО «Региональная национально-культурная автономия таджиков Самарской области» является С.Д. Мирзоев.

***Справка.** Мирзоев Саидасрор Давлятович родился 6 сентября 1968 г. в Вахиском районе Кургантюбинской области Республики Таджикистан в семье рабочих. По окончании средней школы в 1984 г. поступает в сельскохозяйственный техникум Ярославской области. Отучившись, приезжает работать в родной колхоз. В 1992 г. переезжает в г. Самара. Работал на Губернском рынке предпринимателем. В 2001 г. со своими соратниками основал первую областную общественную организацию «Содействие развитию таджикской культуры “Сомоньён”». В настоящее время возглавляет ОО «Региональная национально-культурная автономия таджиков Самарской области». Женат, имеет четверых сыновей.*

Председателем правления ОО «Региональная национально-культурная автономия таджиков Самарской области» является Д.Ю. Юсуфов.

***Справка.** Юсуфов Даврон Юсуфбекович родился 31 января 1956 г. в Таджикской ССР в семье шахтера. В 1971 г. поступил в педагогический техникум и окончил его с красным дипломом. Высшее образование получил в Куйбышевском (Самарском) государственном педагогическом институте. Служил в Вооруженных силах СССР. Работал учителем в Иса克林ском и Борском районах Самарской области. Долгие годы работал методистом и инспектором отдела народного образования. С 1994 г. по нынешний день занимается предпринимательством, с 2000 г. – общественной деятельностью. В общественной организации «Региональная национально-культурная автономия таджиков Самарской области» состоит со дня основания (с 2001 г.), в настоящее время выполняет обязанности вице-президента автономии. С 1976 г. живет в г. Самара, женат, семья интернациональная, имеет детей и внуков.*

ОО «Региональная национально-культурная автономия таджиков Самарской области» для достижения своих целей в порядке, определяемом действующим законодательством РФ, имеет право: представлять и защищать права, законные интересы своих членов – трудовых мигрантов-таджиков, получать поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного само-

управления, свободно распространять информацию о своей деятельности. Немаловажно и то, что организация имеет право разрабатывать и представлять в соответствующие органы государственной власти предложения по правовой, социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов-таджиков на территории Самарской области [Дiaspora – важная составляющая..., 2013, с. 1–2]. «Первые месяцы пребывания мигрантов сопряжены с поиском жилья и работы. Общественная организация со своей стороны обеспечивает информационную и организационную поддержку соплеменникам, попавшим в сложную жизненную ситуацию вдали от родины. Иногда требуется финансовая помощь, которая по мере сил оказывается, хотя возможности у организации небольшие, – говорит председатель правления Д.Ю. Юсуфов. – Ну, а для того, чтобы у нас в Самарской области было еще лучше, нужно, чтобы в регионе существовало больше консультационных центров для мигрантов, чтобы они могли хорошо адаптироваться и интегрироваться в местное сообщество. Ведь Самарская область состоит из районов, где трудятся многие мигранты...»*.

Региональная общественная организация «Национально-культурная автономия азербайджанцев Самарской области “Ватан”» официально зарегистрирована 12 октября 2011 г. Президентом РОО «Национально-культурная автономия азербайджанцев Самарской области “Ватан”» является Рафик Орудж оглы Гамбаров.

«Родом я из Грузии, по национальности азербайджанец, – говорит Рафик Гамбаров, – культуру своего народа очень почитаю и хочу, чтобы азербайджанцы, где бы они ни находились, любили свой язык, соблюдали обычаи и традиции своих предков. В Самарской области проживает много азербайджанцев, и много приезжает сюда поработать. Землякам нужно помогать. Основная проблема приезжающих – это регистрация, жилье, работа. Мы стараемся помочь, не всегда это удается. Но сообщая стараемся решить эти проблемы. Азербайджанцы в основном работают в строительстве, торговле, есть и ученые. На мой взгляд, мигранты, приезжающие в Россию, должны знать русский язык, культуру, соблюдать традиции, ведь “чем больше знаешь, тем больше бо-

гат”. И я хочу, чтобы больше дали нам возможности помогать своим землякам. И наши земляки, которые будут сюда приезжать, будут себя вести достойно. Мы имеем связь и с другими национально-культурными центрами азербайджанцев – это представители из городов Саратова, Ульяновска, Волгограда»**.

Наряду с культурно-просветительной деятельностью в РОО «Национально-культурная автономия азербайджанцев Самарской области “Ватан”» большая роль отводится и благотворительности. Эта деятельность продолжается и сейчас. Среди праздников, подготовленных при участии организации, – «Курбан-байрам», «Навруз». Организация приняла активное участие в проведении в Самаре «Фестиваля национальных свадеб» и др.

Некоммерческая организация – Благотворительный фонд «Помощь киргизскому народу “Манас-Ата”» создана в 2003 г. Председатель правления – Акылбек Аскербекевич Кудуев. Целями НО «Благотворительный фонд “Помощь киргизскому народу “Манас-Ата”» являются оказание материальной, гуманитарной помощи представителям киргизского народа на территории Самарской области; защита интересов соотечественников, проживающих за пределами Кыргызской Республики [Некоммерческая организация..., 2012, с. 38].

«В 1998 г. в Самаре было мало киргизстанцев, примерно 30 семей, – говорит Акылбек Кудуев. – В конце 1990-х – начале 2000-х гг. начался поток – мигрантов из Кыргызстана. В это время были зарегистрированы нарушения прав киргизстанцев. Правоохранительные органы “закрывали” киргизстанцев без какой-либо причины. В связи с чем мы и создали свой фонд, который бы оказывал помощь киргизам в Самарской области. Сегодня в Самарской области проживает около 5 тыс. киргизстанцев... У нас, конечно же, есть проблемы. Например, самая тяжелая проблема – “Груз – 200”. Здесь, в Самарской области, по разным причинам умирают киргизстанцы. У многих нет денег на перевоз умерших на родину. Примерно затрачивается 50–60 тыс. руб. на перевоз такого груза. Наш фонд старается помочь таким людям. За 14 лет нашим фондом было отправлено более 70 тел на историческую родину – Кыр-

* Интервью Л.Г. Хуснутдиновой с председателем правления РОО «Региональная национально-культурная автономия таджиков Самарской области» Д.Ю. Юсуфовым от 23 апреля 2014 г. (г. Самара).

** Интервью Л.Г. Хуснутдиновой с президентом РОО «Национально-культурная автономия азербайджанцев Самарской области “Ватан”» Рафиком Орудж оглы Гамбаровым от 25 апреля 2014 г. (г. Самара).

гызстан. ... В настоящее время более 3 тыс. (примерно 70% из всех кыргызстанцев Самарской области) кыргызстанцев получили гражданство Российской Федерации, многие из них купили жилье или взяли в ипотеку. Среди них встречаются межнациональные браки (с русскими, татарами, узбеками, таджиками и др.). Кыргызстанцы работают в различных сферах, в основном в торговле (на рынке), примерно задействовано около 3 тыс. чел. Каждый год в Россию приезжают из Кыргызстана тележурналисты, которые снимают репортажи о жизни мигрантов, их достижениях и проблемах. Это происходит из-за того, что более 500 тыс. кыргызстанцев работают в России, поэтому Кыргызскому правительству интересно, как живут эти люди. Поэтому телевидение наглядно рассказывает о том, что беспокоит и что радует кыргызстанцев в России*.

Фонд активно участвует как в культурных мероприятиях, проводимых «Домом дружбы народов», так и в межнациональных праздниках («Венок дружбы», фестиваль межнациональных спортивных игр «Во имя дружбы, мира и единства народов России» и др.

Благодаря Благотворительному фонду «Помощь киргизскому народу “Манас-Ата”» в регионе были открыты воскресные школы для детей трудовых мигрантов и постоянно проживающих в Самаре кыргызов. Сейчас в этой школе учатся 60–70 детей кыргызов с 5 до 7 лет.

Самарская региональная общественная организация «Узбекский национальный культурный центр “Алишер Навои”» создана в 2006 г. Президент – Исраилжан Исмаатжонович Нурматов.

Справка. *Нурматов Исраилжан Исмаатжонович родился 9 декабря 1975 г. в Букинском районе Ташкентской области Республики Узбекистан. По окончании средней школы приехал в Самару по торгово-закупочным делам. В 2001 г. получил гражданство Российской Федерации. В 2004 г. поступил в Самарский государственный университет на факультет «юриспруденция». В 1998 г. женился, имеет двух детей.*

Цели организации: создание условий для более полной реализации прав и законных интересов членов организации и членов их семей; содей-

ствие адаптации и интеграции мигрантов из Узбекистана [Самарская региональная..., 2012, с. 26].

Организация ведет работу в Тольятти, других городах и муниципальных районах Самарской области. Она способствует трудоустройству мигрантов, их правовой защите, оказывает им поддержку в сложных жизненных ситуациях. «Наша организация старается помогать мигрантам из Узбекистана, – делится Нурматов Исраилжан. – Многие из них плохо знают или вообще не знают русский язык, из-за чего у них возникают проблемы с оформлением документов (получение разрешения на работу, патента и пр.). Помогаем мигрантам также в поиске жилья. У нас в Самаре есть агентства по недвижимости, с которыми мы контактируем. Они помогают за умеренную плату снять жилье. Стараемся помочь и с трудоустройством. Сами объезжаем различные организации, заводы, фабрики, где узнаем о наличии рабочих мест для мигрантов... Много обращений в нашу организацию за материальной помощью. Если нужно отправить тело умершего на историческую родину – в Узбекистан, то мы стараемся собрать деньги, кто сколько может. Для оплаты таможенной службы, перевоза гроба и т.д. нужно примерно от 45 до 55 тыс. руб. Много также обращений о пропаже паспорта, денег... Мигранты жалуются и на очередь в УФМС. Мы их можем понять, так как люди стоят по 3–4 дня, не могут получить патент. Также через большую очередь нужно пройти, чтобы получить дактилоскопическую регистрацию. Имеется много фирм и организаций, которые обманывают мигрантов. Вымогают деньги у них, а те в свою очередь не обращаются в милицию. Вследствие чего мигранты работают нелегально, из-за чего их штрафуют и впоследствии депортируют... Поэтому хочется пожелать мигрантам изучать русский язык, знать культуру Российской Федерации, а правоохранительным органам – обращаться с уважением к мигрантам (особенно на вокзалах, в ППС). Хочется также пожелать государственным структурам и работодателям успехов в создании условий для мигрантов, ведь мигранты приносят в основном прибыль для нашей России**.

* Интервью Л.Г. Хуснутдиновой с председателем Благотворительного фонда «Помощь киргизскому народу “Манас-Ата”» А.А. Кудуевым от 25 апреля 2014 г. (г. Самара).

** Интервью Л.Г. Хуснутдиновой с президентом РОО «Узбекский национальный культурный центр “Алишер Навои”» И.И. Нурматовым от 25 апреля 2014 г. (г. Самара).

Помимо этого «Узбекский национальный культурный центр “Алишер Навои”» проводит мероприятия, связанные с историей и культурой узбекского народа.

Самарская региональная общественная организация «Гуманитарная ассоциация туркменского землячества в Поволжье» создана в июне 2007 г., зарегистрирована 31 июля 2009 г. Председатель – Куват Гурбангылычев.

Справка. *Гурбангылычев Куват родился 13 января 1966 г. в с/совете Совет-Яб Куня-Ургенчского района Ташаузской области Республики Туркменистан в многодетной семье. По окончании средней школы в 1983 г. поступил в СПТУ № 10 на сварщика. С 1984 по 1986 г. проходил службу в Вооруженных силах СССР. С 1986 г. проживает в Самаре. Работал на заводе им. А.М. Тарасова в качестве рабочего. В 1990 г. женился на Айнабад Овлякулыевой. В этом же году поступил на вечерний факультет Самарского политехнического института (1990–1996 гг.). Имеет троих детей.*

Целями ассоциации являются оказание организационной, информационной, моральной и правовой помощи, покровительства и поддержки ее членам; накопление, сохранение и приумножение нравственных и культурных ценностей общества, всестороннее удовлетворение потребностей членов организации; сохранение и развитие туркменского языка и культуры, национальных традиций и обычаев; создание условий для более полной реализации прав и законных интересов членов организации и членов их семей [Устав...].

«Мы стараемся помогать своим землякам. Не всегда это удается, но мы делаем все возможное, – делится Куват Гурбангылычев. – Так, например, в суде имеются дела, по которым граждане Республики Туркменистан по тем или иным причинам нарушают закон – время пребывания их в России. Русский язык плохо знают. И мы на суде выступаем в качестве переводчиков. По решению суда их штрафуют и дают возможность самостоятельно, без выдворения, выехать из России...»*.

Работа национально-культурных центров в Самарской области в активном взаимодействии с органами власти позволяет проводить профилактику мигрантофобии, формировать межэтническую толерантность детей и молодежи. Некоторые эт-

нические общественные организации вкладывают значительные средства в спортивную подготовку своей молодежи: создают футбольные команды, арендуют спортивные залы, приобретают форму и пр. Начиная с 2010 г. в г. Самаре ежегодно проводится футбольный турнир среди национальных команд и команд силовиков.

Таким образом, в целом условия социальной адаптации мигрантов в Самарской области можно оценивать как благоприятные [Gabdrafikov, Karabulatova, Khusnutdinova, Vildanov, 2015, с. 219; Габдрафиков, Хуснутдинова, 2015, с. 151]. Существующие национально-культурные и общественные организации играют важную роль в процессе интеграции мигрантов в местное сообщество [Khusnutdinova, Vildanov, Andreeva, Piyasova, Gabdrafikov, 2015, с. 227].

Литература

Габдрафиков И.М., Хуснутдинова Л.Г. Опыт регионов Поволжья по интеграции мигрантов в местное сообщество // Вестник Орловского государственного университета. – 2015. – № 3 (44). – С. 149–153.

Некоммерческая организация «Благотворительный фонд “Помощь киргизскому народу “Манас-Ата”» // Национально-культурные общественные объединения Самарской области / под ред. Н.В. Харитоновой. – Самара: ГКУ СО «Дом дружбы народов», 2012.

Основные показатели работы УФМС России по Самарской области за 2013 год // Данные текущего архива УФМС России по Самарской области.

Самарская региональная общественная организация «Узбекский национальный культурный центр “Алишер Навои”» // Национально-культурные общественные объединения Самарской области / под ред. Н.В. Харитоновой. – Самара: ГКУ СО «Дом дружбы народов», 2012.

Устав Самарской РОО «Гуманитарная ассоциация туркменского землячества в Поволжье» // Текущий архив Самарской РОО «Гуманитарная ассоциация туркменского землячества в Поволжье».

Хуснутдинова Л.Г., Габдрафиков И.М., Вильданов Х.С., Андреева Л.М. Роль национально-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное сообщество в регионах Поволжья (на примере Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Самарской области) / под ред. Л.Г. Хуснутдиновой. – СПб.: ООО «Свое издательство», 2014. – 288 с.

Хуснутдинова Л.Г., Ильясова Р.Х. Миграционные процессы в Республике Башкортостан на рубеже

* Интервью Л.Г. Хуснутдиновой с председателем РОО «Гуманитарная ассоциация туркменского землячества в Поволжье» К. Гурбангылычевым от 25 апреля 2014 г. (г. Самара)

XX–XXI веков // Современное общество, образование и наука: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. практич. конф. 31 марта 2015 г.: в 16 ч. – Ч. 14. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. – С. 159–162.

Юсупов Д. Диаспора – важная составляющая жизни таджиков в России // Пайванд: Информационно-аналитическая газета. – 2013. – № 1. – С. 1.

Gabdrafikov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov K.S. Ethnoconfessional factor in social adaptation of migrant workers in the muslim Regions of Russia // Mediterranean Journal of Social Science. 2015.

Vol. 6. № 3. Supplement 4. May 2015. pp.: 213–222 [электронный ресурс]. URL: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6731/6445> (дата обращения: 14.07.2015).

Khusnutdinova L., Vildanov K., Andreeva L., Ilyasova R., Gabdrafikov I. Regional policy on socio-cultural adaptation of migrant workers in the Volga Region (based on the material of Samara Region) // Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol. 6. № 3. Supplement 4. pp. 223–229 [электронный ресурс]. URL: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6732/6446> (дата обращения: 14.07.2015).

L.G. Khusnutdinova

The activities of national-cultural associations of integration and adaptation of migrants

On the basis of results of research conducted in 2014-2015, examines the role of public institutions in the socio-cultural adaptation and integration of migrants into the local community in the Samara region; describes the public institutions - national-cultural associations involved in the socio-cultural adaptation of migrants substantiates the specificity of socio-cultural adaptation of migrants.

Keywords: migrant workers, ethnic group, social adaptation, integration, region, national-cultural centers.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.512. 157'366.5

И.Б. Иванова

Средства выражения мер измерения площади в якутском языке

Статья посвящена рассмотрению функционально-семантического поля площади в якутском языке. Объект исследования – языковые средства выражения измерения площади, которая является одной из основных составляющих функционально-семантического поля величин пространственного характера. Выявлены основные лексические (метрологические наименования), параметрические прилагательные, фразеологические обороты, лексико-морфологические, лексико-грамматические средства выражения измерения площади.

Ключевые слова: якутский язык, функционально-семантическая грамматика, категория недискретного количества, мера, величина, измерение, языковые средства выражения измерения площади.

В настоящее время в отечественном языкознании особенно актуальными становятся исследования языка в функционально-семантическом аспекте. Изучение языковых единиц разных уровней, входящих в состав функционально-семантического поля, способствует углублению нашего представления о системном характере языка, об органической связи единиц языковых уровней в процессе их функционирования в речи. Цель статьи – комплексное рассмотрение функционально-семантических понятий измерения, меры и величины, а также количества недискретных предметов. Объектом данного исследования являются языковые средства выражения мер измерения площади, которыми якутский народ оперирует издавна и по сей день, но в основном в разговорной речи. Как и в любом другом языке, в якутском имеется огромный арсенал языковых средств, выражающих такие функционально-семантические понятия измерения, величины, как длина, расстояние, объем, масса, площадь и т.д., большинство которых не функционируют в роли единиц измерения в полной мере,

а представляют собой лексическое богатство и внутреннюю красоту языка. Они настолько глубоко вжились в наш обиходный мир, что не могут быть забыты носителями и никакие международные термины не смогут вытеснить их, так как данные средства мы используем каждый день, и они понятны для всех.

Изучение лексического арсенала, выражающего измерение площади, и его исторического развития особенно активно ведется в русском языкознании [Беловольская, 2002; Лебединская, 2012, 2014а, б; Чесноков, 2004 и др.]. О древнерусских единицах измерения, об их этимологии и истории развития написано в работе В.Г. Лебединской [2014а, б], которая наименования единиц измерения площади делит на два пласта: официальная номенклатура мер и народная метрология. Как она пишет, информации о древнерусских терминах измерения площади очень мало, известно, что общерусской единицей была соха, а в письменных памятниках конца XV–XVII вв. количество единиц измерения площади земли значительно увеличивается: село, плугъ, лѣха, по-

© И.Б. Иванова, 2016

стать, лукъ, гонь, загонь, лоскуть, корецъ, столбъ, сажень, окосье, обжа, коробья, четверть, осьмина, третник, полуосьмина, четверик, а также были более мелкие деления путем присоединения компонента *пол* к третнику или к четверику. С XVII в., до введения метрической системы мер в начале XX в., основной общерусской единицей измерения площади была десятина с ее делениями [Лебединская, 2014б, с.159]. Таким образом, автору данной фундаментальной работы удалось зафиксировать всю русскую метрологическую систему, которая развивалась на протяжении длительного историко-культурного развития славянской цивилизации.

В настоящее время в якутском языкознании действительно мало работ о якутских единицах измерения мер [Алексеев, 1992; Аммосова, 1994; Максимова, 2014], в которых отражена система основных лексических единиц измерения мер общетюркского происхождения. Ведь принцип образования мер один у всех народов [Молчанова, 1973 с. 81]. По мере развития материальной культуры и способов производства у народа возникала потребность в измерениях величин [Виноградов, 1977]. Якутский народ издавна славится своими мастерами, кузнецами, земледельцами и т.д. В существовании определенного арсенала единиц измерения мер не приходится сомневаться. В связи с тем, что якутский народ до 1917 г. был безграмотным, все документы купли-продажи, расписки, договора и т.д. велись исключительно на русском языке. Поэтому в ходе исследования приходилось обращаться не только к материалам олонхо, толковых словарей и художественной литературы, но и к материалам разговорной речи.

Микрополе площади в якутском языке является одной из основных составляющих функционально-семантического поля единиц измерения пространственного характера [Иванова, 2015]. Площадь представляет собой численную характеристику размера двумерных геометрических плоских фигур. Речь идет о размере любых фигур (или плоских частей чего-либо), а также поверхностей чего-либо *ньуур, сирэй* 'поверхность (воды, равнины, стола и т.п.)' участков земли и обширных пространств, просторов [ТСЯЯ III, с. 826]. *Сибирь киэн иэнин кэрийдибит* 'Объездили всю площадь Сибири'.

Площадь в якутском языке переводится как *иэн* или *киэнэ* (ширина его): *Хос иэнэ сүүрбэ квадратнай метр* 'Площадь комнаты двадцать ква-

дратных метров'; *Сирбит киэнэ төһөнүй?* 'Площадь земли сколько?'. Также понятие площадь выражают притяжательные парные существительные *киэбэ-киэлитэ* 'необъятная площадь (его), нетипичная форма (его)', *уйаара-кэйээрэ* 'необъятная площадь (его)' или *устата-туората* 'длина-ширина (его)', из которых последний термин свидетельствует о том, что данная величина двумерная. Например, фразеологическая единица *Уһуоргутун харах ылбат усталаах-туоралаах* '(Его) площадь настолько большая, что не видно противоположного края' [К Уу БДББ, с. 45] показывает, что длину и ширину площади невозможно определить визуально. Три данных термина, представленных в виде парных существительных, обозначают необъятные, большие площади: *Тула уйаара-кэйээрэ биллибэт киэн тайба ингиэттэ сыһыта* 'Вокруг расстелилась нескончаемая тайга' [НЗ КДУ, с. 403].

Теперь приступим к анализу языковых средств выражения размеров площади:

1. Основными ядерными средствами выражения величины площади земли, угодий являются, в первую очередь, термины *гектар (га)* (10000 кв.м), *дэһэтинэ* 'десятина', квадратный километр, квадратный метр и т.д. в сочетании с определенными числительными: *Диринг Күндэ уонча галаах алаас* 'Площадь аласа Диринг Кюндэ 10 га' [И СКСА, с. 31].

2. Следующими ядерными средствами являются параметрические прилагательные, составляющие оппозицию *киэн* 'широкое; большое' и *кыараҕас* 'тесное, узкое; маленькое'. Прилагательное *кыараҕас* 'тесное, узкое' в основном обозначает помещение (*кыараҕас дьуэ* 'тесная квартира') или огражденную чем-либо плоскость (*кыараҕас тиэргэн* 'тесный двор; тесный загон'), но иногда используется в описании относительно больших земельных площадей, например, алааса, поляны: *Кыараҕас соҕус алаас-сыһыы ...* 'Маленькая поляна' [К КТ, с. 5]. Следует отдельно отметить, что в понятие функционально-семантического поля, в данном случае площади, входят размеры не только площадей как таковых, но и площадей очень маленьких размеров, например, лицо, пятно, рана, прыщики, монеты и т.д. К данным объектам применяются отдельные прилагательные, которые относятся только к ним. Например, размер лица человека описывают прилагательные: *бэллэгэр* 'широкое и плоское', *мэлтэбэр* 'широкое, полное, плоское как блин', *мэлэгэр*

‘широкое и плоское’, *ньэлтэгэр* ‘широкое и полное лицо’ [Егинова, 2014, с. 27–28].

3. Для образного описания малой площади используются единицы измерения антропометрического происхождения, такие, как *харах* ‘глаз’, *тынгырах* ‘ноготь’, *ытыс* ‘ладонь’, *баппабай* ‘лапа’, *уллунгах* ‘ступня’. Выражение *тынгырах саба* ‘с ноготь’ употребляется в значении «очень маленький, незначительный по размеру». В некоторых случаях в процессе измерения использовалась не только толщина ногтя, но и его длина или площадь в прямом и переносном значении: «по размеру не больше ногтя, очень маленький». Размер площади или длины ладони равен ширине четырех пальцев с добавлением растопыренного большого пальца: *ытыс саба лиис* ‘лист с ладонь’. А в основном данный антропометр часто используется в переносном значении: *ытыс сир* ‘с ладонь’ – величина площади, которую можно покрыть ладонью. Также маленькую площадь сравнивают со ступней человека: *уллунгах сир* ‘земля размером со ступню’ – величина площади, покрываемая ступней ноги. Часто применяется антропометр *туруйя хараба* ‘глаз журавля’, который обозначает величину площади, равную площади глаза журавля. Совсем маленькая площадь сравнивается с ногтем человека. Ноготь как старославянская мера измерения площади известен с древних времен, обозначает предмет по размеру не больше ногтя [Лебединская, 2014б, с. 96–97].

4. Далее рассматриваются единицы измерения, так называемые «природные стандарты», которые представляют собой названия хозяйственных построек, природных объектов и т.д.

Для обозначения площади в быту используются термины, связанные с домом, усадьбой, например: *холумтан онно* ‘с шесток печи’ обозначает величину площади, соответствующую площади очага, *дьиз онно* – ‘с дом’, *балабан онно* – величину площади, занимаемую домом или юртой. Представление о величине площади обработанного земельного участка создается не путем измерения его длины и ширины, а указания количества зерна, которое может быть на нем посеяно: *муунта онно сир* – участок, рассчитанный на фунт (409 гр.), *буут онно сир* – участок, рассчитанный на пуд (16, 38 кг). Величина площади сенокосных угодий определяется указанием числа копен сена, которые могут быть поставлены на этом участке, или же указанием числа крупного рогатого скота, который может перезимовать, кормясь сеном, сня-

тым с этого участка: *икки от турар алаана* ‘средний алас на 2 копы’, *сүүнэ улахан сир* – уонча от *тахсар* ‘большой участок на 10 копен’, *кыра алас* – *кыра сир 1–2 от тахсара ду?* ‘маленький алас – сена от него вряд ли хватит на перезимовку 1–2 коров’ [Максимова, 2014, с. 18].

Определения-существительные употребляются с послелогом *саба* ‘ровный’, ‘подобный’ и *курдук* ‘подобный’. *Өйдөөн көрбүтүм, кини төбөтүн оройугар, кырдык, 5 харчы саба чүөччэрдии төгүрук тарабайдаах этэ* ‘Когда я внимательно рассмотрел, действительно, на самой его макушке оказалась круглая, словно вырезанный круг, лысина величиною с пятикопеечную монету’ [АА КК, с. 75]. *Түүлбэ күөл саба төрүт түһүлгэни төрүттээтилэр* ‘Образовали солидное туюлгэ (размером с большое озеро)’.

5. К лексическим средствам выражения относятся фразеологизмы, например, *ыт уйатын саба*, которые используются при описании площади жилища, т.е. комнаты, дома, квартиры маленького размера: *ыт уйатын саба дьиз* ‘маленький дом; дом как конура’, а также большого: *ат сүүрдэр дьиз* ‘большой дом, где можно устраивать конные скачки’, *баһа-атаба биллибэт; иитэ-сабата биллибэт* ‘очень широкое пространство, не видно ни края, ни конца’: *Иитэ-сабата биллибэт Ийэ дойду ...* ‘Необъятная Родина-мать’ [СТСДТ, 25]. Также можно включить неустойчивые сочетания типа *киһи киирэн баран сатаан эргийбэт курдук кыарабас* ‘тесно, что внутри даже не развернешься’.

6. В языке олонхо часто встречаются образные описания больших, необъятных площадей в виде эпических формул, например «описание местности, где родился богатырь»: *улабата биллибэт, унуоргута хотон көстүбэт, киэнэ биллибэт, кэрдитэ көстүбэт* ‘с неизведанными пределами; без конца и края’. Слова *сыһы* ‘долина’, *хочо* ‘поле’, *хонуу* ‘поляна’ и т.п. в олонхо участвуют в образовании эпитетных конструкций. Данные компоненты эпитета призваны детализировать определение ‘широкая площадь’, образно поясняя и дополняя ее значения [Роббек, 2014, с. 58–59]:

*Унуоргута биллибэт,
Улабата хотон көстүбэт
Уһун дураар хочолоох;
Киэнэ биллибэт,
Кэрдитэ көстүбэт
Киэн дьалхаан сыһылаах.*

‘С длинным-предлинным полем,
С неизведанными пределами,
С невидимыми краями;
С необъятною долиной,
С неизведанными просторами,
С невидимыми расстояниями’

[НьБС, 1947, с. 162].

Как видно из примера, большие, огромные площади, местности, в частности, где родились богатыри, в олонхо описываются «наслоенными» эпитетами, состоящими из нескольких эпитетов: из синтаксических конструкций: *улабата биллибэт, унуоргуа кэстүбэт, киэнэ биллибэт, кэрдиитэ кэстүбэт* ‘с неизведанными пределами; без конца и края’ и эпитетов, находящихся в непосредственной близости к определяемому слову: *киэнг дьалхаан* ‘широкий, необъятный’ сыһыы ‘долина’, *уһун дураар* ‘очень длинный’ *хочо* ‘поле’ и др. Конструкции состоят, как правило, из притяжательного существительного третьего лица в единственном числе *-та (-тэ, -то, -тө)* и двух сказуемых (*биллибэт, кэстүбэт* ‘не значится, не виднеется’) в недавно прошедшем времени в отрицательной форме с показателями *+мэ + -т*.

7. В древности у разных народов существовал способ определения пространственных расстояний на глаз или на слух, например, русское: *куда глаза глядят*, древнерусское: *яко можеть дострѣлити добръ стрѣлецъ, из лука стрѣлити, доброго стрѣльца престрѣль*, как в примѣту *стрѣлити, яко каменем веречи, на вержение каменемъ*, белорусское: *як вокам кінуць*, украинское: *докуда может око*, туркменское: *гора горним ерде* «расстояние, на котором можно различить нечто черное» [Молчанова, 1973, с. 14] и т.д. Меры (длина, расстояние, площадь), определяемые зрительно, выражаются в основном описательным способом, что можно объяснить отсутствием единого понятия для определения меры. Это еще не мера как таковая, а определение местонахождения предмета [Лебединская, 2012]. В якутском языке в олонхо, в разговорной речи определение площади на глаз достигается путем гиперболического сравнения с послелогом *саба* ‘как’:

*Уна олорор киһи
улар саба буолан кэстөр,
Ханас олорор киһи
хараначчы саба буолан кэстөр улахан саала*

‘Площадь зала настолько большая,
Что человек, сидящий справа,
Становится маленьким, как глухарь,
А человек слева,
Виднеется таким, как стриж’.

В данном случае в описании площади визуально описываются два направления: направо и налево, а объекты сравнения: *улар* ‘глухарь’ и *хараначчы* ‘стриж’ выбраны для создания аллитерационно-ассонансной гармонии в стихе.

8. Наименования линейных мер стали базой для образования других названий, особенно мер площади, что имеет место и в других языках [Лебединская, 2014б]. Лексические средства выражения площади могут быть представлены в виде словосочетаний: служебное имя (*устата* ‘длина (его)’ и *туората* ‘ширина (его)’) + единица измерения длины. Это связано с тем, что площадь – двухмерная величина, и ее можно выразить через ширину и длину объекта. Например, *устата биир сантиметр, туората икки сантиметр* ‘длина (его) один сантиметр, ширина (его) два сантиметра’. Также площадь территории можно представить в виде длины периметра или длины обходной линии окружности в верстах или кёс: *Бухатыыр олорор толооно Төгүрүмнүтэ түөрт уон кэстөөх* ‘Пречистая светлая долина где живет богатырь, окружностью в сорок кёс [НьБС, 1947, с.74–75]. *Диринг Күндэ Кутанаттан 9 биэрэстэлээх сиргэ сытар, төгүрүмтэтэ 7 биэрэстэ, төгүрүк киэнг алаас* ‘В 9 верстах от Кутаны находится Диринг Кюндэ, большой круглый алас окружностью в 7 верст’ [И СКСА, с. 30].

Таким образом, выявлено, что функционально-семантическое микрополе площади в якутском языке представлено:

1) ядерными средствами выражения величины площади: термины *гектар (га)* (10000 кв.м), *дэхээтинэ* ‘десятина’, квадратный километр и другие.

2) периферийными, которыми являются лексические средства в виде параметрических прилагательных, названий частей тела человека и животных, названий хозяйственных построек, природных объектов и т.д. в сочетании с послелогом *саба*, *курдук* ‘как, подобный’, предложением *онно* ‘с’. Также представление о величине площади обработанного земельного участка создается указанием количества зерна, которое может быть на нем посеяно, или указанием числа копен сена,

которые могут быть поставлены на этом участке, или же указанием числа крупного рогатого скота, который сможет перезимовать, кормясь сеном, снятым с этого участка. Большие, огромные площади, местности описываются эпитетами из синтаксических конструкций: *улабата биллибэт, унуоргутта көстүбэт, киэнэ биллибэт, кэрдиитэ көстүбэт* 'с неизведанными пределами; без конца и края', состоящих из притяжательного существительного третьего лица в единственном числе *-та (-тэ, -то, -тө)* и двух сказуемых (*биллибэт, көстүбэт* 'не значится, не виднеется') в недавно прошедшем времени в отрицательной форме с показателями *+мэ + -т*. В число лексических средств можно включить фразеологические единицы. Также площадь указывается через периметр территории, длину обходной линии окружности. Это говорит о том, что единицы измерения длины тоже могут передавать значение площади.

Литература

- Алексеев А.Е.* Некоторые проблемы развития якутской математической терминологии. – Якутск, 1992. – 64 с.
- Аммосова Т.П.* Математические знания и представления якутов. – Ч. 1. – Якутск: Бичик, 1994. – 72 с.
- Беловольская Л.А.* Языковые средства выражения категории меры в современном русском языке: учеб. пособие. – Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического института, 2002.
- Виноградов В.В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.
- Егинова С.Д.* Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). – Новосибирск, Наука, 2014. – 232 с.
- Иванова И.Б.* Функционально-семантическое поле временной количественности в якутском языке (су-

точное время) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 3 (12). – С. 68–72.

Лебединская В.Г. Система наименований единиц измерения в русской исторической метрологии // Вестник Брянского гос. университета / История. Литературоведение. Право. Языкознание. – Брянск, 2012. – №2 (2). – С. 284–287.

Лебединская В.Г. История русской метрологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014а. – 45 с.

Лебединская В.Г. История русской метрологической терминологии: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014б. – 475 с.

Максимова О.П. Ахсаан, айылба – саха киһитин олобор. – Якутск: Алаас, 2014. – 260 с.

Молчанова Л.А. Народная метрология (к истории народных мер длины). – Минск, 1973.

Роббек Л.В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 140 с.

Чесноков П.В. Типы функционально-семантического поля как языковые универсалии // Функционально-системный подход к исследованию языковых единиц разных уровней. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 189–192.

Сокращения

- АА КК – Амма Аччыгыя. Күнү көрсө. – Дьокуускай, 1947. – 298 с.
- И СКСА – Иванов Н.И. Сунтаар Кутанатын 100 алаастара. – Якутск: Дани Алмас, 2015. – 239 с.
- К КТ – Кундэ – А.А. Иванов. Кыһар тунат. – Якутск: Кинигэ издательствота, 1979. – 296 с.
- К Уу БДБ – Күннүк Уурастыырап. Былыргы дьыллар быыстарыгар. – Якутск, 2007. – С. 44
- НЗ КДУ – Николай Заболоцкай. Күн да уһун. – Якутск, 1968.
- НБС 1947 – Ньургун Боотур Стремительный. Богатырский эпос якутов. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 410 с.
- ТСЯЯ III – Толковый словарь якутского языка. III. – Новосибирск: Наука, 2006. – 842 с.
- СТСДТ – Саха тылын сомоҕо домобун тылдыгыта / Григорьев Н.С. – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 128 с.

I.B. Ivanova

Language means of expression measurement area in the Yakut language

The article is devoted to the functional-semantic field of space in the Yakut language. The object of study is the language means of expression of the measurement area, which is one of the main components of a functional-semantic field of spatial character values. The main lexical (metrological names) are revealed, parametrical adjectives, set phrases, lexical-morphological, lexical and grammatical means of expression of measurement of the area.

Keywords: Yakut language, functional and semantic grammar category of non-discrete quantity, measure, size, measurement, language means of expression of measurement of the area.

С.А. Иванов

Названия месяцев в якутском языке и их диалектные варианты

В статье, наряду с традиционными якутскими названиями месяцев лунного года, вкратце рассматриваются и местные наименования месяцев, возникшие в процессе многообразной хозяйственной деятельности в сложных природно-климатических и своеобразных геоморфологических условиях и в результате многолетнего фенологического наблюдения якутского народа. Кроме того, приводятся случаи заимствований названий месяцев у какой-то этнической общности, в экономическом и политическом отношении более сильной и влиятельной.

Ключевые слова: лунный год, летние и зимние названия месяцев, традиционные и местные названия месяцев, заимствование и переименование названий месяцев.

Якуты проживают на огромном пространстве Якутии – на севере, юге, западе и востоке, но в основном – в её центральных районах. За пределами Якутии оказались магаданские, охотские, аяно-майские, удские, амурские, читинские, бодайбинские, катангинские, есейские якуты и якутоязычные долганы.

Многообразная хозяйственная деятельность якутов, проживающих в резко континентальных климатических и своеобразных геоморфологических условиях, их многолетние фенологические наблюдения вызвали появление многочисленных местных названий месяцев лунного года, хотя еще не забыты традиционные названия месяцев, в том числе самые древние.

Данная тема, по мнению автора, довольно интересная и заслуживает специального исследования. Ниже приведены некоторые фрагментарные сведения, которые рассматриваются преимущественно в лингвистическом аспекте.

По складывавшемуся веками обычаю в якутском народном календаре новый год начинается с мая. Поэтому май назывался *бишринньи*, июнь – *иккинньи*, июль – *үһүннү*, август – *төрдүннү*, сентябрь – *бэһинньи*. Названия образованы от древнейших порядковых числительных. При прибавлении к ним слова *ый* они лексикализировались и стали функционировать в качестве названий месяцев лунного года. Эти названия были зафиксированы в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского [Пек., стб. 376]. Хотя, как известно, в дошедшем до наших дней народном календаре они не сохранились, но кое-какие следы их бывшего употребления обнаружены и в некоторых говорах якутского языка, например: *бишринньи* 'май' (олекм., токк.) [ДСЯЯ, I, с. 62]; *иккинньи* 'июнь' (олекм., токк.) [Там же, с. 105]; *үһүннү* 'июль' (олекм., токк.) [Там же, с. 271]; *төрдүннү* 'ав-

густ' (абый., коб., олекм., токк., усть-ян.) [Там же, с. 245]; *бэһинньи* 'сентябрь' (абый., алл., бул., вил., канг., коб., олекм., токк., усть-ян., чур.) [Там же]. Создается впечатление, что указанные древние названия летних месяцев лунного года хорошо сохранились преимущественно в олекмо-токкинских говорах якутского языка, как бы свидетельствуя о длительном проживании древних предков якутов в области выше среднего течения р. Лены после вынужденного отхода от циркумбайкальского региона.

В якутском языке и его говорах хорошо сохранились только зимние названия месяцев: *алынньи* или *алтынньи* 'октябрь', *сэтинньи* или *сэттинньи* 'ноябрь', *ахсынньи* 'декабрь', *тохсуннү* 'январь', *олуннү* 'февраль'.

Как писала Е.И. Убрятова, реликтивно сохранившиеся в говорах названия месяцев *бишринньи*, *иккинньи*, *үһүннү*, *төрдүннү*, *бэһинньи* и общезакутские зимние названия месяцев *алтынньи*, *сэтинньи*, *ахсынньи*, *тохсуннү* и *олуннү* соответствуют названиям месяцев в древнетюркских рунических надписях на памятнике в честь Кюль-Тегина и особенно – названиям месяцев, зафиксированным в уйгурском памятнике Мойун-Чура [см.: Убрятова, 1985, с. 55–56].

Предполагается наличие названий месяцев *уон бишринньи* 'март', *уон иккинньи* 'апрель' [Макаров, 1983, с. 81], что вполне возможно, так как подобное образование встречается и в других тюркских языках, например, в современном саларском языке – *onpirinči ai* 'одиннадцатый месяц', т.е. 'ноябрь'; *oniskinži ai* 'двенадцатый месяц', т.е. 'декабрь' [см.: Тенишев, 1976, с. 124]. Таким образом, у саларов каждый новый год начинается с января. Кроме того, в древнетюркском тексте зафиксировано *bir jegirminč aj* 'одиннадцатый месяц' [ДТС, с. 253], что позволяет допу-

стить существование названия месяца *eki jegirminč aj* `двенадцатый месяц`.

Указанные порядковые названия месяцев в народном календаре, безусловно, возникли на южной прародине древних якутов. Но более древними названиями могут быть сезонные названия месяцев: *кулун тутар* `март`, *муус устар* `апрель`, так как обозначаемые в них хозяйственное занятие и природное явление наблюдаются на современной родине якутов, спустя один-два или даже три месяца. А названия *ыам ыйа* `май`, *бэс ыйа* `июнь`, *от ыйа* `июль`, *атырдьах ыйа* `август`, *балаҕан ыйа* `сентябрь` появились на современной родине якутов, что связано с хозяйственным освоением ее более благоприятного летнего климата и сравнительно богатого животного и растительного мира в это время.

Якуты пошли дальше. Как показывают диалектологические материалы, в территориальных диалектах якутского языка, кроме 12 общенациональных названий месяцев, еще употребляются свыше 70 местных наименований. Необходимость ведения скотоводческого хозяйства и связанных с ним сеноуборочных и других работ, занятия охотничьим промыслом и рыболовством заставляли якутов постоянно следить за атмосферными и другими природными явлениями. Объектом неустанного наблюдения являлся и лунный календарь года, состоящий из 12 или 13 месяцев.

В якутских говорах в основном сохранилось традиционное общезакутское название месяцев лунного года. Тем не менее своеобразие природно-климатический условий мест проживания и связанные с ними сезонные работы, охота, рыболовство и другие занятия обусловили переименование старых названий месяцев в новые, коммуникативно более выгодные:

I. *Блам ыйа* – букв. `месяц икрометания рыбы`, озерной рыбы, в особенности; вероятно, такое название создали якуты, долго проживавшие в озерных местах, где в это время было много карасей и гольянов, богатый улов которых имел существенное значение для жизни; древнее название *бишинньи*, т.е. `май`;

балик шир ыйа (уд.) в м. *балык ыыр ыйа* `месяц икрометания рыб` [ДСЯЯ, II, с. 47, 48];

сибэкки ыйа см.: *балык ыыр ыйа* [Там же, с. 159] `месяц цветения`;

сымыыт ыйа `месяц кладки яиц` 1. (алл., усть-ян.) *ыам ыйа* `май`; 2. (алл., бул.) *бэс ыйа* `июнь` [ДСЯЯ, I, с. 221];

сынньалан ыйа `месяц отдыха` 1. (абый., бул., верх., кол., мом., сакк.) *ыам ыйа* `май`; 2. (алл.) *муус устар ый* `апрель` [Там же];

тиргэ ыйа `месяц охоты на уток петлями` 1. (вил., верх., нюрб., сунт.) *ыам ыйа* `май месяц`; 2. (нюрб., олекм.) `дополнительный, тринадцатый месяц в году, прибавляемый через каждые 6 лет по лунному календарю` [Там же, с. 239];

тугут төрүүр ыйа `месяц рождения оленьих телят` (тур.) [Там же, с. 246];

хаас кэлэр ыйа `месяц прилета гусей` (тур.) [Там же, с. 274];

II. *Бэс ыйа* – букв. `месяц заготовки сосновой заболони` (древнее название *иккинньи*, т.е. `июнь`) переименован:

в *балык сырыытын ыйа* `месяц появления косяка рыб в период икрометания` (тур.) [Там же, с. 59];

бырдах ыйа `месяц весенних комаров` 1. (абый., алл., кол.) *бэс ыйа* `июнь`; 2. (бул., сакк.) *от ыйа* `июль` [Там же, с. 78];

көмүөл ыйа `месяц последнего рыхлого льда на озерах и реках` (бул.) [Там же, с. 117];

куулэй ыйа – букв. `месяц гуляния` (коб.) [Там же, с. 134];

сара ыйа `месяц линьки уток, гусей` (усть-ян.) [Там же, с. 203];

сыма ыйа `месяц заготовки мелкой рыбы, заквашенной в ушатах` (алл.) [Там же, с. 220];

сымыыт ыйа `месяц, в котором птицы несут яйца` [Пек., стб. 3762];

тунах ыйа `месяц изобилия молока` (бул., верх., сакк.) [ДСЯЯ, I, с. 247];

уу кэлэр ыйа `месяц весеннего полнолунья` (бул.) [Там же, с. 266];

ыһыах ыйа `месяц кумысного праздника` (верх., сакк.) [Там же, с. 316];

эбэ барар ыйа – букв. `месяц ухода бабушки`, т.е. `месяц ледохода на р. Лена` (бул.) [Там же, с. 318];

III. *От ыйа* `месяц сенозаготовки` (древнее название *үһүнньу*, т.е. `июль`) переименован:

в *Бөтүрүөп ыйа* `месяц Петрова дня` (алл., бул.) [Там же, с. 69];

бырдах ыйа `месяц комаров` 1. (абый., алл., кол.) *бэс ыйа* `июнь`; 2. (бул., сакк.) *от ыйа* `июль` [Там же, с. 78];

кета балык тахсар ыйа `месяц прибытия рыбы кеты` (уд.) [ДСЯЯ, II, с. 84];

кумаар ыйа `месяц комаров` (бул.) [ДСЯЯ, I, с. 123];

оҕолоох ыйа (усть-ян.) [ДСЯЯ, I, с. 183];
оҕолоох саарар ыйа или *оҕолоох хаас ыйа* [Там

же, с. 183] `месяц, в котором у птиц выводятся птенцы`, т.е. `август` [Пек., стб. 3762];

оттуур ый `месяц сеноуборки` (горн.) [ДСЯЯ, I, с.191];

сыбан хаас ыйа – букв. `месяц холостых гусей` (бул.) [Там же, с. 219];

хаас саарар ыйа `месяц линьки гусей` (бул.) [Там же, с. 274];

чууччэх ыыр ыйа `месяц нереста нельмы` (бул.) [Там же, с. 304];

IV. Атырдьах ыйа – букв. `месяц вил, стогования сена` (древнее название *төрдүннү*, т.е. `август` переименован:

в *муус тонгор ыйа* `месяц ледостава` (усть-ян.) [Там же, с. 167];

ньаалабай ыйа `месяц мошкары` (бул.) [Там же, с. 177];

оолооха хаас ыйа `месяц гусыни с гусятами` (бул.) [Там же, с. 183];

Спаасаптар ыйдара `месяц Спасовых дней` (верх.-кол.) [Там же, с. 213];

хаас барар ыйа `месяц отлета гусей` (тур.) [Пек., стб. 3761];

хатыыр хаалар ыйа – букв. `месяц приостановки косы`, `месяц прекращения косовицы трав` (сакк.) [Там же, с. 285];

ыргахта ыйа `месяц кожного овода оленя` (бул.) [ДСЯЯ, I, с. 314];

V. Балабан ыйа – букв. `месяц юрты`; `время перекочевки в зимовье (древнее название *бэинньи*, т.е. `пятый месяц сентябрь`) переименован:

в *атыыр сүүлэр ыйа* `месяц полового возбуждения у самца оленя` (тур.) [Там же, с. 54];

көппөх тонгор ыйа `месяц замерзания лесного моха` (бул.) [Там же, с. 118];

кыһыл ый – букв. `красный месяц` (алл.) [Там же, с. 139];

онобос ыйа – букв. `месяц стрелы; месяц охоты на белок стрелами` (мом.) [Там же, с. 187];

отор ыйа `месяц временной летовки, где осенью после сеноуборки и до первого снега пасется скот` [ЯкутРС, с. 280];

сир тонгор ыйа `месяц замерзания почвы` (бул.) [ДСЯЯ, I, с. 208];

Сэмээнэп ыйа `месяц Семенова дня` (верх.-кол.) [Там же, с. 225];

таба сүүлэр ыйа `месяц наступления гона у оленей` [Пек., стб. 3762];

түүн хараарар ыйа – букв. `месяц чернения ночной темноты, это бывает осенью в безлунной ночи, когда снега еще нет` (бул.) [ДСЯЯ, I, с. 253];

VI. Алтынньы `шестой месяц октябрь` переименован:

в *Бокуруоп ыйа* `месяц Покрова дня` (бул., верх.-вил.) [Там же, с. 64];

күн түһэр ыйа – букв. `месяц снижения Солнца`. В это время высота Солнца над горизонтом в полдень минимальная: 1. *сэтинньи* `ноябрь` (бул.); 2. *алтынньы* `октябрь` (тур.) [Там же, с. 141];

мара ыйа `октябрь` (алл.) – от рус. *мара* `туман, марево` [Там же, с. 157];

ыанньык ынабы аһатар ый `месяц кормления дойных коров` (горн.) [Там же, с. 310];

VII. Сэтинньи, сэттинньи `седьмой месяц ноябрь` переименован:

в *күн киһэрэр ыйа* `месяц захода солнца`, т.е. `месяц, с которого начинается полярная ночь` (усть-ян.) [Там же, с. 131];

күн түһэр ыйа – букв. `месяц снижения солнца`: 1. *сэтинньи* `ноябрь` (бул.); 2. *алтынньы* `октябрь` (тур.) [Там же, с. 131];

күөл суокурун ыйа `месяц промысла озерного сига` (алл.) [Там же, с.131]; *суокур* от рус. диал. *шокур, цокур* `сиг` [см.: Даль, т. IV, 2003, с. 433, 447];

онобос ыйа – букв. `месяц стрелы`, т.е. `месяц охоты на белок`: 1. *балабан ыйа* `сентябрь` (мом.); 2. *сэтинньи* `ноябрь` (?) [Там же, с. 187];

сатыы тымныы түһэр ыйа – букв. `месяц падения пеших морозов`, т.е. `месяц трескучих морозов` (вил., горн.) [Там же, с. 204];

хаҕах сиһир ый `месяц угощения друг друга как-яком` (вил.) [Там же, с. 276]; *хаҕах* `сливочное масло, сбитое с теплым молоком и застывшее` [ЯкутРС, с. 474];

хараҕа күн ыйа – букв. `месяц темного дня`, т.е. `месяц полярных ночей` (тур.) [ДСЯЯ, I, с. 281];

VIII. Ахсынньы `восьмой месяц декабрь` переименован:

в *күн киһэрэр ыйа* `месяц погружения солнца, т.е. месяц полярных ночей` (верх.) [Афанасьев, 1965, с.111];

ортоку кыһынҕы ый – букв. `средний зимний месяц` (долг.) [ДСЯЯ, I, с.189];

үрэх суокурун ыйа – букв. `месяц речного сига` (алл.) [Там же, с. 271];

хараҕа ый `месяц тьмы, месяц полярных ночей` (верх.) [Афанасьев, 1965, с.111];

IX. Тохсунньу `девятый месяц январь` переименован:

в *күн тахсар ыйа* `время первого появления Солнца` [Пек., стб. 3761] после полярных ночей:

1. *олунньу* `февраль` (алл.); 2. *тохсунньу* `январь` (тур.) [ДСЯЯ, I, с.131];

ороһуһна ыйа `месяц полярных ночей`; `декабрь, январь` (бул., верх.) [Там же, с. 281]; букв. месяц Рождества Христова;

туман тымныы түһэр ыйа `месяц сильных морозов с туманом` (горн.) [Там же, с. 247];

тымныы баһа тостор ыйа – букв. `месяц отваливания головы мороза` (вил.) [Там же, с. 254];

толунньук вм. *күн тахсар ыйа* `время первого появления Солнца`, т.е. `январь` (уд.) [ДСЯЯ, II, с. 254];

X. Олунньу `десятый месяц февраль` переименован:

в *күн тахсар ыйа*: 1. *олунньу* `февраль` (тур.); 2. *тохсунньу* `январь` (тур.) [ДСЯЯ, I, с.131];

Охоһоһойон ыйа `месяц Афанасьева дня` (бул.) [Там же, с. 191];

XI. Кулун тутар `март (месяц, когда жеребят ловят и не подпускают к кобылам, чтобы смочь их доить)` [Бётлингк, 1989, с. 516] переименован:

в *Дьэбдьэкиийэ ыйа* – букв. `месяц Евдокии` (бул.) [ДСЯЯ, I, с.102];

кулун ыйа букв. `месяц жеребёнка` (инд.) [ДСЯЯ, II, с.91];

сылгы төрүүр ыйа `месяц рождения жеребят` (коб.) [ДСЯЯ, I, с. 220];

XII. Муус устар: *буус устар ыйа* `ледоходный месяц`, т.е. `апрель`, `май` [Пек., стб.1640] переименован:

в *Киристиэн ыйа* `месяц Христова дня` (бул.) [ДСЯЯ, I, с. 114];

кулун төрүүр ыйа `месяц рождения жеребёнка` (уд.) [ДСЯЯ, II, с. 91];

таба төрүүр ыйа `месяц отела у самки оленя` (инд.) [Там же, с. 180];

куччугуй кулун тутар – букв. `маленький (короткий) март месяц` (бул.) [ДСЯЯ, I, с. 129];

сойуо или *суо ыйа* `месяц погони за зверем во время весеннего наста` (олекм.) [Там же, с. 221];

сынньалан ыйа `месяц отдыха` (алл.) [Там же, с. 221];

чыычаах ыйа `месяц птички`, что видимо, связано с массовым перелетом в апреле стай снегирей – пуночек (бул.) [Там же, с. 307].

Как показывают вышеприведенные материалы, каждый якутский хозяйственный месяц имеет от 2–3 до 10–12 названий. Однако нет уверенности в том, что учтены все местные названия месяцев. Так, например, не зафиксированы в диалектологических словарях названия: *кыдама сууйар ый* – букв. `месяц обмывки вил`, т.е. оконча-

ния сеноуборки – название *атырдьах ыйа* `август`; *добдурга ыйа* `месяц предзимних заморозков` вм. *алтынньы* `октябрь`, *харанганан эргийэр ый* `месяц полярных ночей`, т.е. *ахсынньы* `декабрь` или *тохсунньу* `декабрь-январь`, зарегистрированные в одном только верхоянском говоре [см.: Афанасьев, 1965, с. 110–111].

Якуты испокон веков являются солнцепоклонниками, глубокими почитателями родной природы. Несмотря на разрушительные осадки, паводковые воды, половодья, неурожайные года, лесные пожары, жестокие морозы, у них нет названий месяцев, возникавших под давлением табуистических требований и эвфемистических выражений. Только Э.К. Пекарский нашел в говорах виллойских якутов эвфемизм *быака* в значении `луна`. Однако знаменитый лексикограф на этот раз допустил неточность: он этимологизировал данное слово на материале якутского языка, развивая его из якут. *быа* `веревка` при помощи аффикса димунитива *-ка* [Пек., стб. 599], не подозревая, однако, что данное слово – эвенкизм, широко распространенный также в других тунгусо-маньчжурских языках [ССТМЯ, I, с. 78–79].

подавляющее большинство местных названий месяцев образовано лексико-синтаксическим способом, т.е. за счет лексикализации различных синтаксических словосочетаний и конструкций. Среди них особо выделяются изафетные словосочетания, в которых в качестве определяемого слова выступает существительное в притяжательной форме, а в качестве определяющего слова – имя существительное и причастная форма, поставленные в основном падеже: *сымыыт ыйа* `месяц яйца` т.е. *ыам ыйа* `май`; *бырдах ыйа* `месяц комаров`, т.е. *бэс ыйа* `июнь`; *оттуур ый* `июль`, *сынньанар ый* `апрель` и т.д.

Встречаются еще более сложные конструкции: *эбэ барар ыйа* `июнь`, *кета балык тахсар ыйа* `июль`, *кыыл атыыра сүүлэр ыйа* `октябрь` и т.д.

Некоторые названия месяцев приурочены к дням христианских праздников: *Бөтүрүөт ыйа* `месяц Петрова дня` – `июль`, *Спаасаттар ыйдара* `месяц Спасовых дней` – `август`, *Охоһоһойон ыйа* `месяц Афанасьева дня` – `февраль` и другие.

В областях, где носители говора испытывают сильное влияние русскоязычных, внедряются названия русских календарных месяцев: *август* (бод.), *август ыйа* (уд.) – от рус. *август* [ДСЯЯ, II, с.36]; *апрель* (бод.), *апрель ыйа* (уд.) – от рус. *апрель* [Там же, с. 40]; *май* (бод.), *май ыйа* (уд.) –

от рус. *май* [Там же, с. 119]; *март* (бод.), *мартыйа* (уд.) – от рус. *март* [Там же, с. 120] и т.д.

Если проследить за историей названий месяцев в тюркских языках, то словарные материалы русско-национальных словарей демонстрируют довольно характерное явление: месяцы календарного года названы преимущественно словами иноязычного происхождения. Например, в тюркских языках первый месяц календарного года – январь, второй месяц – февраль, третий месяц – март и т.д., т.е. используются русские наименования месяцев, хотя в разговорной речи встречаются традиционные народные названия месяцев.

Как известно, русские названия месяцев в свою очередь восходят к латинским наименованиям месяцев, которые проникли в русский язык из латинского через греческий, старославянский и древнерусский языки, в то же время почти утрачены русские народные наименования месяцев: *сечень*, *брезен*, *кветень*, *цветень*, *червень*, *серпень* и др., появившиеся в результате, по всей видимости, преимущественно фенологических наблюдений русского народа.

В турецком языке месяцы названы преимущественно арабо-персидскими словами: январь – *осак*, февраль – *subat*, апрель – *nisan*, июнь – *temmuz*, июль – *naziran*, сентябрь – *eylül (ayi)*, октябрь – *ekim (ayi)*, декабрь – *aralık (ayi)*, а также латинскими: март – *mart*, май – *mayis*, август – *agustos*.

В качестве названий месяцев солнечного и лунного календаря в современном уйгурском языке (Синьцзян Уйгурского автономного района), наряду с европейской, применяется китайская календарная система [УйГРС, 1968, с. 826–827].

Подобных примеров можно привести много. Таким образом, названия месяцев, характерные для какого-то этноса, нередко заимствуются. Не исключено и то, что якутские порядковые названия месяцев от *бишинньи* до *уон иккинньи* когда-то также были переняты у какой-то древнетюркской, вероятно, древнеуйгурской или древнекыргызской этнической общности, в экономическом, политическом отношении более сильной и влиятельной. Но в настоящее время упомянутые древние названия месяцев сохранились только в пяти якутских названиях зимних месяцев, в то же время в разговорной речи якутов наблюдается проникновение наименования месяцев русского календарного года.

Можно предположить, что якутские порядковые числительные *бишр-(u)c*, *икки-c*, *үһ-(ү)c*,

төрд-(ү)c, *бэһ-(u)c*, *алты-c* и т.д. являются самыми древними образованиями, имеющими свою, иную этимологию, поскольку якутское *c* в указанных местоимениях восходит к общеалтайскому показателю множественности *-ч* [см.: Киекбаев, 1996, с. 330–334; СИГТЯ, 1986, с. 130], а не к *-нч(i)*, к которому обычно возводят исследователи вышеприведенные якутские порядковые числительные [см.: Бётлингк, 1989, с.195, §171].

Афф. *-нч(i)* «в историческом плане представляет собою сочетание показателя собирательной множественности *n* и деривационного афф. *-čy*» [СИГТЯ, 1988, с.185] и пережиточно сохранился в некоторых названиях якутских месяцев лунного года в виде *-нньы* в интервокальной позиции.

В хронологическом плане сложный по составу аффикс, в данном случае *-нч(i)*, вторичен, а простой аффикс *-č* – первичен.

Литература

Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1965. – 176 с.

Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина. – Новосибирск: Наука, 1989. – 644 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап, 1996. – 369 с.

Макаров Д.С. Народная мудрость: знания и представления. – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 120 с.

Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. – М.: Наука, 1976. – 575 с.

Убрятова Е.И. Язык норильских долган. – Новосибирск: Наука, 1985. – 216 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – СПб: Изд-во «Азбука», 1996.

Сокращения

абый. – абыйский говор

алл. – аллаиховский говор

бод. – говор бодайбинских якутов Иркутской области

бул. – булунский говор

верх. – верхоянский говор

верх.-вил. – верхневиллойский говор

вил. – виллойский говор

горн. – горный говор

ДСЯЯ I – Диалектологический словарь якутского языка / сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.

ДСЯЯ II – Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М., 1976.

- ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 676 с.
долг. – долганский диалект
ес. – есейский говор
жиг. – жиганский говор
инд. – индигирский говор
коб. – кобьайский говор
кол. – колымский говор
мом. – момский говор
нюрб. – нюрбинский говор
ойм. – оймаконский говор
олекм. – олекминский говор
олен. – оленекский говор
Пек. – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – СПб., 1907–1930. – 3858 стлб. + VIII с.
рус.– русское
рус. диал. – русское диалектальное
РКиргС – Русско-киргизский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1957. – 901 с.
РТурС – Русско-турецкий словарь. – М.: Рус. яз., 1989. – 680 с.
сакк. – саккырырский подговор верхоянского говора
СИГТЯ 1986 – Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986. – 302 с.
СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
ССТМЯ I – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. – Л., 1975. – Т. I. А-Н. – 672 с.
сунт. – сунтарский говор
токк. – токкинский говор
тур. – говор якутов бывш. Туруханского края
уд. – говор удских якутов Хабаровского края
УйгРС – Уйгуро-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 828 с.
чур. – чурапчинский говор
усть-ян. – усть-янский говор
ЯкутРС – Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М., 1972. – 608 с.

S.A. Ivanov

Names of months in the Yakut language and dialects

The article, along with the traditional Yakut names of the months of the lunar year, briefly considered and the local names of months that have arisen within diverse business activities in difficult climatic and geomorphological conditions and distinctive as a result of long-term phenological observations of the Yakut people. In addition, given cases of borrowing month names from some ethnic communities, both economically and politically more powerful and influential.

Keywords: lunar year, summer and winter months, the names of traditional and local names of the months, borrowing and renaming names of the months.

УДК 256:821(571.5)

Н.А. Непомнящих

Сюжеты о шаманах в литературах народов Сибири: к постановке проблемы*

Образ шамана – один из самых ярких образов в литературах коренных народов Сибири. Изображение камланий глазами ребенка – новый литературный сюжет, который появляется в книгах А. Немтушкина, Е. Айпина, Г. Кэптукэ. Каждый из авторов с разной степенью полноты стремится дать представление о шамане, его атрибутах, предметах для камлания, порядке приготовления к нему и самом ходе действия. А. Немтушкин использует этнографический источник, Г. Кэптукэ основывается на исследовательском и жизненном опыте, Е. Айпин стремится художественными средствами передать состояние экстатического транса, охватившего ребенка. Сюжеты о шаманах многообразны и требуют отдельного исследования.

Ключевые слова: шаманизм, сюжеты о шаманах, мотив, А. Немтушкин, Г. Кэптукэ, Е. Айпин

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Новосибирской области. Проект № 14-14 54001 / 15 «Сюжетно-мотивные комплексы в литературах народов Сибири.

Образы шаманов, сцены камланий, сюжеты, связанные с действиями шаманов, являются чуть ли не самыми распространенными сюжетами в литературах народов Сибири. Во всяком случае описание всего, что связано с шаманами и их деятельностью, составляет неотъемлемую часть художественного мира многих писателей и напрямую соотносится с самой жизнью. Шаманизм как духовная основа многих национальных культур изучается активно и всесторонне этнографами, историками, фольклористами, культурологами, антропологами и даже психологами, чего нельзя сказать пока о литературоведении. Со структурно-семиотических позиций проанализирован обширнейший материал якутских шаманских камланий в книге Е.С. Новик «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур» [Новик, 2004]. Учеником Е.С. Новик, Е.Н. Дувакиным, произведен подробный анализ шаманских легенд народов Сибири [Дувакин, 2011]. Однако предметом изучения этих исследований являются структура и сюжетная организация самих камланий или фольклорные источники, сюжеты шаманских легенд. На материале разных национальных литератур сравнительное изучение образов шаманов, сюжетов, с ними связанных, функций изображений шаманских камланий в произведении, художественных приемов и средств, связанных с темой и изображением шаманов и их практик, пока не предпринималось. Большинство исследований, посвященных шаманизму, – это работы этнографов, историков, антропологов, фольклористов, материалы и результаты которых обязательно должны быть дополнены исследованием проблемы в художественной литературе: огромная часть (к сожалению, пока нет даже приблизительных статистических данных) произведений писателей Сибири посвящена шаманам, а мировоззрение самих писателей формировалось не без участия традиционных воззрений на мироустройство, собственных шаманизму.

Вопрос об изображении шаманов и их камланий в художественной литературе, специфике об-

разов шаманов, сюжетах, с ними связанных, пока остается открытым и малоизученным. В советской литературе шаманы обычно изображались как отрицательные персонажи, враги, злобные и запугивающие своих сородичей при помощи различных фокусов и трюков, угроз, как правило, алчные, стремящиеся завладеть последним имуществом бедняков. Есть свои повторяющиеся сюжеты: о бегстве шамана, об обманном трюке. Та же эпоха, но описанная уже много позже, – в 1980–1990-е гг., предстает отнюдь не столь однозначной. Развернутая антирелигиозная кампания, в результате которой многие шаманы подверглись репрессиям, пришлось на начало 1930-х гг.*, и в книгах А. Немтушкина, Е. Айпина, Г. Кэптукэ и других писателей появляются сюжеты об аресте шамана, о том, как чудесным образом пропадают изъятые у шамана бубен и другие принадлежности для камланий, порою уже из сейфа следователя, о том, как родственники их прячут. Есть и сюжеты о том, как шаман возвращается из тюрьмы или ссылки, отыскивает свои поистине драгоценные предметы, тщательно сохраненные другими, и снова начинает камлать. То есть образ шамана является сквозным для всех периодов развития национальных литератур Сибири и встречается у разных писателей, что обусловлено как жизненным опытом авторов и значимостью фигуры шамана для культуры этих народов, так и современной авторам ситуацией утраты коренными народами традиционного образа жизни, древних обычаев, о которых писатели целенаправленно хотели бы рассказать. Подробно изучена тема шаманства и образы шаманов в творчестве мансийского писателя Ювана Шесталова. Е.В. Чепкасов в книге «Художественное осмысление шаманства в творчестве Ювана Шесталова» (Ханты-Мансийск, 2007) пишет: «Шаманство в творчестве Ю.Н. Шесталова указанного периода бытует в трех вариантах: либо художественно изображается, либо тайнописно проявляется, либо используется как материал для создания художественных приемов, как элемент поэтики» [Чепкасов, 2007, с. 192].

* Карлов С.В. Массовые репрессии в 1930-е гг.: на материалах Хакасии: дис... канд. ист. наук. – Абакан, 2000; Мельникова Т.В. Преследование шаманов в годы советской власти // Государство и личность: политические репрессии на Дальнем Востоке в XX веке: матер. регион. науч.-практ. конф. 21–22 октября 2004 г. – Благовещенск, 2005; *Он же*. Шаманы под запретом власти // Словесница искусств: Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды. – 2006. – № 1 (17). – С. 73–76; *Он же*: URL: <http://www.slovoart.ru/node/1522> (дата обращения: 12 апреля 2015); Волкова М.Г. Поруганная вера (о репрессиях против священнослужителей) // Книга памяти Красноярского края. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/08.htm> (дата обращения: 12 апреля 2015).

Высказанную Е.В. Чепкасовым мысль относительно творчества Ю. Шесталова будет справедливо применить и к художественному осмыслению шаманства в литературах народов Сибири в целом, с той лишь оговоркой, что у отдельных авторов чаще проявляется какая-то одна из обозначенных возможностей. В произведениях многих известных авторов часто встречается сюжетная ситуация, когда ребенок впервые присутствует на камлании. Авторские стратегии изображения камланий при этом могут быть различны: камлание может быть описано информативно, с опорой на этнографические источники, а может быть художественно изображено как одно из важнейших событий детства, способствующих приобщению к родной культуре. Названные варианты изображения шаманских экстатических практик представлены, в частности, в трех сходных по жанру книгах: «Мне снятся небесные олени» (1987) Алитета Немтушкина, «Маленькая Америка» (1991) Галины Кэптукэ и «У гаснущего очага» (1998) Еремея Айпина.

Важно, что все три книги написаны как воспоминания о детстве, о той поре, когда происходил слом и традиционный образ жизни коренных народов менялся под воздействием советской власти, стремившейся перевести кочевые народы на оседлый образ жизни. В основе каждой – воспоминания автора о детстве, как тогда жили, какие традиционные ценности были присущи, какова была обыденная жизнь в суровых условиях, какими людьми он был окружен. С точки зрения достоверности этнографических реалий, фольклорных вкраплений в виде пересказов сказок, цитирований песен и др. эти книги очень точны, недаром, например, книгу А. Немтушкина «Мне снятся небесные олени» используют в Эвенкии на уроках краеведения как источник разнообразных сведений о культуре эвенков. Но книги ценны не только этим. Написанные на русском языке, они являют собой интереснейший и пока малоизученный с точки зрения исторической поэтики феномен. В них доминирует бытовая основа сюжетики, однако там, где автор отходит от простого описания рутинных действий, обрядов, возникают новые литературные сюжеты.

Одни из таких сюжетов – это изображение камланий глазами ребенка. Представленное через детское восприятие, оно становится «многоуровнево опосредованным»: автор, будучи взрослым и компетентным, рассказывает о событиях

далеких, обращаясь к воспоминаниям своего детства, и показывает камлание глазами несмышленого ребенка, не понимающего до конца (или вообще не понимающего) сути происходящего. Подобный прием позволяет представить сцены камланий «отстраненно» – так, как это действие видится людям, не приобщенным к традиционной культуре и не посвященным в семантику обряда. В то же время это попытка вспомнить, воспроизвести те «чистые» детские, еще не замутненные плодами учения и жизни в цивилизации чувства, эмоции повествователя, попытка представить происходившее так, «как оно было на самом деле», когда культура коренных народов еще была живой, полнокровной и существовала в аутентичном, а не воспроизведенном, «музеефицированном» виде. Таким образом, сюжетная ситуация присутствия ребенка на камлании дает богатые возможности для литературного творчества. Тем не менее в некоторых сценах камлания, хотя они и описаны от лица ребенка, который мог еще застать в раннем детстве традиционные обряды и верования, сохранившиеся традиции, живых стариков, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что «детское восприятие» не становится призмой для преломления точки зрения повествователя, не способствует «отстранению» взгляда или его фокусировке, определенной именно «детской точкой зрения» на происходящее. Также авторы не стремятся извлечь из глубин памяти детские чувства и ощущения в их «первозданном виде», очищенными от последующего опыта. Повествование от лица ребенка здесь скорее является простой мотивировкой для включения эпизода в контекст воспоминаний о значимых событиях детства.

Каждый из авторов с разной степенью полноты стремится дать представление о шамане, его атрибутах, предметах для камлания, порядке приготовления к нему и самом ходе действия. В итоге получается рассказ для непосвященного, не знакомого с реалиями человека, для зрителя «извне», то есть повествование адресуется не только читателю, для которого описанная культура родная, но и читателю, который впервые с нею сталкивается. У такой «просветительской» стратегии есть своя оборотная сторона: произведение проигрывает в силе художественного воздействия, становясь подробным этнографическим комментарием, изложенным в популяризированной форме.

Так, А. Немтушкин в книге «Мне снятся небесные олени» использует этнографический источник, откуда сцена камлания (около двух страниц текста) заимствована целиком, почти без редактуры и литературной обработки: это статья И.М. Сулова «Шаманизм как тормоз социалистического строительства» [Сулов, 1932, с. 19–24; Непомнящих, 2015, с. 78]. Наиболее далек от просветительских целей при описании камлания Еремей Айпин в книге «У гаснущего очага». Рассказ о камлании помещен в главу «Голос бубна» и постепенно превращается в созвучный его ритму текст. Характерные для камлания приемы ввода в экстатический транс используются внутри рассказа не только как объект изображения, но и как элемент поэтики, как художественный прием. Повторы, имитирующие ритмичность, заданы анафорами и синтаксическим параллелизмом фраз, начинающихся с возгласов, сопровождающих удары по бубну. Ритм бубна повторяется в ритмике фраз, в графике текста. Г. Кэптукэ в книге «Маленькая Америка» в описании шамана и обряда камлания (обряд укрепления души девочки) опирается на собственный исследовательский и жизненный опыт. Разумеется, сюжеты о шаманах и камланиях не исчерпываются перечисленными. Не претендуя на всеохватность и исчерпывающую полноту, наметим те контуры, по которым должно в дальнейшем продвигаться исследование темы шаманизма и изображения шаманов в литературе.

Во-первых, выделение того корпуса художественных произведений, как поэтических, так и прозаических, в которых шаманы являются главными действующими лицами, и сюжет выстраивается вокруг них, а также тех произведений, в которых значительное место занимают шаманские образы и мотивы, есть сцены камланий и они играют важную роль в развитии действия. Во-вторых, изучение и описание самих сюжетов и шаманских образов: выявление их источников, поскольку, помимо жизненного, автобиографического опыта, зачастую писатели используют этнографические и иные материалы. В-третьих, в идеале составление некоторого каталога или указателя сходных типологически и генетически

родственных сюжетов о шаманах в литературах народов Сибири. Следует при этом помнить, что воздействие шаманизма на литературу не исчерпывается сюжетами, оно гораздо шире и комплекснее, поскольку наряду с фольклором лежит в основе мировосприятия многих авторов, знакомо им с детства, иногда они используют модель мира, присущую шаманизму, в своих произведениях. Современные авторы также рассматривают некоторые шаманские приемы, применяемые в камлании, как выразительные художественные средства и в преобразованном виде включают их в литературные тексты.

Исследование национальных литератур по намеченным направлениям позволит лучше понять особенности этнокультурного самосознания, выраженного в литературных произведениях посредством обращения к национальным темам, обычаям, обрядам, мифологии и фольклору, а также глубже осмыслить роль традиционного шаманизма как мировоззренческой основы, питающей творчество многих писателей, представителей разных национальных литератур, и в целом формирующей отношение к писательству в культуре (и шире – творчеству) как особой духовной практике.

Литература

Дувакин Е.Н. Шаманские легенды народов Сибири: сюжетно-мотивный состав и ареальное распределение. – М., 2011.

Непомнящих Н.А. Шаманские камлания в книгах А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и Е. Айпина: соотношение «художественного» и «этнографического» в описаниях экстатического транса // Все восторги мира: экстаз в мировом искусстве и литературе. – СПб.: ИРЛИ РАН, 2015.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. – М., 1984; 2-е изд. испр. и доп. – М., 2004.

Сулов И.М. Шаманизм как тормоз социалистического строительства // Антирелигиозник: (Научно-методический журнал). – 1932. – № 17–18.

Чепкасов Е.В. Художественное осмысление шаманства в творчестве Ювана Шесталова. – Ханты-Мансийск, 2007.

N.A. Nepomnyaschikh

Plots about shamans in the literatures of the people of Siberia: to statement of a problem

The image of shaman is one of the most striking in the literatures of the Siberian indigenous peoples. The shaman ritual shown through eyes of a child is a new literary plot, which appeared in the books of A.Nemtushkin, G. Keptuke, E. Aipin. Each author aims to give more or less comprehensive description of a shaman, his attributes, and objects used for the ritual, procedures preceding the ritual and the procedure of the ritual. The description is based upon ethnographic sources in Nemtushkin's book, G. Keptuke used both ethnographic sources and her personal experiences, while E. Aipin aimed to reproduce ecstatic trance of a child by the means of literary devices. The plots concerning shamans are various and need further research

Keywords: shaman rituals, plots about shamans, A. Nemtushkin, G. Keptuke, E. Aipin

УДК 398.8(=512.31)

О.В. Новикова

Лирические песни идинских бурят

Песенная традиция у идинских бурят, сохраняющая свое живое функционирование, в настоящее время представлена преимущественно лирическими песнями. С исчезновением эпоса и угасанием ряда других жанровых традиций она приняла на себя роль этнического маркера музыкальной традиционной культуры этой этнолокальной бурятской группы.

Ключевые слова: музыкальный фольклор бурят, бурятские народные песни, бурятская музыка, дуун, зугаа.

Идинские буряты, проживающие в Боханском и Осинском районах Иркутской обл., образуют отдельную этнолокальную группу, большинство представителей которой принадлежат к крупному племени булагат [Буряты, 2004]. Собираение и изучение фольклора идинских бурят в составе других западнобурятских этнолокальных групп ведется с конца XIX в., однако систематическая научная публикация идинских песен началась лишь в 1960-х гг. XX в.

Первые образцы боханско-осинских песен на бурятском языке в своем собрании «Бурятские народные песни» (1961) приводит С.П. Балдаев [Балдаев, 1961]. В 1980 г. выходит третий том сборника Д.С. Дугарова под названием «Песни западных бурят» [Дугаров, 1980], в котором весь западнобурятский материал распределен по «музыкальным говорам и подговорам». В нем содержатся нотации 60 фольклорных образцов с текстами на бурятском и русском языках, записанных в Боханском р-не (в то время объединявшем современные Боханский и Осинский р-ны) Иркутской обл. Спустя пять лет появились «Песни осинских бурят» Т.М. Болдоновой, где тексты песен на бурятском языке распределены по жанровому

признаку [Песни..., 1985]. В 2011 г. С.Ц. Жамбалов и Э.З. Жамбалова выпустили диск с аудиозаписями боханско-осинских песен [Эрхүү..., 2011], поместив некоторые бурятские тексты в сопроводительный буклет. Единичные тексты и нотировки идинских песен встречаются также в работах Л.В. Бабкиной [Бабкина, 2010а; 2010б], Т.М. Болдоновой [Болдонова, 1961], Т.С. Тангановой [Танганова, 2005; 2011; 2013], Н.О. Шаракшиновой [Шаракшинова, 1959; 1973] и др.

Однако несмотря на наличие опубликованного материала, изучение песенной традиции идинских бурят, как отдельной этнотерриториальной группы, в настоящее время находится на самом первоначальном этапе. Это связано с тем, что в большинстве исследований по бурятскому фольклору – монографиях С.П. Балдаева и Г.О. Туденова [Балдаев, Туденов, 1959], Т.С. Бардахановой [Бардаханова, 1992], Т.Е. Гергесовой [Гергесова, 1974], Д.С. Дугарова и О.И. Куницына [Дугаров, Куницын, 1997], Л.Д. Дашиевой [Дашиева, 2005; 2009], И.А. Манжигеева [Манжигеев, 1985], Д.А. Николаевой и О.Б. Буксиковой [Николаева, Буксикова, 2001], И.Е. Тугутова [Тугутов, 1989], М.И. Тулохонова [Тулохонов, 1973], Н.О. Шарак-

шиновой [Шаракшинова, 1959; 1973] и др. – идинские буряты рассматриваются в составе западно-бурятской культурной общности. Работ же, специально посвященных боханско-осинской традиции, крайне мало. Это, в частности, статьи Т.М. Болдоновой (см. вступительную статью к уже упомянутому сборнику [Песни..., 1985]), Н.Н. Николаевой [Николаева, 2008], О.В. Новиковой [Новикова, 2008а], в которых приводятся сведения общего характера о жанровом составе песен, особенностях функционирования того или иного жанра, современном состоянии традиции и пр. Кроме того, отдельную информацию по боханско-осинским песням можно найти в работах Л.Д. Дашиевой [Дашиева, 2008], Л.В. Бабкиной [Бабкина, 2010а; 2010б], Т.С. Тангановой [Танганова, 2005; 2011; 2013], М.Я. Жорницкой [Жорницкая, 1999].

На первоначальном этапе находится также изучение музыкальных характеристик боханско-осинских песен, рассматривающихся в контексте музыкального фольклора других этнолокальных западнобурятских групп в музыковедческих работах Д.С. Дугарова и О.И. Куницына [Дугаров, Куницын, 1997], Т.С. Тангановой [Танганова, 2005; 2011; 2013], Л.Д. Дашиевой [Дашиева, 2005; 2009], М.С. Антоновой [Антонова, 2002], О.В. Новиковой [Новикова, 2008а; б; 2010]. Многие важнейшие характеристики песенной традиции идинских бурят, в частности, жанровый состав песен, функционирование типовых напевов, их связь с песенными текстами, мелодико-ритмические характеристики и др., до сих пор остаются неисследованными. Это во многом обусловлено малым количеством нотных и аудиопубликаций, введение которых в научный обиход является насущной задачей современного бурятоведения.

В данной статье предпринята попытка целостного описания лирических песен идинских бурят. Описание обобщает материалы музыкально-этнографической экспедиции в Боханский и Осинский р-ны Иркутской области*, а также сведения, содержащиеся в публикациях.

Лирические песни у идинских бурят сегодня составляют основу песенной традиции этой этнолокальной группы. Фонд лирических песен, значительно пополнившийся в XX в. за счет утраченных традиционный контекст бытования обрядовых песен, представлен большим количеством

песенных поджанров. Разные виды лирических песен выделяются носителями традиции по различным признакам – тематическим, функциональным, эмоциональным, агентивным, композиционным, стилистическим и пр. Как следствие, жанровое определение песни может быть многосоставным и указывать на различные стороны исполняемого образца: его принадлежность к тематической группе, поэтическое содержание, стилистические характеристики текста и напева и пр. Для ряда песен используются и объединяющие названия – ‘обычные’, ‘простые’ *мэтин дуунууд / шагша зугаа*, не имеющие приуроченности и закреплённой тематики, и крайне редкие сегодня *сэгэйтшин дуунууд*, поющиеся на протяжные, богато орнаментированные напевы по особому торжественным случаям. Все идинские песни объединяются общими этническими терминами *зугаа* (‘разговор’, ‘беседа’, ‘песня’) или *дуун* (‘песня’, мн. ч. *дуунууд*).

Среди лирических песен наиболее обширную группу составляют застольные песни *аршин зугаа*, которые являются неотъемлемой частью любого застолья и традиционно исполняются пожилыми людьми, как мужчинами, так и женщинами. Среди застольных встречаются как ритмичные, с малым количеством коротких распевов *аршин ондоргон дуун* (букв. ‘застольная тряская песня’), так и степенные, распевные, с обильно орнаментированной мелодией. Хозяева радуются встрече с гостями, гости в ответ поют об уважении к хозяевам, об украшающих их дом детях и внуках, о крепкой молочной водке – тарасуне, о богатом гостеприимном столе, о красоте дружбы и т.д.

*Унажа ерэн унаа моришемэни
Бодхомол сэрэгэ-энд угатан, урин абабахая-ой.
Зорижо ерэн намаяа ла гээшэхая
Баран бүгэдэ угатан, урин абабахая-ой.
Тэрэ лэ найхан баяр жаргалан гээшэхая
Иижэ хуужэ барандаа дуулабахая-оодь.*

Коня, на котором я приехала,
Ласково встретив, к коновязи привязали.
А меня, в гости к вам приехавшую,
Всем улусом приглашая, встретили.
В честь такого счастливого праздника
Все мы песни застольные пропели
[Дугаров, 1980, с. 124].

*Музыкально-этнографическая экспедиция 2008 г. в Боханский и Осинский районы Иркутской области проведена О.В. Новиковой и Д.Д. Дондуповым благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 08-04-18040е.

Многие спетые на застольях виды песен могут звучать и в обрядовой ситуации. Так, ‘песня бараньей головы’ *төөлэйн дуун*, которую поют при подношении именного мяса почетному гостю, исполняется на свадебном пиру для свата. Песни-наказы *захяа дуун*, которыми напутствуют, например, уезжающих детей или других родственников, адресуются также жениху и невесте. Украшением любого застолья являются песни-благопожелания *урёор зугаа*, в которых желают счастья, долголетия, разрастания семьи и хозяйства и пр.

За столом звучат также лирические песни о родных местах *нютагай дуунууд*, воспевающие красоту малой родины, богатство ее полей, рек и лесов. Почтением к старшим, благодарностью, любовью и нежностью к отцу-матери пронизаны ‘песни о родителях’ *эхэ эсэгын дуунууд / иби бабайн зугаа*. Прославляют дружбу и верность ‘песни о друзьях’ *нүхэрэй зугаа*.

*Хони ямаадаа олондо,
Хото шэбээ бодхоолойб,
Холшиор залуу ябахадаа
Хани нүхэрөө ололойб.
Үхэр малаа олондо,
Үндэр шэбээ бодхоолойб,
Холшиор залуу ябахадаа
Үнэн нүхэрөө ололойб.*

Развел я овец и коз немало,
Теплый хлев для них я поставил,
В юные счастливые годы
Друга жизни себе я нашел.

Развел я много коров и скотины,
Высокие стайки поставил для них,
В молодые юные годы
Истинного друга себе я нашел

[Шаракшинова, 1959, с. 179]

За столом поются любовные *инагай зугаа*, грустные *гуниг загаа*, военные *дэйнэ дуунууд*, колхозные и трудовые *колхозай* и *ажалай дуунууд*, советские песни.

Пожилые люди исполняют песни-размышления о своей жизни *ябэ ябадалэ зугаа*. В них говорится о прожитых достойно годах, о наступившей старости, проходящей в окружении детей и внуков, о неизбежных потерях.

*Малгайн шэнээн үүлэмнай
Манан болоод тараа,
Үелээд ябаһан үетэмнай
Үбгэд болод тараа.*

Как тучка небесная с шапочку,
Обратившись в туман, рассеивается,
Так и друзья моей юности беззаботной,
Став стариками, рассеиваются

[Там же, с. 177].

На застольях звучат и песни-загадки *таабари дуун*, которые требовалось отгадать просто словами либо, спев песню-отгадку, с использованием прозвучавших слов и образов.

Зачастую пение застольных песен носило диалогический характер, поскольку хорошим тоном было ответить на песню одной из сторон ответной песней *андалдан зугаа*. Например, хозяйева пели приехавшим в гости сватам:

*Хойто хадайн модон
Холтоһоо хушамал намаатай,
Холшиортой һайхан худагымнай
Зүрхэ халаама зугаатай.
Урда хадайн модон
Үндэһөө хушамал намаатай,
Аягтай һайхан урагууднай
Зүрхэ халаама зугаатай.*

Листва покрывает кору
деревьев на северном склоне.
Веселой красивой нашей сватьи
Песни согревают сердце.

Листва покрывает корни
деревьев на южном склоне.
У игривых прекрасных наших родственников
Песни, согревающие душу

[Бабкинова, 2010б, с. 285].

А те им отвечали:

*Арбан хараан газарай
Аргамжын һунасара
Хатаргажа ерээбди,
Аяг һайхан худануудта
Аяглан зугаалан һуунабди.
Хорин хараан газарай
Хударгайн һунасара
Хатаргажа ерээбди,
Холшиор һайхан худануудта
Холшиорон зугаалан һуунабди.*

За десятки верст
Так, что вожжи ослабли,
Рысцей примчались мы на наших конях.
У сватов с прекрасной душой
Сидим и поем веселые песни.

За двадцать верст
Так, что оглобли ослабли,
Рысцой примчались мы на наших конях.
У веселых красивых сватов
Сидим и поем шуточные песни
[Бапкинова, 2010б, с. 285–286].

В таких диалогах, нередко переходивших в целые песенные состязания, очень ценилось умение импровизировать, метко отвечая на шутку, подначку, иронию собеседника. Даже если у отвечающего не получалось найти нужные слова, надо было достойно выйти из положения, ответив, например, так:

Медведь, живущий в лесу,
Весь лес не займет.
Человек, сколько живет,
Всех песен не знает*.

Большинство лирических песен могли звучать не только за столом, но и в любых других случаях – на досуге, во время домашних или общественных работ, в будни и праздники.

Разнообразными по тематике были хороводные и игровые *хатар нааданай дуун*, в том числе песни, сопровождающие бурятский круговой танец *ёохор* и некруговые танцы. Поскольку основным участником нааданов ('игрищ') была бурятская молодежь, то хороводно-игровые песни воспевали земные радости, молодость, дружбу, любовь.

Өбөл болхын урдууриин
Өбһө өрдөн шабшалаеши.
Өбгөн болхын урдууриин –
Үелхэ хэрдээ зугаалаеши.
Хабар болхын урдууриин
Хагда өрдөн шабшалаеши.
Хөбшөн болхын урдууриин –
Ханилха хэрдээ зугаалаеши.

Перед тем, как наступит зима,
Поспешим накосить сена.
Перед тем, как наступит старость –
В пору дружбы попоем.
Перед тем, как наступит весна,
Поспешим накосить ветоши.
Перед тем, как наступит старость –
В пору дружбы попоем
[Песни..., 1985, с. 9–10].

Помимо собственно игровых песен в хороводе звучали песни о любви, о родителях, о гостях и хозяевах, песни-загадки и т.д.

Ерэн гурабан остолобо ло гээ
Ербыхэдэжэ хайхыемэ лэ гээ.
Ерэнэн түрэнэн дайдамнай даа
Дунгяаража хайхыемэл даа.

Дабталга:
Аштын хоозер, хоштын хоозер
Остолобоодийн сааш.

Хараасагайн наадан гээ-лэ гээ
Харихадаа наадан гээ-лэ гээ.
Хамаг-а зоной наадан гээ-лэ гээ
Хатарахадаа наадан гээ-лэ гээ.
Дабталга.

Девяносто три столба
Выстроились красиво.
Родимый край, кочевья наши,
Тишиной благодатной опьяняют.

Припев:
Аштын хозер, хоштын хозер
Остолободин сааш.

Ласточки свои хороводы
Перед отлетом играют.
Люди свои хороводы,
Танцую, играют.
Припев

[Дугаров, 1980, с. 96].

Хуһан модоной сезониһь
Хабара дундаа байдагахым.
Шааштайханайм сезониһь
Хори хүрэнэн наһандаа.

Дабталга:
Ябоо, ай-доо айдалоеы,
Аялгаараа нэгэдэе.

Нарһан модоной сезониһь
Намар дундаа байдагахым.
Наартайханай сезониһь
Хори хүрэнэн наһандаа.
Дабталга.

Самый сезон для березок
Весною ведь наступает.
Самый сезон для невест
К двадцати годам наступает.
Припев:

*Ответная песня *андалдан зугаа* записана от Агафьи Романовны Бельдушкиновой (1923 г.р.) из д. Онгой Осинского р-на Иркутской обл.

Пойдем, ай-до потанцуем,
Голоса свои сольем.
Самый сезон для сосенок
Осенью ведь наступает.
Самый сезон красавиц
К двадцати годам наступает.
Припев

[Там же, с. 100].

Совместное хоровое пение могло смениться поочередным диалогическим исполнением песен, поскольку в ёхоре также возникали песенные состязания между гостями и хозяевами, парнями и девушками и т.д. В таких состязаниях можно было услышать не только загадки или шуточные, но и песни-насмешки *мунгалгайн зугаа*.

*Сагаан нулаад байгаашье хаа,
Сэсэг үбэ муухай юм.
Сарюун басаган байгаашье хаа,
Зугаа үбэ муухай юм.
Улаан нулаад байгаашье хаа,
Уялаа үбэ муухай юм.
Урихан басаган байгаашье хаа,
Зугаа үбэ муухай юм.*

Хотя и белый, платок
Без цветов некрасив.
Хотя и прекрасна девушка,
Но, не зная песен, она непривлекательна.
Хоть и красный платок,
Но не завязанный, он не пригоден.
Хоть и нежна девушка,
Но, песен не зная, она не привлекательна

[Бабкинова, 2010б, с. 286].

В целом танцевально-игровые и застольные песни, преимущественно лирические по содержанию, являются жанровыми доминантами песенной традиции идинских бурят. Лирический компонент содержат и многие обрядовые песни, в частности, свадебные *хуримай зугаа*.

К числу лирических можно отнести и так называемые 'исторические песни', которые у идинских бурят называются *ульгэрэй дуунууд*. Ставшие в настоящее время редкостью, они поются в основном, пожилыми мужчинами. Исторически песни являются частью прозаического повествования, в котором излагаются происходившие когда-то реальные события.

В Боханском и Осинском районах Иркутской области в разное время собиратели записывали

песни о Шудармане, с именем которого связана освободительная война монгольского народа против маньчжурского владычества; песни о времени проведения российско-монгольской границы и графе Савве Рагузинском, о тайшах и нойонах и пр. [Тулохонов, 1973]. Исторические песни концентрируют в себе лирическую оценку происходящего, нередко от первого лица выражая чувства и настроения героя. Например, первая из цикла песен о Шоно Баторе представляет собой лирическое высказывание богатыря о несправедливом отношении к нему отца, поверившего клевете брата. Авторство этой песни приписывается Шоно Батору. Однако, как правило, лирические песни у идинских бурят авторства не имеют. Очень редко авторами некоторых песен (точнее, их текстов) признаются отдельные выдающиеся исполнители.

Наиболее почитаемые песни могут иметь названия; в качестве таковых чаще всего выступают имя героя, название местности, первые слова первой строки песни или припевное слово.

Мелодика идинских песен весьма разнообразна. Мелодический фонд песенной традиции составляют типовые напевы, которые характеризуются с музыкально-стилистической стороны как *дуундэ зугаа* («средняя песня»), *утар татаад зугаа* («протяжная песня»), *тургын зугаа* («скорая песня»), *ута зугаа* («долгая песня»), *ааляр / аалин / нам зугаа* («медленная, тихая песня»). Среди типовых напевов имеются как специфические для идинских бурят, так и встречающиеся у других западнобурятских групп мелодии. Один типовой напев может соединяться с разными текстами, в том числе разножанровыми. Кроме того, одна и та же мелодия – при необходимости ускоренная или замедленная, расширенная или сжатая метроритмически, обросшая мелодическими и тембровыми украшениями, с увеличенным количеством ступеней в звукоряде или, напротив, упрощенная – может использоваться для протяжной, 'средней' или скорой песни [Новикова, 2010].

Некоторую закрепленность круга напевов за жанром демонстрируют, пожалуй, лишь хороводно-игровые песни, что не исключает исполнения на эти же напевы песен иных жанровых групп. Кроме того, тенденцию закрепления текста за напевом можно заметить в отдельных особенно полюбившихся песнях, в частности, она наблюдается в «Шоно Баторе» и «Элирбасе».

Типовых напевов у идинских бурят довольно много, несколько десятков. Репертуар одного исполнителя может включать как несколько, так и один напев, на который поются все известные ему тексты.

Ладовой основой песен являются гемитонные (содержащие в своем составе полутон) и узкообъемные ангемитонные (бесполутонные) лады (так называемая «неполная» пентатоника) с широкими зонами ступеней. Преобладают 3–5-ступенные структуры с основным тоном «ля» в звукорядах типа «ля-до-ре», «ля-до-ре-ми», «ля-си-до-ре-ми», «ля-до-ре-ми-бемоль» и т.д. с широкими зонами ступеней [Новикова, 2008б; 2009; 2010].

Склад идинских лирических песен преимущественно монодийный. В них встречается как сольное, так и совместное пение, при котором возникает гетерофония; данное многоголосие часто встречается в хороводно-игровых песнях.

Песни состоят из нескольких музыкально-текстовых четырехстрочных (редко – двустрочных или трехстрочных) строф, отделенных друг от друга паузами. Поэтические строфы и строки совпадают с мелодическими. Начала и концы поэтических строк выделены разного рода созвучиями. В последующих строфах, как правило, варьируются текст и мелодия первой строфы.

Мелострофы состоят из двух двустиший, одинаковых или почти одинаковых по мелодическому строению и объединенных поэтическим параллелизмом. Все четные строки в мелострофе, как и все нечетные, сходны по музыкальному, синтаксическому, а часто и образному строению и образуют мелострофы типа АВ АВ или АА₁ АА₁. Строки одной четности, как правило, выравниваются по времени звучания, соседние же строки могут различаться по длине. Многие танцевально-игровые и застольные песни сопровождаются одно-трехстрочными припевами.

В целом песенная традиция у идинских бурят, в настоящее время представленная преимущественно лирическими песнями, сохраняет свое живое функционирование. С исчезновением эпоса и угасанием ряда других жанровых традиций она приняла на себя роль этнического маркера музыкальной традиционной культуры этой этнолокальной группы. Сегодня в ней заметны как обнадеживающие тенденции, так и кризисные черты. Последние связаны с уходом из жизни многих признанных песенников, зна-

токов традиционной культуры, свидетелей традиционного жизненного уклада, обычаев и обрядов бурят, заставших период живого бытования всех фольклорных жанров. В настоящее время хранителями традиционной культуры остаются в основном единичные люди, самые пожилые информанты.

Позитивные моменты связаны с активным вовлечением в фольклорное движение молодежи. Фольклорные ансамбли поют не только усвоенные в рамках клубной системы песни, но также образцы, выученные от старших жителей сел. В то же время исполнители этой категории чаще всего поют репертуар, востребованный на эстраде, в первую очередь, ёхор, оставляя без внимания и тем самым обрекая на забвение целые жанровые пласты фольклора, не предполагающие публичного исполнения.

Литература и источники

Антонова М.С. Особенности бурятского народного мелоса Предбайкалья // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 307–311.

Бабкинова Л.В. Мунгалгайн зугаа булагатов // Протяжные песни монгольских народов: сб. науч. ст. – Улан-Удэ, 2010а. – С. 141–145.

Бабкинова Л.В. Шуточные песни западных бурят // Вестник Бурятского государственного университета. – Вып. 10. – Улан-Удэ, 2010б. – С. 283–288.

Балдаев С.П. Буряд арадай дуунууд: в 3 т. – Т. I: Урданай дуунууд (Бурятские народные песни (дореволюционные)). – Улан-Удэ: Бурял ном. хэблэл, 1961.

Балдаев С.П., Туденов Г.О. Руководство по собиранию бурятского фольклора. – Улан-Удэ: б/и, 1959. (Труды БКНИИ).

Бардаханова Т.С. Система жанров бурятского фольклора. – Новосибирск: Наука, 1992.

Болдонова Т.М. Песни-загадки // Краеведческий сборник (Бурятский филиал географического общ-ва). – Вып. 6. – Улан-Удэ, 1961. – С. 137–139.

Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004. (Народы и культуры).

Гергесова Т.Е. Бурятские народные танцы. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974.

Дашиева Л.Д. Традиционная музыкальная культура бурят: учеб.-метод. пособие. – Улан-Удэ, 2005.

Дашиева Л.Д. Итоги музыкально-этнографической экспедиции в Иркутскую область (2008 г.) // Народная культура Сибири: мат-лы XVII науч. семинара-симпоз. Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. – Омск, 2008. – С. 100–105.

Дашиева Л.Д. Бурятский круговой танец ёхор: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009.

Дугаров Д.С. Бурятские народные песни: в 3 т. – Т. 3: Песни западных бурят. – Улан-Удэ, 1980.

Дугаров Д.С., Куницын О.И. Буряты // Музыкальная культура Сибири. – Т.1, кн.1: Традиционная культура коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1997. – С. 336–404.

Жорницкая М.Я. Традиционные танцы западных бурят (по материалам Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области) // Сибирь: этнос и культуры. Традиции и инновации в этнической культуре бурят. – Вып. 5. – М.; Улан-Удэ, 1999. – С. 121–143.

Манжигеев И.А. Бурятский ёхор. Краткий этнографический очерк. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985.

Николаева Н.Н. Современное бытование фольклора осинских бурят (Кахинская долина) по материалам полевых исследований // Гомбожаб Цыбиков – выдающийся ученый и путешественник. – Улан-Удэ, 2008. – Вып. 2. – С. 181–188.

Николаева Д.А., Буксикова О.Б. Танцевально-игровая культура бурят Приангарья: учеб.-метод. пособие. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001.

Новикова О.В. Музыкальный фольклор западных бурят: результаты полевых исследований в Боханском и Осинском районах Иркутской области // Актуальные проблемы музыкознания: сб. ст. по мат-лам конф. «На рубеже столетий: Музыкознание. Композиторское творчество. Исполнительское искусство», 28–29 нояб. 2008. – Новосибирск, 2009. – С. 142–145.

Новикова О.В. Современное состояние песенной традиции бурят: результаты экспедиционного изучения // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2008а. – С. 166–172.

Новикова О.В. Узкообъемные ладовые структуры в музыкальном фольклоре бурят // Народная культура Сибири: мат-лы XVII науч. семинара-симпоз. Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. – Омск, 2008б. – С. 95–100.

Новикова О.В. Типовые напевы и ладовая вариантность в бурятских народных песнях // Там же. – 2009. – С. 151–156.

Новикова О.В. Звуковысотность в вариантах типовых напевов бурятских песен // Протяжные песни монгольских народов. – Улан-Удэ, 2010. – С. 111–122.

Песни осинских бурят / сост., вст. ст. и примеч. Т.М. Болдонова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985.

Танганова Т.С. Застольные песни бурят Предбайкалья (сравнительно-сопоставительный анализ) // Этнические процессы и традиционная культура. – М.; Улан-Удэ, 2005. – С. 181–196. (Сибирь: Этносы и культуры. Вып. 9).

Танганова Т.С. Певческое искусство бурят Предбайкалья. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2011.

Танганова Т.С. Стилистика песен-загадок бурят // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – № 1. – СПб., 2013. – С. 130–133.

Тугутов И.Е. Игры в общественной жизни бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989.

Тулохонов М.И. Бурятские исторические песни. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973.

Шаракишинова Н.О. Бурятский фольклор. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959.

Шаракишинова Н.О. Лирические песни бурят. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973.

Эрхүү буряадай арадай дуун. Народные песни западных бурят [Звукозапись] / сост. Саян и Эржэна Жамбаловы; запись и обработка песен Саяна Жамбалова. – Sayan Studio, 2011.

O. V. Novikova

The lyrics songs of the idinsky Buryat

The song tradition of the idinsky Buryat, saving the living functioning, presented mainly lyric songs. With disappearance of epos and some other genre traditions it serves as an ethnic marker of musical traditional culture of this ethnic local group of Buryat.

Keywords: musical folklore of the Buryat, Buryat national songs, music of the Buryats, duun, zugaa.

Кимико Сайто

Магическая функция японской сказки «Мечь воробьихи» (в сопоставлении со сказками народов Северо-Восточной Азии)

В статье разъясняется функция японской народной сказки «Мечь воробьихи» (ATU210), варианты которой широко распространены в Азии. Для того, чтобы её определить, была предпринята попытка сравнить сказку с вариантами, бытующими у соседних народов, и отыскать её связь с обрядами и народными верованиями. В результате был сделан вывод о том, что, возможно, японская сказка «Мечь воробьихи» в древнее время рассказывалась с целью прекращения сильного ветра и установления хорошей погоды.

Ключевые слова: уничтожение злого духа, умирение погоды, обряд укрощения ветра, души орудий и вещей, чудесное рождение.

В Японии народная сказка «Мечь воробьихи» (IT525, ATU210, СУС210)* не очень популярна, но сюжет ее знают многие японцы, так как он совпадает со вторыми половинами сказки «Борьба между обезьяной и крабом за хурму» (IT522A) и сказки «Момо-Таро» (IT127). Приведем ее краткое содержание.

Японская сказка «Мечь воробьихи»

Когда воробьиха снесла яйца в гнезде на дереве, «Онй» (злой дух) или «Яманба» (Горная Баба) забрал их и съел. Воробьиха, решив отомстить, взяла с собой рисовый колобок и отправилась в дорогу. В пути ей встречались один за другим разные живые существа, предметы (змея, краб, иголка, гнилая веревка, каменный жёрнов, понос и т.д.). Воробьиха давала каждому кусочек рисового колобка и принимала в свою компанию. Вместе они шли, шли и пришли в жилище врага. Помощники спрятались, кто куда. Скоро Онй вернулся. Он захотел попить и подошел к горшку. Спрятавшийся в горшке краб цапнул его. Он побежал в комнату, лег, укололся об иголку и бросился к двери. А там лежал понос. Онй поскользнулся на поносе. Сверху на него упал каменный жёрнов. Так Онй погиб.

Сказка ATU210 распространена в азиатских странах: КНР, Корея, Монголии, Индии и т.д. Раньше считалось, что она попала в Японию через Китай или через Корейский полуостров. В 1987 г. Кодзима Иосиюки, рассмотрев варианты ATU210, существующие у народов северо-западного берега

американского материка и Мьянмы, пришел к мнению, что тема этой сказки связана с призыванием хорошей погоды [Kojima, 1987]. Т. Онохара поддержал его мнение и обратил внимание на вьетнамскую версию [Onohara, 2010, p. 159].

Автор этой статьи, сравнив японскую сказку с вариантами, бытующими у народов Севера, пришла к следующему выводу: самые близкие по сюжету – это сказки тунгусо-маньчжурских народов [Saito, 1991, p. 18; Сайто, 1994, с. 78]. Рассмотрим варианты сказок соседних народов.

Айнское сказание «Богиня-паук поет о себе»

С моря к богине-пауку прилетает дух и сообщает ей, что злой дух, живущий за облаками, скоро прилетит и схватит её. Богиня-паук заставляет иглу-человека, каштан-человека, пчелу-человека, змею-человека, пестик-человека и ступу-человека спрятаться в доме, а сама превращается в стебель тростника и ждет нападения противника. Когда злой дух прилетел, помощники богини друг за другом напали на него и уничтожили. Неожиданно наступила тишина, и странные облака исчезли [Kubodera, 1977, p. 55].

Данное сказание (IT1-115) принадлежит к жанру «Камуи Юкар» (досл. 'божественное сказание'). Интересно, что сказания «Камуи Юкар» поются от первого лица божества. Нужно отметить, что в самом конце сказки сказитель объявляет о наступлении тишины и исчезновении странных облаков. Противник героини – морской злой дух, который вызывает непогоду. У айнов

* ATU – «Типы международных сказок» Ганса - Йорга Утера; IT – указатель сюжетов японских сказок; СУС – Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточно-славянская сказка. Цифры – номера сюжетов.

сделано всего пять записей сказания, в них в роли противников выступают: «чудовище с шестью головами», «шесть морских чудовищ», «шесть братьев – морских чудовищ», чаще всего – морское чудовище, вызывающее бурю на море.

У айнов также есть и другой тип – IT 1–107A.

Айнское сказание «Усмирение духа ветра»

Богиня ветра целый день сидит дома и занимается шитьем. Однажды от скуки она надевает красивое платье, выходит на улицу и начинает танцевать. От её пальцев над землей поднимается ветер. Когда ветер дует на море, дно моря то поднимается, то опускается. Таким образом, Богиня наносит людям серьезный ущерб. Окикуруми (первый предок и культурный герой) отправляется к Богине и наказывает её. Богиня обещает, что в дальнейшем она будет поворачиваться к людской земле тихо. После этого на земле воцаряется спокойствие.

Здесь поётся о деяниях культурного героя, направленных на прекращение стихийного бедствия. У нивхов есть следующая сказка типа ATU210, где роль главного героя играет Шило.

Нивхская сказка

Шило и Травяной Сноп живут вместе. Когда Сноп идет за дровами, ветер уносит его. Шило отправляется искать своего друга и встречается с разными существами: Мочой, Испражнением, Собачьим Белым Черепом и Точилом. Шило принимает их в свою компанию и они вместе продолжают путешествие. Доходят до землянки, и каждый прячется по своим местам. Злой дух возвращается и наступает на Шило, затем поскальзывается на Моче и, падая, хватается за Испражнение. В конце сверху на него прыгает Точило и убивает злого духа. Шило с друзьями находят Травяной Сноп и все вместе возвращаются [Otaina, 1993, p. 200–201].

Есть вариант, в котором противник – злой дух Кинс. Трава и Шило жили дружно. Однажды осенью погода испортилась, начал дуть сильный ветер и пошел дождь со снегом. Сказка начинается с описания непогоды. То есть целью отправления героя в путь является установление хорошей погоды [Сираиси, Лок, 2002, с. 20–24].

В другом варианте главный герой – брат. Весной девушка пошла за водой, и ее утащил в воду Кинс. Брат взял нож, шило и точило и пошел ис-

кать сестру. По дороге он встретил Щучью Голову, Собачью Голову и Железного Человека с птичьей лапой. Вместе они пошли дальше. Пришли в большой дом. В углу дома находилась сестра. Брат посадил Щучью Голову, Собачью Голову и Железного Человека в большой котел с водой. На нары он поставил нож острием вверх, над нарами привязал точило и сам спрятался. Тут пришел Кинс. Помощники друг за другом напали на него. Кинс ударился головой о точило и погиб. Брат схватил сестру и с друзьями пошел домой [Березницкий, 2003, текст № 27, с. 120].

На первый взгляд, данная сказка не имеет никакой связи с непогодой. Но в Поронайске говорят, что Кинс – самое страшное существо. Он может наслать на человека болезнь, перевернуть лодку рыбака или морского охотника, а также принести вихри и метели. Чтобы защититься от козней Кинса, нужно угостить его ягодами, крупой, рисом или табаком, которые он очень любит. Если ветер дул долго и мешал охотникам заниматься промыслом, то они стреляли в ветер. В середине XIX в. на Сахалине Л.И. Шренк наблюдал такое зрелище: нивхи прикрепили к концу длинного шеста, воткнутого в снег, четырехугольный кусок тюленьей шкуры, предназначенный в жертву буре, взяли стрелу с наконечником в виде двузубой вилки, между зубцами которой был зажат табачный лист с кусочком тлеющего трута, и пустили стрелу против ветра [Шренк, 1903, с. 39–40].

Ч.М. Таксами пишет, что в 1953 г. нивхи, рассердившись на ветер, стреляли в него из ружья. Говорят, что в том месте, куда попадала стрела или пуля, они видели кровь [Таксами, 2007, с. 115]. На Сахалине северо-восточные ветры, дующие с Охотского моря, всегда сопровождаются метелью и мешают морским охотникам. Можно сказать, что у нивхов рассказывание этой сказки тесно связано с охотничьим обрядом усмирения ветра.

В Амурском крае записаны несколько нанайских вариантов ATU210, где роль героя играет синица.

Нанайская сказка «Чолчомиака»

Птичка Чолчомиака (синица) решила убить чёрта, который погубил ее отца. Несколько лет птичка клевала дерево и выдолбила себе лодку. На этой лодке она отправилась вверх по реке. В пути ей встретились Щука, Жёлудь, Вертел, Молоток, Колодка, она взяла их с собой. Они

приплыли к одному дому, друг за другом напали на чёрта и убили его. Затем Чолчомиака поплыла обратно со своими друзьями и оставляла их в тех местах, где встретила. Чолчомиака вернулась к себе и стала громко кричать: «Чолчомиака!» [Воскобойников, Меновщиков, 1951, с. 352–355].

Сказка записана в 1941 г. Пение в конце сказки – звукоподражание птичке. Синица кричит и объявляет свою победу так: «Ну, теперь хорошо, убила чёрта!». Цель отправления героя в путь в данном случае – месть за убитого отца.

Теперь обратим внимание на структуру сказки. Путешествие героини от выхода из дома и до возвращения выстроено в симметрическом порядке и в самом центре сказки кульминационный момент – уничтожение чёрта. Значит, данная сказка имеет структуру кумулятивных сказок. Вообще говоря, такие сказки восходят к древности, в них часто бывают звукоподражания животным, особенно птицам. Мы знаем, что охотники получают необходимую информацию по звуку ветра или крикам зверей и птиц. Тонкий слух охотников до нынешнего дня позволяет им выживать в суровых климатических условиях.

В другом нанайском варианте [Аврорин, 1986, с. 92] синица едет «убивать брата семи пуди (девушек)». Помощники героя – Щучья Челюсть, Кувалда, Понос, Жёлудь и Вертел. По пути они встречают семь девушек. Девушки смеются над ними. Вечером компания добирается до жилища мергена, и синица с помощью друзей убивает его. Они отрезают голову противнику, насаживают ее на макушку мачты лодки и едут вверх по реке. Девушки, увидев это, понимают, что синица одолела их брата. Сказка кончается женитьбой героя и его помощников на семи девушках. Мотив о женитьбе приближает эту сказку к волшебной.

Рассмотрим подробно народные верования о синице. По А.И. Мазину, у тунгусских народов при рождении ребенка изготавливалась специальная шкатулка, в которую помещали сшитое из замши птичье гнездо и изготовленную из ровдуги или дерева птичку – хранительницу души ребенка, чтобы он рос здоровым [Мазин, 1984, с. 61]. В нанайской деревне Кондон информантка поведала нам похожий рассказ [Saito, 2008, p. 26]. Когда она была маленькой, бабушка привела ее к шаманке. Бабушка, желая, чтобы внучка выросла здоровой, оставила у этой шаманки панё внучки. Панё – одна из трех душ человека. Шаманка камлала, кричала и, наконец, взяла панё. Но она была

не очень мощной шаманкой и отдала панё другой, более сильной шаманке, чтобы та охраняла ее лучше.

Нанайцы считают таких птиц, как ворона, орел, лебедь, синица и т.п., помощниками шаманов и относятся к ним с уважением, желая сбросить здоровье семьи. Особенно почитали синицу как единственное существо, способное оградить ребенка от всевозможных болезней и злодеяний враждебных духов [Мазин, 1984, с. 58]. Фигурка деревянной синицы является посудой, где от злых духов спрятана душа ребенка. Народные представления о синице свидетельствуют, что синица в сказке – не антропоморфное животное, а собственно человек.

Нанайская сказка «Мала-мерген»

Жил-был Мала-мерген и его друзья, у которых были странные имена: Собачий Язык, Тонкая Грудь, Длинная Шея и Учэ (понос). Однажды разыгралась пурга и мерген не мог пойти ни на охоту, ни на рыбалку. Он послал за водой к проруби Учэ. Учэ примерз к проруби. Собачий Язык пошел его искать и тоже примерз. У Длинной Шеи от слез шея лопнула. Мала велел Тонкой Груди погадать на наковальне. Повесил тот наковальню, раскачал, она ударила в его слабую грудь, и умер последний друг мергена. Мала догадался, что это проделки Буччукэна (дух ветра). Тут сразу же пурга утихла, ветер прекратился. Мала сделал лодку и отправился на ней в путь. По дороге он встретил пару желудей, кожемялку с колотушкой, щуку, белку, каменную кувалду да двухвостку и принял их в свою компанию. Дальше они увидели трех красавиц. Красавицы узнали, что они едут «Буччукэна убивать», и сказали им: «Убьешь нашего мужа-буччукэна, солнце, если на левой стороне светило, на правой светить будет». Мерген со своими друзьями наткнулись под вечер на огромную каменную дверь и вошли. Откуда ни возьмись, поднялся смерч, и из него вышел одноногий Буччукэн. На плече и под мышкой у него были два мертвеца. Когда Буччукэн зашел в дом, то друзья напали на него и убили. На обратном пути они встретили красавиц. Красавицы, узнав, что Буччукэн убит, повесились. Мала спросил своих друзей, куда они собираются дальше идти. Кожемялка с колотушкой превратились в черную березу и сказали: «Пусть будущие дети нами пользуются». Белка в тайгу убежала: «Пусть бу-

душие дети охотятся на меня». Двухвостка тальником зашумела: «Пусть будущие дети из меня ханами (две рогатки-“клешни” для ношения на спине самострелов во время зимней охоты) себе делают». Каменная кувалда сама собой осталась: «Будущих детей от беды охранять буду». Мерген лодку бросил, домой пошел: «Ну, все-таки я отомстил за своих друзей!» [Чадаева, 1986, с. 59–60].

Буччукэн – детская деревянная игрушка, архетип которого – повелитель ветров «буччу». В данной сказке Буччукэн, унаследовав могущественную силу духа ветра буччу, взвизгивается смерчем. Мы видим в этом Буччукэне самого буччу. Уникальность сказки – в финальном эпизоде. Друзья героя превратились в полезные для будущих детей существа. Об этом А. Чадаева пишет так: «С гибелью зловещего сказочного буччукэна начинается новый отсчет времен. Звери, насекомые, рыбы, предметы быта и орудия словно сбрасывают с себя какое-то гнетущее иго, вместе с ним и оболочку временной мимолетности своего существа, и утверждаются в бытии вечном – в старом ли качестве, преображаясь ли, как желуди, в звезды. И все это – во имя детей будущего – неизменности их охотничьей или рыболовной удачи» [Там же, с. 61]. А. Чадаева подтверждает, что нанайцы рассказывали эту сказку, чтобы уничтожить злого духа ветра, возратить спокойную жизнь и обеспечить будущим детям удачу. Восклицание героя в конце сказки свидетельствует о наступлении нового времени.

В.А. Аврорин о важной функции нанайских сказок пишет следующее: «Когда нужно прогнать чертей, рассказывают нингманы про чертей. Чтобы усмирить северный ветер, рассказывают нингман про северный ветер. Этот нингман должны рассказывать тихие и спокойные люди. Сердитый и нервный человек этот нингман рассказывать не сможет, а только еще больше будет сердиться» [Аврорин, 1986, с. 6].

Чукотские сказки выполняют ту же функцию.

Чукотская сказка об уничтожении злого духа

Когда пастух Ыйнувьё спал на пастбище, поднялась пурга, и вдруг ему стало страшно. Он попросил свои лыжи, посох, нож и брусочек охранять его. Один кэле (злой дух) взял копье в руки и стал подкрадываться. Нож сказал кэле: «Возьми меня и вонзи прямо в бок спящему». А лыжи, посох и брусочек ударили кэле и кэле отлетел далеко и еле добрался до своих товарищей. Старый кэле по-

слал другого кэле. И опять лыжи, посох и брусочек набросились на врага и отогнали его. Тогда старый кэле погрузился в землю и сам отправился к Ыйнувьё. Ыйнувьё отвязал висевшую на поясе трубочку и один её кончик сунул в рот, а другой воткнул в снег и дунул изо всех сил через трубочку в землю. Кэле сильным ветром в дальнюю даль унесло. Ыйнувьё взял нож, разбил о камень и бросил его, а лыжи, посох и брусочек домой отнес. Так спасся Ыйнувьё от врагов [Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 255–257].

Согласно чукотским народным верованиям, у чукчей существуют разные кэле: одни приносят нервные болезни, другие – эпидемии. Есть кэле, олицетворяющие непогоду. Иногда они появляются из земли, а иногда спускаются с неба. На земле они живут в пустынном месте, вдалеке от селений людей. Когда человек в одиночку переходит через такое место, кэле вдруг выходит из каменной щели и нападает на него.

В этой сказке мы видим отражение представлений охотничьего народа. По чукотским традиционным верованиям, у зверей и даже у вещей есть свои души. Если между охотниками и орудиями установлены хорошие отношения, то орудия сами начинают работать на хозяев. У охотника, который всегда бережно относится к орудиям, должна быть удача на охоте. В.Г. Богораз отмечал: «Шаманские духи изображаются в виде различных материальных предметов, зверей, как-то: волки, олени, моржи, киты, также птиц, растений, ледяных глыб, хозяйственных принадлежностей – котелков, молотков, иглолок или игольников. Сосуд для испражнений и моча – тоже шаманские “духи”» [Богораз, 2011, с. 19]. Те же самые представления встречаются в сказке о кэле.

В Северо-Восточной Азии, когда стояла плохая погода, охотники собирались и рассказывали сказки, чаще всего об усмирении злого духа. В сборнике В.Г. Богораза представлен следующий интересный вариант [Bogoras, 1910, p. 37]: после уничтожения злого духа герой вернулся домой и объявил о своей победе: «Oh indeed! I have destroyed some of the murderers. Ended» («Ох, правда! Я уничтожил несколько убийц. Все»). Здесь сказка заканчивается, и сказочник говорит: «I have killed the wind» («Я убил Ветер»). В начале сказки не рассказывается, почему умерли старшие братья героя, а в конце проясняется причина их смерти. Наконец, мы узнаем скрытую функцию сказки – это усмирение непогоды.

ATU210 распространен и на американском материке. В сборник «Пополь Вух», написанный в конце XVI в. в государстве Майя (Месоамерика), включен следующий миф. Его сюжет близок к сказке ATU210.

Миф Месоамерики

Творец создал первых людей, но у них не было ни души, ни разума. Тогда приключился потоп, и с неба полилась смола. Божество (орёл или сокол) прилетело и выдолбило у них глаза, другое божество (большая летучая мышь) прилетело и отрезало им головы, третье божество пришло и разбило их кости и нервы. Палочка, камень, глиняный горшок, собака, котёл и жёрнов начали говорить и бить их по лицам. Камни, сложенные у печи, полетели и стали бить их по голове. Люди разбежались кто куда. Когда они захотели подняться на дерево, то дерево отбросило их далеко. Так, бытовые предметы и животные наказали людей, неудачно созданных Творцом [Recinos, 1947, p. 22].

У индейцев северо-западного берега Северной Америки есть такая сказка [Kojima, 1987]. Южный ветер дует без перерыва, Ворон и другие животные страшно голодают. Ворон собирает животных и вместе с ними сражается с Южным ветром. Они строят лодку и отправляются к жилищу Южного ветра. По велению Ворона они нападают на Южный ветер. Когда ветер просит не убивать его, Ворон заключает с ним договор: в дальнейшем погода и непогода будут регулярно меняться.

Главные герои этой сказки – Ворон и его помощники-рыбы. Согласно японскому ученому И. Кодзима, данная сказка объясняет причину регулярной перемены погоды. Известно, что на Камчатке, Чукотке и на северо-западном берегу нового материка широко распространены мифологические сказки о Вороне, где Ворон ведет себя как человек. Иногда он действует как Творец, а иногда – как культурный герой или трикстер. Ворон в этой сказке господствует над животными; отправляется к Южному ветру, борется с ним и усмиряет свирепую непогоду.

Герой японской сказки «Момо-Таро» (Момо – ‘персик’, Таро – имя мальчика) попадает на остров, где живет Онí (злой дух). Мальчик с помощью трех животных (обезьяны, собаки и фазана) убивает Онí и возвращается с сокровищами. Есть версия, в которой герой возвращается с девушкой, заключенной злым духом на острове.

В сказке народов Мьянмы герой – мальчик-палец, рожденный от матери, ругавшей солнце при непогоде. Мальчик-палец отправляется в дорогу и по пути видит, как страдают люди от жары. Он с помощью друзей (бамбуковая заросль, мох и гнилое яйцо) уничтожает людоеда и затем нападает на солнце. Вдруг начинается сильный дождь и происходит потоп. Затем на земле воцаряется порядок.

Интересно, что мальчик-палец по пути раздает куски своей еды и получает помощников. Этот эпизод очень популярен в японской сказке «Момо-Таро». Т. Онохара заметил, что эпизод известен и в Тибете [Onohara, 2010, p. 161]. Там героиня – мать. Её сын неожиданно исчезает, и мать отправляется на его поиски. Т. Онохара пишет, что самое интересное в этой сказке то, что герой раздаёт свою еду всем встреченным на пути объектам и берет их в компанию. Этот эпизод широко распространен в КНР и на Корейском полуострове, в Японии он включен почти во все записи.

Заключение

Японская сказка ATU210 «Месть воробьихи» составляет вторую часть сказок «Борьба между обезьяной и крабом» и «Момо-Таро». Ее сюжет широко распространен от азиатского до американского материка. Этот факт подтверждает древнее происхождение текста.

У тюрко-монгольских народов есть цикл сказок о «маленькой героине» и среди них ATU210 [Бардаханова, 1974, с. 61; Тувинские народные сказки, 1994, с. 399; Кенин-Лопсан, 2007, с. 169–171]. Героиня – маленькая бабушка. Вдруг на нее нападает чудовище и уносит ее семью и имущество. По совету соседей она уничтожает чудовище с помощью друзей-веществ. У якутов тоже есть подобный вариант [Якутские народные сказки, 2008, с. 177–185]. В юкагирской сказке о «Маленькой старушке» концовка уникальная [Жукова, 2012, с. 217–220; Иохельсон, 2005, с. 350–354]. Старушка одолела людоеда с помощью предметов, отрубила ему голову и над телом соорудила ивовую юрту. На следующее утро лачуга старушки превратилась в прекрасный дом, а сама она стала красивой девушкой. В середине ивовой юрты сидел красивый юноша. Они поженились. По Л.Н. Жуковой, именно перерождение зла в добро постилирует юкагирская сказка, а не только победу над злом и его уничтожение [Жукова, 2012, с. 219].

В японской сказке «Момо-Таро» и в сказке народов Мьянмы встречается мотив чудесного рождения героя. В одном японском варианте из префектуры Акита помощники героя – юноши, рожденные от бамбука и камыша. В самом конце сказки один помощник превращается в одно божество той земли, а другой – в Фудо (буддийское божество). В нанайской сказке «Мала-мерген» помощники в финале превращаются в полезные детям существа. В одном варианте «Момо-Таро» герой спасает девушку, похищенную чертом, и берет ее в жены. Мотив женитьбы героя встречается и в нанайской сказке.

Мы пришли к выводу о том, что у народов Азии для усмирения свирепого божества и установления хорошей погоды широко рассказывалась сказка АТУ210. В жизни людей самый страшный противник – сильный ветер. В непогоду они собирались в одном жилище и рассказывали сказки. Вероятно, в такой же ситуации и рассказывали сказку АТУ210.

В японских материалах нет никаких прямых следов, свидетельствующих о их связи с усмирением погоды. Здесь обращаем внимание на одну деталь. В сказке «Месть воробьихи» воробьиха отправляется в дорогу, чтобы отомстить мифологическому существу, съевшему ее яйца. Что обозначает «съеден злым духом»? Не исключена возможность такой интерпретации, как «погиб из-за стихийного бедствия».

Относительно японского злого духа Онí нет определенного представления. Этнограф Г. Исибаси считает, что представление об Онí исходит из стихийных явлений: штормов, громов, землетрясений, действий вулканов и т.д. По его мнению, злой дух Онí рождается из-за огромной разрушительной энергии природных явлений и страха перед ними [Kon dou, 2010, p. 21]. И. Кондо высоко оценивает его мнение и приводит разные традиционные обряды, в которых вытупает Онí. В японских календарных обрядах часто стреляют из лука и стрелами уничтожают злого духа, желая хорошего урожая. Мужчины выпускают стрелы в цель, в центре которой написан иероглиф «Онí» или «злой дух». В обряде укрощения ветра на крыше дома или в саду ставят ствол бамбука, на конце которого привязан серп. Серп, обращенный к небу и угрожающий духу ветра, – не что иное, как шило или нож в сказках тунгусов и нивхов.

В.Г. Богораз пишет, что по чукотским представлениям каменные топоры и молотки, используемые

для промысла, сначала превращаются в людей, а потом опять в собственные существа и ложатся на свои места [Богораз, 2011, с. 48]. То есть даже у орудий, кроме обычной жизни, есть еще другая, тайная жизнь. В сказке АТУ210 без помощи животных и вещей герой не может победить в борьбе.

В Японии есть старинные сказки «Супруг-змея» и «Супруг-обезьяна». В них отец отдает свою дочь в жены чуждому людям супругу при условии, что он пустит воду на рисовое поле. Не исключено, что в древние времена в Японии такие сказки рассказывали при засухе.

Итак, мы видим, что сказки, направленные на восстановление хорошей погоды, широко распространены в соседних с Японией странах. В японских сказках («Месть воробьихи», «Борьба обезьяны и краба», «Момо-Таро») истинная цель отправления героя в путь скрыта, но сопоставительное изучение помогает обнаружить скрытый подтекст.

Литература

- Аврорин В.А.* Материалы по нанайскому языку и фольклору. – Л., 1986. – 256 с.
- Бардаханова С.С.* Бурятские сказки о животных. – Улан-Удэ, 1974. – 152 с.
- Березницкий С.В.* Этнические компоненты верований и ритуалов амуро-сахалинского региона. – Владивосток, 2003. – 482 с.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Религия. – М., 2011. – 194 с. (Eng. ed. 1912).
- Воскобойников М.Г., Меновщиков Г.А.* Сказки народов Севера. – М.; Л., 1951. – 667 с.
- Жукова Л.Н.* Очерки по юкагирской культуре. – Новосибирск, 2012. – 360 с.
- Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск, 2005. – 675 с.
- Кенин-Лопсан М.* Небесное зеркало. – Новосибирск, 2007. – 244 с.
- Мазин А.И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX–начало XX в.). – Новосибирск, 1984. – 200 с.
- Сайто К.* Сравнительное исследование японской сказки «Обезьяна и краб» с вариантами других народов // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск, 1994. – Вып. 3. – С. 62–78.
- Сираиси Н., Лок Г.Д.* Звуковые материалы для исследования нивхского языка. 1 // Endangered languages of the Pacific Rim. – 2002, A2-015.
- Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / сост. Г.А. Меновщиков. – М., 1974. – 646 с.
- Таксами Ч.М.* Нивхи. Этническая культура нивхов – аборигенов Тихоокеанского Севера и Дальнего Востока. – Новосибирск, 2007. – 227 с.

Тувинские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1994. – 445 с.

Чадаева А. Национальная игрушка. – Хабаровск, 1986. – 93 с.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. – Т. 3 – СПб., 1903. – 181 с.

Якутские народные сказки / сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухоплева и др. – Новосибирск, 2008. – 462 с.

IT (Inada K. Nihon mukashibanashi tsuukan (General Survey and Analysis of Japanese Folktales). – Vol. 1–31. – Kyoto, 1977–1998.

Bogoras W. Chukchee mythology. – Leiden, 1910. – 197 p.

Kojima I. Mukashibanashi no ruikai no henshi // Kankoku Nihon no setsuwa kenkyu. – Inha University, 1987. – 354–361 p.

Kondou I. Nihon no oni. – Tokyo, 2010. – 411 p.

Kubodera I. Ainu jojisi shin'yo, seiden no kenkyu. – Tokyo, 1977. – 790 p.

Onohara T. Tippetozoku no mukashibanashi to «Mototaro» // The Japan Society of Folk-Literature and Traditions. – Vol. 18. – 2010. – 158–169 p.

Otaina G. A. Нивхский фольклор // Sahalin no shousuu minzoku. Educational Department of Yokohama National University. – Yokohama, 1993.

Recinos A. ed. Popol Vuh: las antiguas historias del Quiché. – Mexico, 1947. – 375 p.

Saito K. Tsungusu no «Saru kani gassen». 2 // Narod. – Vol. 22. – Tokyo, 1991. – 37–45 p.

Saito K. Kondon-mura no kaiitan. – Chiba University. – Chiba, 2008. – 41 с.

Kimiko Saito

«Revenge of the sparrow» Magical importance of Japanese fairy tales. Comparison with tales of the peoples of Northeast Asia

The purpose of this article is an elucidation of secret meaning of the Japanese fairy tale "Revenge of a sparrow" (ATU210). In Asia this type widely extends. To open secret meaning, it is necessary to compare it to versions of neighboring nations. Also it is necessary to find the connection of the fairy tales with calendar ceremonies and folk beliefs. Through such procedure we come to one conclusion: An opportunity isn't excluded that the Japanese fairy tale "Revenge of a sparrow" in ancient time was told to stop terrible wind and to restore bad weather.

Keywords: destruction of an evil spirit, restore of weather, wind ceremony, souls of tools and maters, supernatural birth.

УДК 398.54:82-31

Д.Е. Васильева

Эпические традиции в романе Н.М. Петрова «Отзвуки тех лет»

В статье анализируется роман Н.М. Петрова «Отзвуки тех лет». Автор находит много общего с традициями олонхо, что проявляется в столкновении племен из-за территориальной и материальной заинтересованности, в трактовке основных героев, в сходстве сюжетно-композиционного построения, в толковании образа коня, который представлен как существо возвышенное и божественное.

Ключевые слова: эпос олонхо, столкновение разных племен, борьба добра и зла, похищение невесты, трактовка образа коня, предводитель рода.

Начинающий автор Николай Макарович Петров в 1994 г. опубликовал роман «Отзвуки тех лет», который он написал на историческую тематику, основываясь на эпических традициях олонхо.

В первой книге романа писатель описывает кризисные времена эпохи «кыргыс», когда происходили стычки из-за борьбы лучшие территории, охотничьи угодья и т.д. Николай Петров убедительно раскрывает трагичность положения разных племен, не желающих жить под властью хангаласцев. Эти люди предпочли лучше уйти далеко на север, чем попасть в полную зависимость от воли своих соседей, особенно от воли наиболее зажиточной части народа саха – хангаласцев.

Произведение написано в традициях семейно-биографического романа с приключенческими элементами.

© Д.Е. Васильева, 2016

Опираясь на сюжетобразующие мотивы эпических произведений, Н.М. Петров описывает чудесное рождение сына Дархана. Его отец – великий представитель из большой патриархальной семьи Тюсюлгэ Дархан, по преданиям был женат трижды. Эти жены ни разу не осчастливили его рождением сына. Но третья жена разрешила этот внутрисемейный конфликт путем совершения обряда зачатия сына, продолжателя жизни ее мужа и его сородичей. К этому мальчику с юных лет обращались с большим почтением: Дархан Тойон! Величали его все родственники и сородичи. Действительно, его внешний облик говорил о том, что он потомок благородных кровей. Шаманы и военные предводители хангаласского рода требовали от мальчика Дархана умения стрелять без промаха, сражаться копьем, нырять, как рыба, обуздать коня, на скаку отлично стрелять во все четыре стороны, молниеносно подниматься вверх по гористой местности, спускаться, не спотыкаясь, ловко уворачиваться от стрел с иглой или горячим углем, быть хладнокровным, спокойным и др. Верные друзья Дархана тоже отличались военной сноровкой, преданностью и верностью своему молодому хозяину.

Для богатыря Дархана земля, на которой живут хангаласцы, – это место его сородичей, и он не понимал причин внутривидовых и межродовых противоречий. Он был готов мстить за обиду, нанесенную его деду людьми из племени хангылов, которая послужила причиной ранней смерти его деда. Также ему не по душе были слухи в адрес племени саха, обвиняющие их в распространении разных болезней и пр.

Однажды, объезжая изобильный праздник ысыах, Дархан знакомится с хосууном из другого племени, с прославленным тунгусским воином Бэгином. Предки Бэгина в прошлом нанесли его деду Аан Татыйыку и всем хангаласцам большую обиду, поэтому Дархан уклончиво отвечает на приглашение Бэгина посетить его стойбище: «Завтра видно будет... Куда повернет голову мой конь, туда и поеду». В этой части романа начинается завязка сюжета. На следующий день, по своей доброй воле или же по велению Высших божеств, Дархан принимает предложение Бэгина посетить его стойбище.

Автор романа Н.М. Петров знакомит читателей с предводителем племени тунгусов Йульги. Тот сравнивает народ саха со своими сородичами. Саха раньше жили в теплых краях, однако в

результате междоусобных войн они ушли с родных мест и поселились на земле Великой Туймаады. Якуты стреляют хуже, чем тунгусы, не могут сражаться в лесной зоне. Однако они великолепно сражаются верхом на коне в открытом месте. В этом романе кони наделяются волшебными качествами, как в олонхо. Владыка тунгусов Йульги восхищается чудодейственными песнями-тойуками якутов, которые могут исцелять и влиять на человеческую душу, помогают приумножать богатство как свое, так и потомков. Но в конце беседы Йульги вспомнил о состязаниях и единоборстве с якутами и с гордостью рассказал о своей ловкости и физическом превосходстве над сородичами Дархана.

Далее сюжетное развитие романа еще больше углубляет мифологический мотив повествования. Дархан, как и фольклорный герой Юрюнг Уолан, должен помочь девушке из хангаласского племени бежать от Бэгина. Внутренний конфликт с тунгусами у Дархана углубляется: меткой стрелой он убивает Бэгина. Тунгусы поклялись отомстить за это: «Бэйэтиттэн ситиспэтэх-питинэ, бэдэриттэн ситиһиэхпит!» (досл.: если не вы, то ваши дети ответят за это, или: если не вам отомстим, то вашим детям). По обычаю эпических героев, единоборство с Бэгином Дархан расценивает, как борьбу добра и зла. В его действиях мы видим нравственно-этические качества людей, воспитанных на традициях якутского эпоса олонхо. Похищение невест, красавиц и т.д. давно бытует в якутском фольклоре. Но времена меняются, и сородичи Дархана расценили поступок своего богатыря не как воплощение добродетели, а скорее наоборот – они испытывали некий страх перед предстоящей схваткой с людьми другого племени.

По мере развития сюжета романа все понимают, что за проступок Дархана должны расплачиваться не только он, но и его сородичи. Вскоре дальновидный владыка Тюсюлгэ отправляется в стойбище Йульги, чтобы решить конфликт мирным путем. Глава семейно-родовых кланов тунгусских племен Йульги, прошедший через междоусобные конфликты и кровавые битвы, предпочитает разрешить эту проблему таким же путем. Якуты и тунгусы знали друг друга давно. Они часто ссорились из-за плодородных пастбищ, из-за путаницы табунов лошадей, скота и т.д. Иногда якуты навевались в места, где жили тунгусы. Однако Йульги знал, что саха по сути своей до-

брый и трудолюбивый народ и потому, прощаясь с ними, он благословил их. Однако среди тунгусов были такие, как Биазак, который адресовал якутам проклятия, хотя среди соплеменников Бэгина такие недоброжелательные люди, как Биазак, встречаются редко. Владыка Тюсюлгэ, желая установить мир и дружбу с тунгусами и между всеми родами народа саха, устраивает пышный праздник Ысыах – ысыах изобилия, праздник встречи солнца и цветения природы. Как установилось с незапамятных времен, участники Ысыаха, прежде всего, состязались в играх тустуу и хапсагай. Эти два вида всегда упоминаются в эпосе олонхо. Дальнейшее развитие сюжетной линии приводит повествование к его кульминационной развязке. В ней читатель узнает о трагической гибели Дархана от рук боотура тунгусов Гаанди. По обычаям тунгусов, тело погибшего должно было предаваться огню, об этом говорила шаманка-чародей Ичэгэт: «Сахалар буор куттаахтар, буор куттара куустээх куттара. Буорга комулуннэхтэринэ хос торуу тураллар» (досл.: если земная душа попадает в землю, то она возродится) (с. 302)*.

В этой части сюжетного развития представляет интерес описание поведения коня Дархана. Конь Дархана предугадал трагическую участь своего хозяина: «Ат ынырыктаахтык кыланаат, туора ойдо, тоттору бурдааттанан куотан иһэн, ол курдук баран турар, сири табыйар, кистиир» (досл.: заржав, скачет в другую сторону, останавливается и бьет копытами землю) (с. 296).

В якутском олонхо конь обладает волшебными способностями, физическими и ментальными данными. Например, в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. Ойунского богатырский конь не сравним с лошадьми обычных людей. Поэтому в литературах многих народов, особенно в тюркских, кони имеют божественное происхождение и участвуют в земной жизни своих хозяев. «Следует отметить, что у коневодов Арктики сохранились и до сих пор практикуются в повседневной жизни традиционные тексты культуры, направленные на прогнозирование будущего» [Романова, 2014, с. 7].

Проявив чудеса выносливости и упорства, конь молодого богатыря Дархана после гибели хозяина добирается до отчего дома. Враги преследовали коня, стараясь его убить ибо они

были уверены, что душа Дархана ярче всех слов рассказала бы о его трагической гибели в Каменных горах.

Испокон веков якутский героический эпос олонхо основывался на гуманной духовной культуре айыы дьоно, т.е. людей племени айыы, одной из характерных черт которых является почитание женщины-матери, прародительницы. Дьэдьэн Куо, спрятанная в горах, не отличалась особой красотой, но она была избранницей бога, и ей было предназначено родить наследника Дархана – будущего предводителя хангаласского рода. Н.М. Петров, опираясь на легенды и сказания якутского народа, описывает чудесное рождение сына Тойона хангаласцев Бадьяайы Тюсюлгэ Дойдуса Дархана и его внука Тыгына (Тыгына Дархана).

В романе широко и многогранно отражены национальная действительность и национальный характер. По мере развития сюжетной линии показаны их изменение и динамика в зависимости от различных этапов социально-исторического развития жизни народов Севера. Для произведения характерны фольклорно-этнографический стиль и некоторая притчеватость.

Главная сюжетная линия и побочные сюжеты развиваются с нарастающим напряжением. Стремление хангаласцев сплотить уранхай-саха в один большой род, становится весьма трудной задачей. Тойон Бадьяайы Тюсюлгэ Дойдуса перед смертью завещал передать власть его внуку Тыгыну – Тыгыну, так как видел в нем достойного продолжателя своего рода, способного объединить народ саха.

Таким образом, в романе Н.М. Петрова «Отзвуки тех лет» правдоподобно показаны времена межродовых и междоусобных конфликтов из-за материальной заинтересованности, из-за земельных притязаний – желания завладеть хорошими пастбищами.

Согласно историческим данным, хангаласский тойон Тыгын и его потомки были наследниками богатого тойона Дойдуса – Дархан. О нем академик А.П. Окладников писал так: «О Тупулгэ или Дойдупа – Дархане, т.е. Баджее, сохранилось воспоминание как об исключительно богатом скотоводе и могущественном властителе, имевшим много воинов, хамначитов и рабов, жившем на коренных хангаласских землях».

*Цитата приведена из романа Н.М. Петрова «Отзвуки тех лет». – Якутск, 1994.

Действительно, хангаласцы всегда стремились объединить все якутские уусы, при этом занять главенствующую роль и держать соседние роды под своей властью. Именно этим объясняется долгая, изнурительная борьба с некоторыми родами. «Но благодаря внуку Тюсюлгэ Дойдуса Дархана – Тыгын Дархану, удалось достичь частичной победы над врагами, но слишком тяжелой ценой и слишком поздно, когда его уже ожидает могила» [Окладников, 1949, с. 425].

Таким образом, в романе Н.М. Петрова, как и в романе В.С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан»,

на основе фольклорно-эпических и исторических материалов довольно правдоподобно и увлекательно отражены социальные и нравственно-этические проблемы далеких предков, их миропонимание и мировосприятие.

Литература

Романова Е.Н. Коневоды Арктики: «Конный мир на вечной мерзлоте» // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2014. – № 12 (9).

Окладников А.П. История Якутской АССР. – Т. I. – 1949.

D.E. Vasilyeva

Epic tradition in N.M. Petrov's novel «The echoes of those years»

In this article N.M. Petrov's novel «The echoes of those years» is analyzed. The author finds much in common with tradition Olonkho: in collision of different tribes because of a territorial and material interest, in treatment of the main heroes, in similarity of subject and composite construction, in treatment of an image of a horse which is presented as being sublime and divine.

Keywords: Epic Olonkho collision of different tribes, fight of the good and evil, bride kidnapping, the interpretation of the horse image, leader of sorts.

УДК 316.7+398-051(=512.157)

У.А. Винокурова

Социокультурные критерии определения творческого статуса олонхосута*

Предпринимается анализ современных нормативных правовых актов, определяющих статус олонхосута. Обосновывается методология коренных** учёных (Indigenous Methodology) по определению социокультурных критериев установления творческого статуса олонхосута. Предлагается использовать нормы Конвенции об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО для более расширенного толкования статуса олонхосута.

Ключевые слова: олонхосут, Indigenous Methodology, Конвенция об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, социокультурные критерии.

Определение статуса олонхосута, как ведущего актора эпического наследия народа саха, имеет важное значение для эффективной реализации задач, поставленных ЮНЕСКО при утверждении якутского героического эпоса Олонхо шедевром нематериального устного наследия человечества. Только при активной деятельности олонхосутов может быть идентифицировано, документировано, исследовано, сохранено, защищено, популя-

ризовано устное эпическое наследие и получена возможность для дальнейшего развития. Исходя из этого постулата нами предпринят анализ нормативных правовых актов, принятых Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Министерством культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия).

Согласно «Положению о носителе традиционной-якутской устной сказительской традиции и о

* Статья была озвучена на II Республиканском форуме «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI веке» (г. Якутск, 4 декабря 2015 г.).

** Так у автора.

присвоении звания «Олонхоһут»), утвержденному министром культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) за № 219 от 16 мая 2013 г., звание «Олонхоһут» присваивается носителю устной сказительской традиции, народному певцу-сказителю якутского героического эпоса Олонхо, который достиг высокого уровня профессионального традиционного исполнительства и имеет собственный репертуар эпических произведений. На звание «Олонхоһут» выдвигаются носители эпической традиции:

- «занимающиеся исполнительской деятельностью и умеющие исполнять олонхо по сложившейся у саха (якутов) вековой устной традиции сказительства;

- обладающие даром импровизации и высоким исполнительским искусством, эпическим пением (кылысах), красочностью и богатством художественного языка олонхо;

- владеющие свободным речитативным исполнением прозаической части сюжета, разнообразным исполнением песенных монологов персонажей олонхо;

- систематически пополняющие и имеющие собственный репертуар эпических произведений, находящиеся в постоянном творческом поиске;

- оказывающие методическую помощь исполнителям олонхо и педагогам-мастерам по обучению сказительскому искусству».

Как видно из данного положения, установлены пять критериев для определения статуса «Олонхоһут», из которых четыре касаются собственно сказительского мастерства, и лишь последний относится к социокультурной функции передачи сказительского мастерства последующим поколениям. Следующая недоработка Первого Десятилетия олонхо вытекает из ограничений этого Положения и состоит в том, что олонхосуты не стремятся ревитализировать письменные тексты 127 олонхо и 300 кассет аудиозаписей олонхо, хранящихся в архивах. Дело в том, что по требованию Положения олонхосуту может быть признан только тот, кто имеет собственный репертуар эпических произведений.

Данное Положение было разработано во исполнение Закона Республики Саха (Якутия) от 15 марта 2007 г. 3 N 887-III «О государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо на 2007–2015 годы» [Закон..., 2007], в ко-

тором предусматривались создание условий для возрождения устной сказительской традиции, формирование эпической среды, поддержка деятельности сказителей-олонхосутов, создание системы для обучения детей сказительскому искусству, пропаганда и распространение олонхо. В перечне индикаторов эффективности мероприятий по реализации Программы отсутствует индикатор «увеличение количества сказителей-олонхосутов». Это обстоятельство позволило не ставить цель расширенного воспроизводства олонхосутов как носителей традиционно-якутской устной сказительской традиции.

В Подпрограмму II вышеуказанного закона под названием «Защита, хранение и обеспечение сохранности эпического наследия» внесен пункт о необходимости «физического» сохранения Олонхо на всех типах носителей: в виде рукописного текста, аудио-, видеозаписи, киноленты и др., а также принятия ряда нормативных документов для создания и внедрения системы ЮНЕСКО «Живые человеческие сокровища» в РС (Я). В Подпрограмме III «Сохранение и возрождение аутентичной устной эпической традиции в Республике Саха (Якутия)» предусматривается профессионализация в возрождении аутентичной устной эпической традиции посредством деятельности наставников, учителей-мастеров, мастеров-мастеров, исследователей-эпосоведов, традиционных олонхосутов, носителей-олонхосутов и олонхосутов-исполнителей.

Прошло восемь лет со дня принятия Программы и закона. Сколько олонхосутов признано, воспитано или раскрыто за это время? Одной из недоработок Первого Десятилетия олонхо следует считать крайне ограниченное число ийэ-олонхосутов и олонхосутов, признанных профессиональным сообществом. Если до 1917 г. эпическим творчеством занимались более 700 олонхосутов, то за 10 лет ревитализации олонхо строгим критериям вышеназванного Положения соответствуют только четыре олонхосута. Возникает вопрос: как развивается олонхо без олонхосутов? Только силами наставников, учителей-мастеров, мастеров-мастеров, исследователей-эпосоведов, олонхосутов-исполнителей? И действительно ли таков результат Первого десятилетия Олонхо? И что следует предпринять во Втором Десятилетии олонхо?

Чтобы обосновать ответы на эти вопросы, следует изучить международные акты по охране нематериального культурного наследия. Какие за-

дачи были поставлены при признании ЮНЕСКО Олонхо шедевром устного нематериального культурного наследия человечества? Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Конвенция...], принятая 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, под понятием «охрана» предусматривает следующие действия: принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию; повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия. В рамках деятельности по охране нематериального культурного наследия каждое государство-участник стремится обеспечить по возможности самое широкое участие сообществ, групп и в соответствующих случаях отдельных лиц в создании, сохранении и передаче такого наследия, а также активно привлекать их к управлению таким наследием [Конвенция...].

Таким образом, в Конвенции об охране нематериального культурного наследия обозначены основные социокультурные критерии для определения творческого статуса олонхосута, дополняющие «Положение о носителе традиционной якутской устной сказительской традиции и о присвоении звания “Олонхоһут”». Олонхосут должен заниматься передачей наследия, то есть исполнять олонхо, сохранившиеся в архивах, должен участвовать непосредственно в изустной передаче мастерства олонхосута молодому поколению, то есть заниматься личной преподавательской деятельностью, а также участвовать в управлении процессом охраны олонхо.

Можно установить различные категории, степени или дополнительные характеристики – ийэ олонхосут, олонхоһут-уһуйааччы, олонхоһут-чинчийээчи, олонхоһут-тэрийээчи и т.д. По мере исторического развития эпической культуры углубляется профессионализация и приобретение профессиональных знаний, умений и навыков профессионального искусства.

Используя миро-системный анализ, предпринятый Е.О. Новожиловой для исследования социогуманитарных проблем развития общества в процессе экологической трансформации [Ново-

жилова, 2015], можно утверждать, что олонхо было создано в экосистемном обществе.

Характерными особенностями экосистемных сообществ являются их изолированность; использование domesticiрованных видов животных как инструментов преобразования естественных экосистем; созидательный труд посредством безотходных экофильных способов и пиротехнологий; использование энергии биомассы. Люди воспринимали себя частью экологического равновесия, устраивая свою жизнь по естественному круговороту природы. Их главными ценностями были забота о Земле и взаимопомощь сообщества.

Вторая экологическая трансформация создала общество биосферных людей с антропоцентричным мировоззрением, занятых переделыванием природы, глобальным расселением за пределы локальных экосистем. Основными сферами трудовой деятельности стали промышленность и коммерция, а созданные ими линейные технологии вытеснили круговороты вещества, привели к истощению ресурсов и образованию отходов. Инструментальный подход к природе превратил Землю в товар, в средство удовлетворения всевозрастающего спроса людей. Потребление неживой энергии, ископаемого топлива привело к колоссальному неравенству. А мир вещей, артеприродная среда превратили человека в своего раба, требуя непрерывного приложения внимания и ресурсов, создавая иллюзию безопасности посредством денег и власти, контроля над часовым временем. Кризис этого биосферного общества мы наблюдаем во всех техногенных цивилизациях.

Наступающая третья экологическая трансформация ведет к формированию сообществ ноосферных людей, стремящихся к созданию новой экономики биотехнологической эпохи, информационных, когнитивных биотехнологий, к экологизации производства и образа жизни, укреплению ноосферных ценностей экологической цивилизации. По сути на новом историческом витке оказываются востребованными ценности экосистемных сообществ коренных народов. И в этом смысле олонхо приобретает «второе дыхание» ноосферного сознания, воспитывая в людях миросистемное видение взаимосвязанности всего сущего, утверждая экософию и духовные ценности Жизнетворчества на планете. Следовательно, функции олонхосута наполняются содержанием в соответствии с понятием «охрана» в Конвенции

об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Разработка научного обоснования содержания статуса олонхосута может быть основана на методологии коренных учёных. Следует отметить, что социогуманитарные исследования преимущественно основываются на методологии западноевропейских теорий. Под их влиянием якутские исследователи как представители коренных народов не могут в полной мере реализовать «взгляд изнутри» (inside), то есть под парадигмой Indigenous methodology, использовать полученные знания для улучшения понимания и управления судьбой и культурным наследием коренных народов. Такая ситуация закрепляется прежде всего потому, что в профессиональном обучении в высшей школе отсутствуют образовательные дисциплины по Indigenous methodology, нет институционализации объединения разрозненных усилий преподавателей и исследователей, представителей коренных народов, ведущих научно-образовательную деятельность в статусе коренных ученых (indigenous scholars).

Процессу самоидентификации коренных народов способствовали Декларация ООН о правах коренных народов (13.09.2007), а также признание статуса традиционных знаний в качестве интеллектуальной собственности коренных народов Всемирной организацией интеллектуальной собственности. Защита традиционных знаний от неправильного толкования, злоупотребления; утверждение интеллектуальной независимости становятся актуальными направлениями деятельности коренных учёных, развивающих Indigenous methodology.

Сферы интеллектуальной собственности коренных народов исходят из ценностей эпистемологии коренных народов, воспринимающих мир в целостности и взаимосвязи отношений человека с духами предков, природных явлений, животного мира, и распространяются на следующие виды современных наук:

- национальные виды спорта, игр, этносport;
- национальные, календарные праздники, ритуалы, обряды;
- топонимика,
- антропонимика;
- народная медицина;
- этнобиология, этноботаника;
- народная космология;
- народная метеорология;

- культура проживания в изолированных общностях и пространственной изоляции;

- энергоинформационные процессы в высоких широтах планеты;

- науки о земле: дух места, сакральные места, места силы;

- феномен шаманизма;

- кочевой образ жизни;

- культура обеспечения безопасности жизни в условиях вечной мерзлоты, пустыни, высоких широт;

- добывание продуктов питания и национальные кухни;

- одомашнивание животных;

- этнопедагогика, этнодидактика;

- языки, фольклор, эпос;

- этномузыка и т.д.

Методология коренных учёных позволяет ввести в научный оборот понятия из культуры коренных народов, сформулировать соответствующую эпистемологию термина и обогатить мировую науку интеллектуальным, культурным, лингвистическим достоянием соответствующего народа. В этом плане понятие «олонхосут» нуждается в более адекватной эпистемологической интерпретации и тщательном отборе критериев его определения в соответствии с интеллектуальными и культурными традициями народа саха в контексте международных актов по охране культурного наследия.

Для дальнейшего закрепления проделанной работы в Первом Десятилетии олонхо и продолжения продвижения эпического наследия в мировом и российском, культурном, научно-информационном и образовательном пространстве необходимо продолжение и принятие Концепции Второго Десятилетия олонхо. Идеологической основой этой концепции может стать идея консервативной эволюции в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. [Стратегия...]. В Стратегии чётко обозначены основные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности и моральные нормы народов России в качестве фундамента безопасного развития Российского государства. Эти ценности и нормы являются неотъемлемым наследием, воспроизводимым в эпическом творчестве, в том числе и олонхо. Таким образом, основываясь на международных и российских стратегических задачах, следует признать приоритетными направ-

лениями деятельности по защите, сохранению, возрождению, изучению, развитию и популяризации олонхо в республике и за ее пределами следующие направления:

1) внедрение системы ЮНЕСКО «Живые человеческие сокровища»;

2) сохранение и возрождение аутентичной устной эпической традиции; профессионализация в сфере эпической традиции – создание рабочих мест в учреждениях культуры и искусств, в центрах дополнительного образования – это штаты ийэ-олонхосутов, олонхосутов-исполнителей, олонхосутов-наставников, юных и молодых олонхосутов, олонхосутов-педагогов, олонхосутов-мастеров дополнительного образования, постановщиков олонхо, артистов Театра олонхо, художников олонхо, организаторов представлений олонхо, олонхосутов-алгысчытов, исследователей олонхо и эпического наследия народов Якутии и т.д. Дальнейшее развитие Театра Олонхо и современных форм выражения эпоса;

3) создание фольклорной и языковой среды, поддержка целевых программ улусов, деятельности Домов Олонхо, где будут сосредоточены самобытные локальные духовная и материальная составляющие всей этнической культуры народа, в том числе олонхо;

4) внедрение педагогики олонхо – обучение сказительскому искусству олонхо посредством включения педагогики олонхо в учебные планы ДОУ, СОШ, ДОО, оснащение образовательных организаций игрушками (куклами) по мотивам олонхо, кабинетами олонхо, включающими интерактивно-программный комплекс и учебно-методическую литературу, расширение сети летних школ исполнителей олонхо, этноцентров «Педагогики Олонхо»;

5) защита, хранение и обеспечение сохранности эпического наследия;

6) республиканский Ысыах Олонхо;

7) создание Международного центра Олонхо;

8) инновационный проект «Земля Олонхо».

Наиболее значимый эффект от реализации Концепции – это выявление и поддержка олонхосутов и всех, кто занимается созданием эпической среды: ийэ-олонхосутов, олонхосутов-исполнителей, олонхосутов-наставников, юных и молодых олонхосутов, олонхосутов-педагогов, олонхосутов-мастеров дополнительного образования, постановщиков олонхо, артистов Театра олонхо, художников олонхо, организаторов представлений олонхо, олонхосутов-алгысчытов, исследователей олонхо и эпического наследия народов Якутии. Только благодаря методологическому подходу коренных ученых и систематически поставленной работе по возвращению олонхосутов с малых лет будет достигнуто увеличение количества самобытных сказителей-олонхосутов и исполнителей олонхо,

Источники

Закон Республики Саха (Якутия) от 15.03.2007 436-3 №887 «О государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо на 2007–2015 годы / <http://zakon.7law.info/legal2/se2/pravo2055/index.htm> (дата обращения: 17.01.2015).

Конвенция об охране нематериального культурного наследия/ Принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры www.un.org/ru/documents/decl_conv/.../cultural_heritage_conv.shtml

Новожилова Е.О. Социально-исторический процесс: экологическое измерение (социально-историческая экология): дис. д-ра социол. н. – СПб.: СПбГУ, 2015. http://spbu.ru/dissert2/dissert/Novozilova_dissertacia.pdf (дата обращения: 20.11.2015).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 10.01.2016).

U.A. Vinokurova

Social and cultural criteria for determining creative status of olonkho-teller

It is undertaken analysis of Contemporary legal acts determining the status olonkho-teller (olonkhosut). Indigenous Methodology is provided in order to determine social and cultural criteria for creative status of olonkho-teller (olonkhosut). The writer suggests the provisions of the UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage to be used for an extensive interpretation of the olonkho-teller (olonkhosut) status.

Keywords: olonkho-teller (olonkhosut), Indigenous Methodology, UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, Social and cultural criteria.

В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова

Олонхосуты – носители и хранители живой эпической традиции

Настоящая статья посвящена олонхосутам – носителям и хранителям эпической традиции народа саха, тем, кто создал и сохранил эпические тексты о богатырях айыы и донес до нас якутский героический эпос, ставший шедевром устного нематериального наследия человечества.

Ключевые слова: олонхо, олонхосут, эпическая традиция, сказительство, эпос, искусство, эпический репертуар, носитель, хранитель.

В мировой и отечественной фольклористике проблема сказительства всегда стоит в центре внимания исследователей. Достаточно вспомнить фундаментальные исследования ученых-фольклористов с мировым именем А.Б. Лорда [1994], К. Райхла [2008], Б.Н. Путилова [1997], В.М. Гацака [1989], посвященные теории устной сказительской традиции. Исследования сказительской традиции, индивидуального вклада в коллективное творчество, эпического мастерства всегда привлекали внимание фольклористов, известных ученых тюрко-монгольских народов, таких, как Р.З. Кыдырбаева [1984], Р.А. Шерхунаев [1977], Н.Ц. Биткеев [1982], С.С. Суразаков [1985], Т.М. Мирзаев [2008] и другие.

Богатейший фактический материал об якутских олонхосутах – хранителях и носителях эпического наследия – собран якутскими фольклористами – собирателями-энтузиастами Е.Д. Андросовым (Таттинский улус), В.Ф. Ермолаевым (Чурапчинский), Н.Т. Степановым (Нюрбинский), М.З. Сивцевой, С.Т. Ивановой и др. В связи с проведением ысыаха олонхо по улусам издается антология олонхосутов, в которой помещаются биографические сведения о сказителях, их репертуарный список, а также воспоминания об известных олонхосутах. Исследования В.В. Илларионова [1982; 2006] и его учеников А.А. Кузьминой [2014], Н.А. Оросиной [2015] имеют большое значение для освещения не только жизни и творчества эпических певцов, традиционных форм обучения будущих олонхосутов, взаимоотношений между певцом и аудиторией, наставником и учеником, но и решения таких теоретически значимых вопросов эпического творчества, как локальные особенности сказительства и школы сказителей, традиция и импровизация, эстетические взгляды народных сказителей и особенности эпи-

ческого репертуара. В данной статье мы вкратце охарактеризуем олонхосутов как хранителей и носителей живой эпической традиции.

Исследуя личности олонхосутов и их искусство, суммируя анкетные данные эпических певцов 40-х и 70-х гг. XX в., мы собрали биографические сведения о более чем 500 олонхосутах, которые имели свой эпический репертуар и сказывали перед аудиторией [Илларионов, 1982, с. 8].

В конце XX в. энтузиасты-краеведы Е.Д. Андросов, В.Д. Ермолаев, М.З. Сивцева (Усть-Алданский), И. Алексеев (Амгинский) занимались сбором материалов о сказителях своего улуса. В них можно найти много новых сведений о легендарных олонхосутах И.Н. Винокурове-Табакхырове, Н. Малгинове-Көтүөхэ уола, Н.Т. Абрамове (Таттинский улус), И.Г. Теплоухове-Тимофееве, И. Новгородове, И. Платонове (Чурапчинский), П.А. Охлопкове-Наара Суох, Д.М. Говорове, Р.П. Алексееве (Усть-Алданский), Т.В. Захарове-Чээбий, Е.Е. Иванове (Амгинский), С.Н. Каратаеве-Дыгыйар, С. Менкярове (Виллойский) и мн. др. Они старались охватить всех сказителей, начиная с XIX в. и до наших дней. К примеру, В.Д. Ермолаев пишет: «Со второй половины 19 века до 50 – 60-х гг. 20-го века, т.е. в течение одного столетия, в Чурапчинском районе прожили, своим искусством радуя людей, около 170 олонхосутов» [Ермолаев, 2015, с. 31].

С момента признания олонхо шедевром устного нематериального культурного наследия человечества олонхосуты стали цениться как носители, хранители олонхо, в связи с чем усилилась работа по сбору материалов о каждом из них. Как гомеровскую «Илиаду» знают во всём мире, так и наше олонхо должно дойти до слуха многих народов планеты. Одним из направлений интенсивной работы наших исследователей по переводу,

изучению, популяризации олонхо является организация и проведение ысыахов олонхо, ко всему ещё и стимулирующих работников культуры на деятельность по увековечению олонхо. Можно назвать специалистов культуры из Сунтарского улуса Г.А. Самойлову, Еремееву («Сунтар – страна олонхо»), из Горного улуса Е.А. Семёнову («Память со священным символом»), из Нюрбинского улуса Р.Н. Николаеву и к.ф.н., научного сотрудника ИГиПМНС А.А. Кузьмину («Благословенным путём»), выпустивших сборники с информацией об олонхосутах, основанной на архивных документах, исследованиях учёных, воспоминаниях современников. Хочется надеяться, что аналогичная работа по популяризации олонхосутов будет проводиться и в других районах республики. Целенаправленная работа по исследованию жизни и творчества олонхосутов подтверждается выпущенными трудами: «Искусство якутских олонхосутов» [Илларионов, 1982], «Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо» [Илларионов, 2006б], «Сказительство в системе фольклорной традиции народа саха» [Илларионов, 1997], «Волшебный мир олонхо» [Илларионов, 2006а], в которых олонхосут рассматривается не только как последователь традиций, носитель, хранитель, но и как первое лицо в деле увековечения и дальнейшего развития олонхо. Олонхосут – личность, талант, которому дарован свыше. Особо одарённому олонхосуту известен сакральный код живого слова, скрытый в олонхо, который недоступен простому смертному. Благодаря таким людям возникло олонхо, берущее истоки из мифологии и религии. Этот шедевр устного народного творчества, дошедший до нас из глубины древних веков, может расцениваться как энциклопедия народа саха.

Уже с середины 1940-х гг. общественный интерес к исполнительскому искусству олонхосутов постепенно угасал, исчезала привычная эпическая среда. Очень редко стали слушать олонхо в семейном кругу. Певцов и олонхосутов больше привлекали к художественной самодеятельности, где отрывки из олонхо исполнялись в виде концертных номеров. Иногда силами самодеятельных коллективов с участием олонхосутов ставились на сельских клубных сценах инсценировки по сюжетам и мотивам олонхо. В те годы олонхосуты и народные певцы С.А. Зверев-Кыыл Уола, Н.И. Степанов, П.П. Ядрихинский, Е.Е. Иванова, И.И. Бурнашёв-Тонг Суорун, У.Г. Нохсоров, кото-

рых мы считаем настоящими олонхосутами – *ийэ олонхоһут*, принимали активное участие в художественной самодеятельности, в конкурсах олонхосутов и народных певцов, организуемых Министерством культуры, выступали на улусных и республиканских фольклорных фестивалях народов Якутии.

Среди якутских сказителей, певцов советского периода, особое место занимает заслуженный деятель искусств ЯАССР, заслуженный работник культуры России С.А. Зверев-Кыыл Уола (1900–1973).

Он отличался разносторонними дарованиями и большой творческой активностью: сказитель-импровизатор, замечательный исполнитель народных песен, знаток напевов и народных танцев и в то же время артист-самородок, деятель народного театра и художественной самодеятельности, руководитель самодеятельных коллективов и ансамблей [Илларионов, 1982].

С.А. Зверев прошел сложный путь от сказителя до поэта, от рядового исполнителя народных песен и танцев до заслуженного деятеля культуры. Его жизнь и творчество – яркая иллюстрация тех глубоких изменений, которые происходили в развитии народного творчества в советскую эпоху. Похожие биографии имеют принятые в Союз писателей Якутии олонхосуты Н.И. Степанов, Е.Е. Иванова, П.П. Ядрихинский, создавшие произведения на современные темы.

Творческой активностью отличался известный народный певец и олонхосут Устин Нохсоров. Он тоже работал в якутском театре в качестве режиссера-ассистента и артиста, принимал самое активное участие в постановке первой музыкальной драмы «Нюргун Боотур». Сам записал свое олонхо «Сын лошади Дьырай Бэргэн», сюжет которого Н.В. Емельянов считает самым архаическим [Емельянов, 1983, с. 98; Илларионов, 1997; Мухоплева, 2008].

В.О. Каратаев был одним из тех олонхосутов, которые продолжили устные сказительские традиции и в конце XX в., несмотря на то, что глубокие изменения в общественной и культурной жизни не благоприятствовали живому бытованию эпического творчества. В то время таких олонхосутов осталось очень мало.

Можно также назвать С.Г. Алексеева (1900–1995), Н.М. Тарасова (1929–2002) из Горного улуса, Д.А. Томскую (1913–2008) из Верхоянского, П.Е. Решетникова из Таттинского улуса (1929–

2013) и А.Е. Соловьева из Олекминского улуса (1935–2012).

Однако люди, обладающие даром певца, в том числе и молодежь, до сих пор стремятся овладеть искусством олонхосута. Так, в наши дни развили свой эпический талант такие выдающиеся участники художественной самодеятельности, как Кирилл Никифоров (1934 г. р.), Николай Сафонов (1929 г.р.), Лидия Афанасьева (1936 г. р.) и другие, которые в детские годы слышали исполнение олонхо. Тяга к сказительству еще жива, но безвозвратно утеряна эпическая среда.

В последние десятилетия появилась возможность фиксировать сказания олонхосутов с помощью аудио- и видеозаписей. Домом народного творчества Министерства культуры Республики Саха (Якутия), Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН ведется работа по возрождению устных эпических традиций олонхосутов и творчества сказителей малочисленных народов Севера. Кроме традиционного устного сказывания олонхо, практикуются исполнение эпических произведений по письменным текстам (в передачах радио), постановки инсценировок по мотивам олонхо в художественной самодеятельности, фольклорных ансамблях и государственных драматических театрах республики. Так, была осуществлена запись олонхо П.А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» на грампластинку в исполнении народного артиста Республики Саха и заслуженного артиста РФ Г.Г. Колесова, которая сразу же стала популярным диском в фонотеке якутов. Указом Президента РС (Я) ему посмертно присвоено звание лауреата Государственной премии имени П.А. Ойунского.

В последние годы разнообразной стала и публикация олонхо. Предпринято академическое двуязычное издание сказаний «Строптивый Кулун Куллустуур» И.Г. Теплоухова-Тимофеева, «Кыыс Дэбилийэ» Н.П. Бурнашёва, «Могучий Эр Соготох» В.О. Каратаева. На якутском языке опубликованы олонхо «Богатырка Джырымына Джырылыатта» П.П. Ядрихинского, «Летающий Мюлгюн» Д.М. Слепцова, «Кюн Эрили» Н.И. Степанова, «Дьоргостой Бэргэн» Н.К. Шамаева.

В период возрождения национальных традиций и даже раньше непрерывно велась творческая работа с олонхосутами исследователей эпоса и энтузиастов-собирателей (хотя и не так активно, как хотелось бы). Об этом свидетельствуют следу-

ющие факты: в г. Якутске в 1977 и 1986 гг. состоялись всесоюзные конференции, а в 1994 г. – Международная лордовская конференция; совместно с Домом народного творчества Министерства культуры были организованы республиканские мероприятия по работе с народными сказителями (конференции, конкурсы, фестивали, выступления по радио и телевидению и т.п.). В первые годы проведения фольклорных фестивалей и конкурсов доминировало старшее поколение олонхосутов, известных широким массам своим исполнительским искусством, среди них, например, В.Н. Попов (Намский улус), В.Д. Егоров (Нюрбинский улус), А.Т. Титаров (Верхневиллюйский улус), А.П. Амбросьев (Сунтарский) С.Г. Алексеев-Уустарабыс (Горный улус), Д.А. Томская (Верхоянский улус). В это же время выступали и более молодые их собратья – В.О. Каратаев, А.С. Васильев (Виллюйский улус), М.Г. Соров (Таттинский улус), С.С. Егоров (Нюрбинский), С.Г. Егоров (Сунтарский улус). В эпическом репертуаре перечисленных сказителей четко прослеживается сочетание импровизации и традиций, присутствуют традиционные формулы и типические места, тексты их олонхо отличаются сюжетным разнообразием. На смену им в 1980-е гг. пришли сказители, исполняющие олонхо под впечатлением эпической среды своих детских лет, – К.Н. Никифоров, Н.К. Шамаев, Н.И. Сафонов, Л.С. Афанасьева, которые свой репертуар создавали по памяти и старались закрепить его в письменном виде, эпический текст которых представляет олонхо с традиционным сюжетом и наличием эпических формул. Этот тип олонхосутов мы в свое время назвали *утум олонхоһут* – «передатчиками» традиционного сказания.

Вместе с тем появились олонхосуты, выросшие из художественной самодеятельности, – Е.М. Николаев, С.С. Егоров, Л.П. Новогодин, а также исполнители, заучивающие тексты олонхо по готовым письменным источникам и передающие их содержание слушателям посредством радио и телевидения, – Л. Саввинов, П. Харитонов и др.

Признание ЮНЕСКО якутского героического эпоса олонхо шедевром устного нематериального культурного наследия человечества 25 ноября 2006 г. стало важным историческим событием большого социокультурного значения в жизни Якутии.

29 декабря 2005 г. Президент Республики Саха (Якутия) В.А. Штыров подписал указ «О мерах по

сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо», согласно которому в республике 2006–2015 гг. были объявлены Десятилетием олонхо; старейшим олонхосутам Д.А. Томской, П.Е. Решетникову, позже А.Е. Соловьеву была назначена ежемесячная стипендия. Такое внимание Правительства РС (Я) к олонхосутам является свидетельством глубокого почтения и признания их талантов и заслуг. Они до последних дней жизни активно исполняли олонхо перед аудиторией, привлекая внимание молодых исполнителей якутского эпоса.

Объявление олонхо шедевром духовной культуры человечества стало толчком по ревитализации сказительского искусства олонхосутов. Каждый год регулярно проводятся конкурсы юных сказителей среди школьников «Я – дитя олонхо», а также среди студенческой молодежи – «Мунха олонхото», старшего поколения – «Уруйдан, улуу олонхо», что способствует распространению и популяризацию якутского героического эпоса.

На этих конкурсах в первую очередь учитывается исполнение олонхо в традиционной манере исполнения, что в какой-то степени стимулирует ревитализацию олонхо в современных условиях и создает в целом эпическую среду. Благодаря постоянной усиленной работе по сохранению и увековечению олонхо выявлены олонхосуты – носители и хранители устной сказительской традиции, такие, как П.М. Тихонов, обладатель гран-при международного фестиваля сказителей «По зову земли олонхо», проведенного в 2015 г. в г. Якутске, В.Н. Иванов-Чиллэ, Н.Е. Баишев, победители конкурса Ысыаха олонхо, В.Г. Исаков, А.М. Захаров, И.А. Григорьев, Н.И. Сафонов, Д.И. Кривошапкин, Н.П. Адамов, неоднократные победители фестиваля для сказителей старшего поколения.

Из молодых исполнителей олонхо сказительским искусством обладают Юрий Борисов, Айсен Федоров, Виталий Никифоров, Анисия Степанова, Анатолий Захаров, которые если будут заниматься упорно и постоянно исполнением олонхо, то со временем станут носителями и хранителями олонхо в XXI в., продолжателями устной традиции сказительства.

Наша цель – не ограничивать становление эпических певцов, носителей и хранителей олонхо, какими бы то ни было установками, предписаниями, но поощрять любую инициативу в раскрытии таланта сказителей.

Литература

Алгыстаах Айыы аартыгынан: ыйынныктар, ахтылар / хомуйан онордулар А.А. Дмитриева, Р.Н. Николаева. – Дьокуускай: Бичик, 2012. – 160 с.

Андросов Е.Д. Таатта олонхохуттара, ырыахыттара. – Дьокуускай: Ситим, 1993. – I чааһа – 48 с.; II чааһа – 48 с.

Биткеев Н.Ц. Поэтическое искусство джангарчи: Эпический репертуар Эолян Овла. Певец и традиции. – Элиста, 1982.

Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. – М.: Наука, 1989. – 25 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов олонхо. – М., 1983.

Ермолаев В.Д. Дойдум сирин олонхохуттара уонна олонхолоро. – Дьокуускай: Алаас, 2015. – 256 с.

Илларионов В.В. Искусство якутских олонхосутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 128 с.

Илларионов В.В. Сказительство в системе фольклорной традиции народа саха. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. – 33 с.

Илларионов В.В. Волшебный мир олонхо. – Якутск, 2006а. – На якут яз.

Илларионов В.В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо. – Новосибирск: Наука, 2006б. – 191 с.

Кыдырбаева Р.З. Сказительское мастерство манасчи. – Фрунзе: Илим, 1984. – 120 с.

Кузьмина А.А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.

Лорд А.Б. Сказитель. – М.: Вост. лит., 1994. – 369 с.

Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М.: Вост. лит., 1963. – 462 с.

Мирзаев Тура. Эпос и сказитель. – Ташкент: Фан, 2008. – 410 с.

Мухоплева С.Д. Кирири тыл // Норуот ырыаһыта, олонхохут Устуун Нохсоороп / хомуйан бэчээккэ бэлэмнээтилэр В.В. Капитонова, Л.У. Нохсорова, Т.М. Нохсорова; эппиэттээх ред. С.Д. Мухоплева. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 192 с.

Олонхо биһигэр: Фольклорист И.В. Пухов төрөөбүтэ 100 сылыгар / хомуйан онордулар М.З. Сивцева уо.д.а. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 240 с.

Олонхолоох олох уустара / хомуйан онордулар М.З. Сивцева, С.В. Сысолятина, М.Н. Герасимова. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 240 с.

Оросина Н.А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск: Изд-во ИГиИПИМНС СО РАН, 2015. – 23 с.

Путилов Б.Н. Эпическое сказительство. Типология и эпическая специфика. – М.: Вост. лит., 1997. – 295 с.

Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура/ пер с англ. В. Трейстер; под ред. Д.А. Функа – М.: Вост. лит., 2008. – 383 с.

Сунтаар олонхо дойдута (ахтыылар, ыстатыйалар, эһэргэһиилэр) / хомуйан онор. Г.А. Самойлова,

Н.Е. Егорова, С.Ю. Еремеева. – Дьокуускай: Бичик, 2010. – 196 с.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985. – 255 с.

Шерхунаев Р.А. Певцов благородное племя. – Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1977. – 264 с.

V.V. Illarionov, T.V. Illarionova

Olonkho-teller – holders and custodians of the living epic tradition

This article is devoted to olonkhosut - holders and custodians of the epic tradition of the Sakha people, who from time immemorial have created and preserved the epic texts about Bogatyr Aiyy a living oral tradition and brought us the Yakut heroic epic, which has become a masterpiece of oral and intangible heritage of humanity.

Keywords: Olonkho, Olonkho-teller (olonkhosut), epic tradition, a storytelling, the epos, art, epic repertoire, holder, custodians.

УДК 398.2(=512.1)(093)

Р.Г. Кулиева

Типология образа женщины в героическом эпосе «Китаби Деде Коркуд» и олонхо

Статья посвящена женским образам в древнетюркском героическом эпосе «Китаби Деде Коркуд» и олонхо. В «Китаби Деде Коркуд» представлены женщины, которые на протяжении веков служили образцом для подражания. Галерея женских образов в «Китаби Деде Коркуд» достаточно обширна – это жены правителей и их сподвижников. Они под стать своим мужьям: верные, доблестные, бесстрашные. Кроме них в тексте эпоса представлены ещё и служанки, кормилицы, рабыни. Автор делит всех женщин на четыре типа. Женщина в олонхо – защитница племени, продолжательница рода. Это эпические образы, способные на подвиг. Защищая страну, они сражаются с богатырями. В женских образах олонхо, как и в тюркском эпосе, воплощены все три силы, характерные для восточного мироощущения: сила сохраняющая, сила разрушающая и сила созидаящая.

Ключевые слова: типология, женские образы, олонхо, тюркский эпос, восточное мироощущение.

В «Китаби Деде Коркуд» представлены женщины, которые на протяжении веков служили образцом для подражания, как, например, жена Газан хана Бурла хатун.

Галерея женских образов в «Китаби Деде Коркуд» достаточно обширна – прежде всего это жёны правителей и их сподвижников. Они под стать своим мужьям: верные, доблестные, бесстрашные. Кроме них в тексте эпоса представлены ещё и служанки, кормилицы, рабыни. Но самое интересное в этом эпосе то, что во вступлении автор – Коркут Ата (Отец Коркуд) – представляет нам четыре типа женщин. Самый положительный – третий тип – это опора дома, «эта та, которая, когда из степи в дом приходит гость, когда муж её на охоте, она того гостя накормит, напоит, уважит и отпустит. Это порода Айши и

Фатимы. Хан мой! Таких пусть тысячи вырастут, такая женщина пусть придёт к твоему очагу» [Книга моего деда..., 1962, с. 13]. Первый же тип женщин – тревоугодницы; жадные, ненасытные, злоязычные, проклинающие всё и вся. Второй тип не лучше – едва проснувшись, не умывшись, начинают гулять по становищу. И пока они гуляет, вороватая собака, кобыла, теленок переворачивают все вверх дном. О таких говорят: не дай Бог им приплода, не приведи Господь ни к какому очагу таких женщин. Четвёртый тип женщин сравнивают с ослицей пророка Ноя (произошли от ослицы пророка Ноя). Согласно Библии, в Ноев ковчег позже всех зашла ослица. И, по поверью, вместе с ней зашёл в ковчег и сатана, спрятавшийся под хвостом ослицы. Ослица, зная об этом, останавливается около дверей, не желая

© *Р.Г. Кулиева, 2016*

входить. Тогда Ной поворачивается к ней и говорит: «Ну, сатана, заходи!». Так, воспользовавшись приглашением, сатана входит в ковчег. Увидев сатану на борту, Ной удивлённо вопрошает: «О, известный, кто тебя пригласил на корабль?». На что сатана отвечает: «Сам пригласил, сказав: “Эй, сатана, проходи вовнутрь!” я и прошёл».

Соотнося четвёртый тип женщин с ослицей пророка Ноя, Деде Коркут полагает, что вместе с ней в дом вошла и нечистая сила. После потопа Ной сходит со всеми обитателями на землю. Приходят сватать его дочь. Сватов три, а дочь одна. Как ему быть? Тогда Господь Бог через Архангела Джабраила (Гавриила) предлагает запретить в хлеву дочь вместе с собакой и ослон. Ной выполняет приказ. Войдя в хлев на следующий день, сваты и Ной видят трёх девушек, похожих друг на друга, как две капли воды, ибо и ослица, и собака превратились в близнецов дочери Ноя. Даже сам Ной не смог признать свою дочь. И он выдаёт всех трёх за сватов. Проходят годы, и Ной решает навестить их. Каждый из мужей начинает характеризовать свою жену. «Жизнь с моей женой хуже мук ада», – говорит один из зятьев. Ной понимает, что эта дочь – перевоплощённая собака. Потом он приходит к другой дочери. Второй зять жалуется, что она никак не может наестся, не внимает его слову, не признаёт гостей, не соблюдает приличий и к тому же большая лентяйка. Ной понимает, что это переродившаяся ослица. Придя к третьему зятю, он становится свидетелем опрятности, благочестия и благоразумия своей настоящей дочери [см.: Бахлул Абдулла, 2009].

В «Китаби Деде Коркуд» женщины представлены белолицыми, чернобровыми, с ясными очами. Таковы Бурлахатун, Банучичек, Сельджанхатун, Богазджа Фатма. В целом это обширная галерея женских образов: Айша, Фатима, Залха, Зубейда, Урувейда (Уруза), Айна Мелек, Кутлу Мелек и др.

Важно отметить, что в тюркском эпосе женщину называют не женой мужа (нет слова «арвад»), а госпожой (ханым). Поэтому, если перед нами Дирсе-хан, то его жена – Ханым. Однако, учитывая, что она ещё и дочь другого хана, то её прозвище – «Хан гызы» (Дочь хана). Так называли и известную поэтессу Натаван (1832–1897), дочь последнего карабахского хана Мехтикули-хана.

Жена Дирсе-хана обладала ясным умом, с ней всегда советовались и она соответствовала всем

правилам огузского этикета. Помимо всего этого, она предприимчива, но никогда не принимала опрометчивых решений и была осторожна. Это чётко прослеживается в сюжете эпоса, ибо от её выбора зависела не только её судьба, но и судьба всего рода: «Хан ханов, хан Баюндур, раз в год устраивал пир и угощал беков огузов. Вот он снова устроил пир, велел зарезать лучших коней-жеребцов, верблюдов и баранов; в одном месте велел водрузить белое знамя, в одном – черное, в одном – красное. Он говорил: “У кого нет ни сына, ни дочери, этого поместите у черного знамени, разложите под ними черный войлок, поставьте перед ними мясо черного барана, станет есть – пусть ест, не станет – пусть поднимется и уйдет. У кого есть сын, того поместите у белого знамени, у кого есть дочь – у красного знамени; у кого нет ни сына, ни дочери, того проклял всевышний бог, мы тоже проклинаем его, пусть так и знают”» [Книга моего деда..., 1962, с. 14].

Баюндур-хан исходил из родового начала и вершил суд в соответствии с моральными принципами племени. Дирсе-хан с 40 джигитами пришел на пир Баюндур хана, и когда его разместили у черного знамени, на черном войлоке и поставили перед ним мясо черного барана, то он возмутился: в чем его вина, меч ли его слаб или пир его скуден? Узнав, что причина в его бездетности, возмутился еще больше и покинул торжество. Призвав жену, сказал ей: «Приди сюда, счастье моей головы, опора моего жилища; ростом подобная прекрасно выросшему кипарису, ты, чьи черные волосы обвиваются вокруг лодыжек, чьи соединенные брови подобны натянутому луку, чьи уста тесны для пары миндалей, чьи алые щеки подобны осенним яблокам <...>» [Там же, с. 15]. Рассказав ей о приёме, не соответствовавшем его положению, он решил покарать жену, не сумевшую родить ему ребёнка. На что она ответила: «О Дирсе-хан! Не карай меня, не говори в гневе горьких слов! Встань со своего места, поставь на землю свой пестрый шатер, вели убить лучших коней-жеребцов, верблюдов и баранов; созови к себе на пир беков внутренних огузов, внешних огузов; увидишь голодного – накорми его; увидишь нагого – одень его; увидишь обремененного долгами – выкупи его. Наложь мяса, как холм; вели надоить кумысу, как озеро; устрой великий пир, вознеси молитву о предмете своего желания; может быть, по молитве какого-нибудь богоугодного мужа бог даст нам дитя» [Там же].

Молитва была услышана, Бог дал им сына. Но поступок Баюндур-хана имел далеко идущие последствия: месть за оскорбленную честь (личностное начало) привела к гибели всего племени (родовое начало).

Среди женских образов «Китаби-Деде Коркуда» выделяются Бурла-хатун, жена Салор Газана, Бану-Чичек, невеста Бейрека, а также Сельджан-хатун, невеста Кан-Туралы. Каждая из них – неповторимая личность и в психологическом плане, и по красоте своей.

В олонхо, в отличие от тюркского (азербайджанского) эпоса, люди не выделяются как личности. Это не свободные люди, потому и не сформировались как индивидуальности. Они похожи друг на друга. Жизнь героев принадлежит племени, как и должно быть при родовом строе. Они совершают подвиги в одиночестве, но в трудную минуту другой богатырь может прийти на помощь [Пухов, 1962, с. 24–25]. В «Китаби-Деде Коркуд» почти все героини – личности. Их объединение против врага исключительно добровольно.

В олонхо женщина – один из первичных образов. Так, «родоначальниками» олонхо были старик и старуха. И если вначале они бездетны, то потом с помощью верховных божеств рождаются у этой пары дети. Как и во всех мировых мифах, эта пара представляет собой брата и сестру: Юрюн Уолан и Юрюн Юкэйдээн-куо [Там же, с. 117]. Но если героизм и самоотверженность тюркских женщин – это их родовая черта, возможно, отголосок матриархата в родоплеменном обществе, то в олонхо борьба женщины за утверждение своего достоинства воспринимается как строптивость, от которой её очищают при помощи обряда. А образцом считается тихая, покорная женщина (как, например, Кыыс Нюргун в «Строптивном Кулун Кулустууре») [Там же, с. 128].

Но, с другой стороны, женщина в олонхо – защитница племени Айын-аймага, борется за счастливую жизнь. Она – продолжательница рода. В основном это удаганки – эпические образы, способные на подвиг, защищая страну, они вступают в поединки с богатырями абаасы. В олонхо, как правило, выделяются сильные и смелые герои, утверждающиеся в борьбе. Иногда это борьба за женщину, хотя сами они не всегда адекватно реагируют на сватовство. Как мы знаем, сюжет олонхо начинается с похищения героини богатырём абаасы. В других олонхо ге-

рой отправляется на поиски невесты в дальний поход. Обычно героинь олонхо делят на пассивных и активных. В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» герой со своей сестрой Айталы-куо спустился на землю для заселения её. Однако пурга разрушила юрту, а сестру похитил богатырь абаасы Ыйыста-Хара. В дальнейшем сюжете олонхо Айталы-куо не принимает деятельного участия. Брат отдал её под защиту своего коня и в бою победил Ыйыста-Хара. Затем конь доставляет сестру Нюргун Боотуру, который вновь оставляет её у Сабыя Баай-хотун – родоначальницы людей. Сам же он уходит совершать другой подвиг – выручать дочь самой Сабыя Баай-хотун. Совершив множество подвигов, в которых его сестра не принимает никакого участия, герой выдаёт её в конце олонхо замуж за богатыря Айыы Дьурагастая. Как видим, здесь женщина пассивна. События в олонхо связаны с ней, но активного участия она в них не принимает. Однако в олонхо есть и другой тип женщин – активных, более близких к женским образам в «Китаби Деде Коркуд». Эта группа героинь не смиряется со своей участью, борется за свои права, прекрасно разбирается в женихах, богатырях абаасы, которые под видом сватовства собираются разграбить их страну. Героиня способна на активный поступок – посылает гонца к богатырю айыы и просит защиты. Спасая её, богатырь айыы предоставляет ей свободу выбора, то есть она вольна выбрать между ним и его братом или другом. Но активность героинь на этом завершается, ибо все бразды правления переходят к герою. Иногда в олонхо героиня может и унижить своего избранника, тогда герой может простить, а может и надерзить. Женщины в олонхо могут принять участие и в бою, способствуя победе богатырей, как, например, в олонхо «Неспотыкающийся Мюлдью Сильный». Такова же и героиня Юрюн Юкэйдээн-куо из олонхо «Хаан Дьаргыстай». К этому же ряду можно отнести и Кюн Эйюэргэн, а также богатырку Кюн Толомон Нюргустай из олонхо «Строптивный Кулун Кулустуур». Эти образы воплощают в себе лучшие черты якутских женщин, столь близких всем тюркским женщинам.

В завершение можно сказать, что в женских образах олонхо, как и в тюркском эпосе, воплощены все три силы, характерные для восточного мироощущения: сила сохраняющая, сила разрушающая и сила созидаящая.

Литература

Бахлул Абдулла. Женщины в «Китаби-Деде Коркуд». – Баку: Элм, 2009. – 96 с. – На азерб. яз.

Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.

Книга моего деда Коркута: (Огузский героический эпос) / пер. В.В. Бартольда. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 299 с.

R. G. Kuliyeva

**Typology of woman 's character in the heroic epos
«Kitabi-Dede Korgut» and olonkho**

The article deals with the women's characters in the ancient Turkic heroic epos "Kitabi-Dede Korgut" and genre "olonkho". In "Kitabi-Dede Korgut" women who throughout centuries served as a role model are presented. The gallery of women's characters "Kitabi-Dede Korgut" fairly extensive – it is the wife of the rulers and their associates. They are like their husbands: faithful, brave, courage. Their woman – servants – wet-nurses, slaves – are also presented in the epos besides them. All women are divided into four types by Dede Korgut. A woman in the genre "olonkho" is a defender of her tribe, successor of the family. These epic characters are able to do exploit. When defending their country they battle with heroes. Both in the women characters of olonkho and in the Turkic epos are embodied all three forces that are typical for Oriental world outlook: preserving, destroying and creative forces.

Keywords: typology, women's characters, olonkho, Turkic epos, Oriental world outlook.

УДК 82-343(=554)+82-343(=581)

Л.Н. Жукова

Юкагирский и древнекитайские мифы о переустройстве мира

В этиологическом мифе лесных юкагиrow «Как Христос делал жизнь на Средней земле», записанном в конце XX в., обнаруживается влияние древнекитайских текстов. Первая часть мифа представляет широко известную в мифологии, в том числе древнего Китая, версию о Всемирном потопе. Вторая часть мифа – предположительно переработанный вариант древнекитайского сказания о битве двух божеств за передел мира. В отличие от китайских источников юкагирский этиологический миф подвергся значительной поздней по времени переработке с позиций библейского сказания.

Ключевые слова: юкагиры, этиологический миф, древнекитайские тексты, библейское сказание, сравнительная таблица.

В 1988 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса – центре расселения лесных юкагиrow был записан этиологический миф «Как Христос делал жизнь на Средней земле» [Жукова, Николаева, Демина, 1989, с. 35–46]. По содержанию текст распадается на две части. Первая повествует о том, что на Средней земле дважды был потоп, во второй рассказывается, как Христос с тремя помощниками устраивали жизнь людей и животных после потопа. При анализе первой части обнаружены параллели с древнекитайскими мифами о потопе [Жукова, 2015].

Обратимся ко второй части мифа, вот ее краткое содержание. Посланник богов Христос с тре-

мя помощниками, хозяевами воды, деревьев, растений, устраивает жизнь нового поколения безгрешных людей, обучает, как содержать домашних животных, в их числе названы олень, корова, лошадь, свинья, собака, птицы. Чёрт Большая Острая Голова с группой грешников ищут Христа, чтобы распять на кресте и отобрать животных. Прямого противодействия Христу они не оказывают, но поймали и распяли одного из трех его помощников. Второго помощника Христа съели голодные лесные звери. Верхние Боги отделили Среднюю землю от Нижней земли, в которой скрылись грешники, а Христос закрыл дыру, через которую они выходили наружу. За-

© Л.Н. Жукова, 2016

вершив мироустройство, Христос «со своими людьми» (хотя по тексту остался один помощник) улетели к верхним богам.

Миф насыщен библейской символикой и образами (Ной, крест, распятие, грешники и проч.), за которыми слабо проступают национальные юкагирские мифопоэтические элементы. Скорее всего, некий исходный текст был переработан с позиций библейского сказания, произошло это в позднее время: христианизация северных народов Якутии началась с середины XVII в. и официально завершилась в XIX в. Исходный текст мифа трудно воссоздать. Миф «Как Христос делал жизнь на Средней земле» записан только в одном варианте, сколько-нибудь схожих сюжетов нет в корпусе юкагирских текстов этиологического характера, а также в фольклоре других коренных народов Якутии. Присутствующий у тунгусов и якутов сюжет о потопе, скорее всего, имеет христианское происхождение, правда, сравнительные исследования не проводились.

В канву рассматриваемого юкагирского мифа включены отдельные небольшие этиологические сюжеты: почему уменьшена величина рябчика, отчего медведь и бурундук зимой спят, а у белки и мыши под мышкой появились отметины. Сюжет, объясняющий, почему у медведя нет пятого пальца, известен у лесных юкагиров как самостоятельный миф-сказка (ПМ П.Е. Прокопьевой [Жукова, Прокопьева, 1991, № 1]). Не ясными остаются истоки положительных характеристик коровы и свиньи и отрицательных – лошади. Все изменения у представителей животного мира обусловлены деятельностью Христа.

В сюжете второй части юкагирского мифа, как и в первой, обнаруживаются китайские параллели, в данном случае с древними сказаниями о великой битве двух божеств и их союзников.

Обратимся к китайским текстам. Значительный материал обобщил один из исследователей древнекитайской мифологии Юань Кэ. Автор с сожалением писал: «Китайские мифы в значительной степени утрачены, и от них сохранились лишь разрозненные осколки, которые, будучи рассеяны в сочинениях древних авторов, не представляют какой-либо системы» [Юань Кэ, 1987, с. 13]. Древние мифы записывались в Китае в продолжение более

одной тысячи лет: с VIII в. до н.э. по VI в. н.э. [Там же, с. 22]. В их числе имеются мифы о потопе и варианты сказаний о великой битве.

«Неизвестно, сколько прошло времени после смерти Нюйвы*, как появился великий Янь-ди – бог солнца... он имел голову быка и туловище человека. Это, вероятно, означало его особые заслуги в земледелии: он в течение тысячелетий подобно буйволу помогал людям пахать землю... Когда он появился на земле, людей уже было много, а пищи, доставляемой природой, не хватало. (Люди первоначально занимались охотой, рыболовством и собирательством. – Л. Ж.). Милосердный Янь-ди научил людей сеять злаки и своим трудом добывать средства к жизни... Чтобы злаки росли, Янь-ди заставил солнце давать достаточно света и тепла, и с тех пор люди не беспокоились об одежде и пище... [Он] создал для народа рынки... научил их счету времени, установив исходной точкой самого себя, или, точнее, подвластное ему солнце» [Там же, с. 59–61].

Божество имело трех дочерей и множество потомков. «Спустя некоторое время после Янь-ди появился великий бог по имени Хуан-ди – Желтый владыка» [Там же, с. 64]. Хуан-ди считался Верховным владыкой/Верховным правителем Центра четырёх стран света, имел четыре лица, «так как он мог одновременно наблюдать за всеми четырьмя странами света» [Там же, с. 89] или имел четыре глаза [Там же, с. 288]. Хуан-ди победил четырех других божеств света (владык Востока, Юга, Запада, Севера). Его помощником был дух земли Хоу-ту, «который держал в руках веревку и управлял всеми частями света». В китайских источниках Хуан-ди также описывается культурным героем, «почти всемогущим умельцем» [Там же, с. 113]. Он научил людей строить дома, изобрел повозку и лодку, бронзовые зеркала, котел и глиняный горшок для варки пищи, самострел, игру в ножной мяч. По его приказанию были созданы письмена, музыка, 60-летний временной цикл, медицинские книги. Он много путешествовал, и в завершение дел поднялся на небо. Хуан-ди рассматривается как общий предок богов и людей.

Во многих древнекитайских сочинениях Хуан-ди назван единоутробным братом Янь-ди, братья были очень разными, каждый из них ведал

* Богиня Нюйва в одних мифах выступает как единоличная создательница людей, прародительница, устранившая последствия потопы и затем скончавшаяся. Согласно другим, Нюйва и Фуси – сестра и брат, спасшиеся во время потопы и давшие начало новому человечеству [Рифтин, 1987, с. 388–397; Юань Кэ, 1987, с. 48–51, 357–358].

половиной Поднебесной [Там же, с. 59]. Между этими божествами произошла ожесточенная битва: «Борьба между Хуан-ди и Янь-ди – одна из самых больших войн в китайской мифологии» [Там же, с. 94]. После того, как Янь-ди был разбит и отступил с войсками на юг, появился его потомок Чию, выступающий за возврат всего ранее утраченного. Одни сказания связывают имя Чию со злым небесным божеством, другие – с названием племени храбрых великанов, живших на юге.

«В древних книгах говорится: у Чию было 81 или 72 брата, каждый из них был страшен и необычен, имел медную голову с железным лбом, звериное тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук, все братья умели говорить по-человечьи. Сам же Чию, согласно народным преданиям, имел человеческое тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук. Рассказывают также, что на голове у Чию рос крепкий и острый рог, а когда волосы за ушами вставали торчком, они напоминали мечи и трезубцы. Некоторые считают, что у Чию было 8 рук и 8 ног... Можно сказать, что Чию относился к необычному племени, которое состояло то ли из богов, то ли из людей... это – потомки Янь-ди с человеческим телом и головой вола» [Там же, с. 95].

Предводитель воинства Чию обладал способностями, свойственными кузнецу: он изготовлял палицы, секиры, мечи.

«Его обычной пищей был песок, камни и куски железа. Он был искусен в изготовлении различного оружия: остроконечных копий, прочных и острых трезубцев, гигантских топоров, крепких щитов, легких луков и стрел. Все это он делал своими руками. Кроме того, он был наделен... божественной силой» [Там же].

Некоторыми своими чертами мифический Чию близок по нашему мнению, к солярному божеству: он «обладал способностью летать по небу и ходить по самым опасным горным хребтам» [Там же, с. 99]. Об этом же косвенно говорят его многорукость и многоногость. Самые ранние сообщения о Чию датируются I в. н.э. Вот описание древнего рисунка, предположительно изображавшего Чию, полувзверя-получеловека: «на голове у него лук, в одной руке копье, в другой меч, левой ногой наступил на самострел, [пальцами] правой сжимает секиру» [Там же, с. 290].

Записи сказаний о великой битве представляют собой пересказы разновременных вариантов из различных районов и местностей Китая и содержат противоречия, отмеченные исследовате-

лями [Рифтин, 1987]. Так, по некоторым легендам борьбу за первенство с богом солнца Янь-ди начал именно Чию. С братьями он сражался «во имя одной общей цели – вернуть территорию и власть» [Юань Кэ, 1987, с. 95], отобрать престол и самому занять место верховного правителя. Поначалу ему везло: Чию стал правителем юга, а Янь-ди, несмотря на то, что военачальником у него был дух огня, бежал на север. Воодушевленный победой Чию пошел на север, его войско включало «медноголовых и железнолобых братьев, храбрый и воинственный народ мяо, злых духов гор, рек, деревьев и скал и всякую нечисть» [Там же]. Янь-ди обратился с просьбой о помощи к Хуан-ди. Войско Хуан-ди, кроме богов и злых духов четырех сторон света, составляли звери: «обычные медведи и бледно-желтые, с головой, похожей на лошадиную, сычуаньские медведи, барсы, хищные звери сю, похожие на леопардов, ягуары и тигры; возможно, что на его стороне были и некоторые племена» [Там же, с. 96].

Битва шла с переменным успехом, под конец полуразгромленный Чию призвал на помощь племя северных великанов куафу. Но помощь племени куафу не изменила ситуацию, войско было разгромлено, Чию схвачен Хуан-ди и обезглавлен. Голову бросили в одну сторону, тело – в другую, насыпав два могильных холма. Хуан-ди расправился и с народом мяо, заключившим союз с Чию [Там же, с. 103–105]. После казни Чию Хуан-ди некоторое время еще оставался среди людей, но потом поднялся на небо.

Полагаем, что сильно трансформированная вторая часть юкагирского мифа «Как Христос делал жизнь на Средней земле» тяготеет к рассмотренным древнекитайским источникам, время записи которых, как предполагают, охватывает период с VIII в. до н.э. по VI в. н.э. Составим сопоставительную таблицу.

Таблица показывает определенное сходство основных элементов юкагирского и древнекитайских текстов, несмотря на значительную территориальную и хронологическую отдаленность. В юкагирском тексте мироустроительная деятельность Христа в некоторых функциях может быть сопоставлена с деяниями древнекитайских солярных божеств Янь-ди и Хуан-ди. Противостояние Христа с тремя помощниками и Чёрта Большая Острая Голова с грешниками может быть калькой противоборства солярного божества во главе с воинством и остроголового Чию вместе со злыми силами.

Элементы сюжета	Юкагирский текст	Китайский текст
Образ верховного бога	Боги, Христос	Бог солнца Янь-ди, затем Желтый владыка Хуан-ди
Помощники	У Христа – три языческих хозяина природы	У Янь-ди – дух огня, у Хуан-ди – боги, злые духи, хищные звери, племена
Образ противника	Чёрт Большая Острая Голова, грешники	Получеловек-полужверь с рогом на голове Чию с братьями, злые духи, нечисть, племя мяо
Причина битвы	Поймать и распять Христа. Отобрать и перераспределить животных	Первенство, вернуть утраченные территории, власть, престол
Инициатор битвы	Чёрт Большая Острая Голова	Сначала Хуан-ди и Янь-ди, затем Чию
Итог битвы	Чёрт Большая Острая Голова стал хозяином подземного мира теней	Чию обезглавлен
Боги в завершение битвы	Христос с помощниками улетел к богам	Хуан-ди поднялся на небо
Мироустроитель	Христос с помощниками устраивают жизнь людей и зверей после потопа	Божества учат людей, создают разные блага
а) учит	как содержать животных	как заниматься земледелием
б) решает проблему голода	да	да
в) время	отсчет времени от мироустроительства (?)	устанавливает время по солнцу
г) очищает мир от злых сил	да	да
д) усовершенствует зверей	да	-

Отметим, что в разных китайских источниках два солярных божества иногда выступают как братья, соперники, либо союзники в борьбе с Чию.

Обе части юкагирского мифа несут христианскую нравоучительную символику. Повествуется о расплодившемся грехе и потопе, грешных людях, отправленных богами в Нижнюю землю, они же подкапывают основы Средней земли. Обличия грешных людей в тексте опущены за исключением описания Остроголового главаря. Под Остроголовым Чёртом выступает собирательный образ зла, единственный персонаж, имеющий исток в традиционных мифопоэтических воззрениях юкагиров*. Завершается этиологический миф созданием трехчастной мифической вселенной с главными демиургами-антагонистами: Бог (Христос) – Остроголовый Чёрт.

Китайские же источники наряду с мифическими главными персонажами – солярными божествами, обожествленными силами природы, силами зла и проч. – придают действиям реальные исторические черты: названы конкретные пле-

на, принимавшие участие в сражениях, топонимы и гидронимы, связанные с происходившими событиями или названные позднее в ознаменование их. Действия разворачиваются на конкретных территориях; присутствие божественных сил может быть объяснено, на наш взгляд, религиозно-тотемистическими воззрениями противоборствующих групп. Обе стороны конфликта выступают как солнцепоклонники. Это небесное покровительство предельно мифологизировано и стало объясняться впоследствии как непосредственная вражда божественных сил между собой. Яркая фантазийность обликов персонажей, свойственная китайским мифам и сказаниям, как и вообще древнекитайскому искусству, наделяет особыми эпитетами и характеристиками оба противоборствующих воинства. Складывается впечатление, что в основе сказания лежат какие-то действительно имевшие место исторические события и реальные персонажи, значительно трансформированные народной фантазией на протяжении многих столетий.

*В конце XIX – начале XX вв. В.И. Иохельсон записал у лесных юкагиров, что нижний ярус подземного мира мертвых называется «Страна Дедушки с Остроконечной Головой» [2005, с. 222]. Представления об Остроголовом предке юкагиры сохраняли в конце XX в. [Жукова, 2012, с. 67], самые древние остроголовые антропоморфные изображения людей появились на скалах Якутии в раннем неолите [Окладников, Мазин, 1976].

Для конкретизации времени событий, нашедших отражение в сказаниях, важны указания на изготовление разнообразного оружия из металла, «медноголовость» и «железнолобость» воинства и кузнечные способности предводителя Чию. Логично предположить, что события происходили в Китае в период железного века и с этого времени о них начали распространяться устные и письменные мифологизированные версии. В просмотренных нами работах исследователей, посвященных в том числе древнекитайским сказаниям о грандиозной битве (Б.Л. Рифтин, Юань Кэ), не привлекаются в качестве дополнительных источников материалы по политической истории древнего Китая, которые могли бы пролить свет как на реальность описываемых событий, так и на их хронологию.

Исследования раннего периода китайской государственности (с конца III тыс. до н.э. до 220 в. н.э.), показывают, что древний Китай периодически сотрясали военные события различного масштаба (восстания подвластных князей, дворцовые перевороты, народные движения и проч.). Вот их хронологический перечень [История древнего Востока, 2007, с. 344–345]:

Кон. III – нач. II тыс. до н.э. – правление легендарной династии Ся. Разложение первобытнообщинных отношений и формирование институтов предцивилизации;

403–221 гг. до н.э. – период Сражающихся царств. Борьба отдельных княжеств за гегемонию;

206–202 гг. до н.э. – народные восстания;

18–25 гг. н.э. – восстание «краснобровых» и другие движения;

184–207 гг. н.э. – народное восстание «желтых повязок»;

220 г. н.э. – распад империи на три царства. Завершение эпохи древнейшей истории Китая.

О двух первых хронологических этапах имеются менее достоверные сведения. Продолжавшийся почти два столетия период Сражающихся царств является наиболее вероятным источником для китайских мифопоэтических сказаний о грандиозной битве между противоборствующими силами юга и севера. Другие исследователи дают несколько иные даты начала этого события.

«На фоне непрерывной борьбы за власть... ни одно из княжеств не доводило победу над соседом до точки полного завоевания. Но в 479 г. до н.э.... полуварварское княжество Чу, занимавшее боль-

шую часть долины Янцзы, поглотило маленького соседа, положив начало двухвековой эпохе ширококомасштабной кровавой борьбы, которая получила название периода Борющихся царств*. Это была борьба за овладение всем Китаем» [Крюгер, 2006, с. 73–74]. Царство Цинь появилось «в качестве победителя периода Борющихся царств и объединителя Китая». Армия цинцев, сражающихся безжалостно, завоевала для своего царства прозвище «царство тигров и волков». Армия представляла собой дисциплинированную, хорошо отлаженную боевую машину, обладавшую большим опытом. Племя Цинь, согласно легендам, появилось в III тыс. до н.э. [Там же, с. 105, 109].

В приведенных материалах о «полуварварском княжестве Чу», своими успешными боевыми действиями положившем «начало двухвековой эпохе ширококомасштабной кровавой борьбы», можно видеть прообраз воинственного племени Чию с его остроголовым предводителем. А в победившей многие княжества армии цинцев усматривается прообраз воинства, выступавшего под покровительством солнечного бога Хуан-ди. Так определяется возможная дата описываемых в древнекитайском сказании событий: кон. V в. – кон. III в. до н.э. (1-я пол. I тыс. до н.э.).

При анализе первой части юкагирского мифа «Как Христос делал жизнь на Средней земле» с описанием потопа [Жукова, 2015] мы предположили, что это один из вариантов древнекитайского мифа, когда-то воспринятого и переработанного юкагирской мифопоэтической фольклорной традицией. Впоследствии уже трансформированный юкагирами текст подвергся вторичной значительной пересемантизации с позиций христианства. То же следует сказать и о второй части мифа. Возможно, в древности какая-то группа (или группы) из Китая (китайцы или подвластные им племена), носители данных текстов, пришли на территорию Якутии, и произошло это еще до прихода тунгусов и предков якутов, в фольклоре которых мифопоэтические прокитайские сюжеты пока не выявлены. Можно полагать, что это были беженцы из северного Китая, спасавшиеся от многолетних военных действий, а также проигравшие сражение племена, бежавшие от мести победителей. Следует сказать, что Якутию с древних времен посещали выходцы из Китая. Вот несколько примеров.

* В одних источниках Сражающиеся царства, в других – Борющиеся.

Типичный древнекитайский погребальный обряд, носивший в Китае название «поясничная или собачья яма» с отдельным захоронением головы и тела человека и собаки, обнаружен в средненеолитическом погребении на горе Туой-Хая на Виллюе [Жукова, 2012, с. 315–318; Кучера, 1977, с. 116, 172; Федосеева, 1968, с. 39]. Наскальные рисунки бронзового века Южной и Центральной Якутии имеют много общего с древними китайскими иероглифами [Алексеев, Пеньков, 2006]. В связи с этим особый интерес представляют исследования генетиков. Результаты анализа генетических взаимоотношений демонстрируют, что «по спектру материнских линий юкагиры ближе к урало- и алтаеязычным этносам, чем к палеоазиатам... Y-генофонд юкагиров [содержит] достаточно редкую для Якутии гаплогруппу О, характерную для популяций Китая и Дальнего Востока» [Федорова, 2008, с. 170–171].

Таким образом, отмеченное нами сюжетное, в том числе в отдельных деталях, сходство юкагирского этиологического мифа и вариантов древнекитайского сказания о большой битве не может быть случайным. Скорее всего, привнесенные древнекитайские тексты о потопе и грандиозной битве были под влиянием христианских воззрений объединены фольклорной традицией юкагири-охотников в одно общее сказание со значительным переосмыслением и усилением космогонического и этиологического контекста. Была существенно сглажена острота конфликта между Христом и противоборствующей ему силой. Поскольку рассматриваемый юкагирский миф, как полагаем, имеет заимствованное происхождение, он не основан на реальных событиях из истории юкагирского народа. Это именно миф-сказка, объясняющая мироустройство с точки зрения поздней, привнесенной христианскими проповедниками новой картины мира.

Если наше предположение о китайском источнике второй части юкагирского мифа о переустройстве мира верно, то при объяснении того, как это устное сказание оказалось на верхней Колыме, значение будут иметь данные не только о движении китайских групп на север, но и о поздних продвижениях древнеюкагирских племен из Южной и Центральной Якутии в северные широты под напором пришлых тунгусов и предков

якутов. Пока же вопрос о времени и месте предполагаемых юкагирско-китайских контактов остается открытым.

Литература

Алексеев А.Н., Пеньков А.В. Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: искусство и материальная культура. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 12–56.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 2: Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2015. – № 7. – С. 72–76.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагири верхней Колымы. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. – Ч. 1. – 161 с.

Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагири верхней Колымы (ПМ* П.Е. Прокопьевой) // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1991. – Вып. 2. – С. 146–167.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. яз. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

История древнего Востока: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.И. Кузищина. – М.: Издат. центр «Академия», 2007. – 368 с.

Крюгер Р. Китай. Полная история Поднебесной / пер с англ. яз. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 448 с. (Тайна древних цивилизаций)

Кучера С. Китайская археология. 1965–1974 гг.: Палеолит – эпоха инь. находки и проблемы. – М.: Наука, 1977. – 369 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 190 с.

Рифтин Б.Л. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М.: Гл. редакция вост. литературы, 1987. – С. 378–477.

Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. – 235 с.

Федосеева С.А. Древние культуры верхней Виллюе. – М.: Наука, 1968. – 170 с.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М.: Гл. редакция вост. литературы, 1987. – С. 5–377, 478–527.

* ПМ – полевые материалы

L.N. Zhukova

Yukagir and ancient Chinese myths about the reorganization of the world

The etiological myth forest Yukagirs "How Christ did life on the Middle Earth", written down at the end of XX century, reveals the influence of ancient Chinese texts. The first part of the myth is widely known in the mythology of the story of the Flood, in our opinion, the closest is his version of the Ancient Chinese. The second part of the myth allegedly represents the processed one of versions of the Ancient Chinese legend on fight of two deities for repartition of the world. In contrast to the Chinese sources, Yukagir etiological myth has undergone considerable processing, late on time from the standpoint of Bible legends.

Keywords: Yukagirs, etiological myth, the Ancient Chinese texts, Bible tale, a comparative table.

РЕЦЕНЗИЯ

Д.М. Винокурова, А.Г. Томаска

Рецензия на монографию Л.В. Намруевой «Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.)»

Россия – многонациональное государство, на территории которого взаимодействуют представители разных этнических групп. Специалисты отмечают, что развитие форм и способов социального поведения в социальном действии и взаимодействии акторов общества, становление гражданского общества в стране определяются и межэтническими, этнокультурными процессами. Современные теории развития общества, теории и практики взаимодействия человека с обществом и культурой признают присутствие и проявление феномена «этничности» как «константы», с которой необходимо считаться.

Актуальность монографии «Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.)» не вызывает сомнения и обусловлена потребностью осмысления особенностей социализации подрастающего поколения в современном поликультурном и полиэтничном российском обществе в условиях глобализации, модернизации, трансформационных процессов, усложнения и изменения социальных механизмов передачи из поколения в поколение этнических ценностей.

Монография посвящена вопросу этнической социализации молодежи Калмыкии, как многомерного социального процесса, рассматриваемого, с одной стороны, как социальный институт, а с другой – как результат процессов социального конструирования в контексте системного междисциплинарного подхода, обеспечивающего целостное представление о динамике этнической

социализации. В работе обобщаются результаты десятилетних социологических исследований, проведенных Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН. Автор – Л.В. Намруева, кандидат социологических наук, доцент, заведующая отделом социально-политических и экологических исследований КИГИ РАН.

В первой главе Л.В. Намруева классифицирует и интерпретирует отечественные и западные теории, посвященные проблемам социальной адаптации молодежи. Рассматривая этническую социализацию, автор подробно анализирует интеракционистский подход Р.И. Зинуровой.

По мнению автора, причиной «кризиса идентичности» в условиях «разрушения привычных механизмов идентификации» (с.16) может стать «отклоняющаяся социализация». Л.В. Намруева, анализируя работу Н.В. Мацининой, отмечает трудности в межпоколенных взаимоотношениях, которые могут перерасти в антагонизм старшего и младшего поколений, когда сталкиваются интересы и тех и других, претендующих на занятые места в социальном пространстве. В то же время автор обращает внимание на мнение Д.Ю. Быковой о пассивности молодежи, её психологической дезадаптации и т.п., порожденных доминированием взгляда на молодежь как на «проблему», которую надо решать путем поддержки, оказания помощи и т.д. Это в свою очередь снижает социальную активность молодежи, готовность к инновационной деятельности и др. В подобной ситуации этнической социализации Л.В. Намруева отводит

одну из главных ролей социальным институтам, передающим этническую культуру и обеспечивающим преемственную связь поколений.

Во второй главе, посвященной социологическому анализу основных институтов воспроизводства (семья, традиционная культура, язык этнической принадлежности, религия) как факторов этнической социализации, привлекает внимание анализ и сравнение обширной эмпирической информации, результатов различных опросов, охватывающих десятилетний период после подъема этнического самосознания в 1990-х гг. во всех регионах России. Автор отмечает, что с начала 1990-х гг. основные тенденции развития калмыцкой культуры выражаются в интересе к духовным этническим ценностям, к народным обычаям и обрядам, благодаря которым традиционная культура получает в современных условиях новое звучание, при этом используется ее социализирующая, воспитательная роль.

Л.В. Намруева весьма уместно приводит в монографии примеры традиционного этносоциального поведения калмыков из истории и научной литературы, иллюстрируя и аргументируя актуальный авторский анализ семейно-брачного поведения, современных проблем этнокультурного функционирования и межпоколенческого транслирования системы ценностей и традиций этноса, исчезновения мотивации и потребности общения на калмыцком языке, этноконфессиональной идентичности.

Из положений, содержащихся во второй главе монографии, необходимо отметить вывод о неравнозначном, непостоянном и динамичном характере роли институтов воспроизводства как факторов этнической социализации, об обусловленности социальной ситуацией и снижением / увеличением значимости этнических статусов и феномена этничности как такового.

В третьей главе «Институты конструирования как факторы этнической социализации» автор опирается на утверждение Р.И. Зинуровой о том, что институты конструирования этнической принадлежности осуществляют этническую социализацию и ресоциализацию как процесс, который возможно проектировать и осуществлять целенаправленно и вне жесткой зависимости от изначального (примордиального) этнического самоопределения человека в рамках традиционных институтов социализации (семья). Л.В. Намруева отмечает, что такое различие отражает опреде-

ленную пластичность и адаптивность этничности в условиях современного высокоурбанизированного и индустриально развитого общества и рассматривает молодежную среду в контексте взаимодействия со средствами массовой информации, системой национального образования, учреждениями культуры.

Следует отметить тщательный анализ современных форм и содержания работы указанных «институтов конструирования», как агентов этнической социализации, каналов воспроизводства культуры в обществе, формирования и социализации личности, ретрансляции этнического опыта, знаний, ценностей и норм. По мнению автора, содержательное наполнение национально-региональным компонентом «институтов конструирования», несмотря на существенное снижение роли исконных институтов этнической социализации, дает возможность сформировать как этническую, так и общенациональную идентичность, навыки межкультурного и межнационального общения, необходимые для жизни в поликультурном и полиэтничном регионе.

Л.В. Намруева подробно рассматривает субэтническую (родовую) идентичность калмыков. Так, согласно З.Э. Гоголдановой, это явление можно изучать как научный объект, или с идеологических позиций рассматривать его как «инструмент политической борьбы», или дифференцировать калмыков на группы согласно самоидентификации по родовому признаку. К указанным трем Л.В. Намруева предлагает добавить еще один ракурс рассмотрения субэтнической (родовой) идентичности калмыков. Так, она предлагает рассматривать ее в социокультурном аспекте как «мезоструктуру» в том понимании, которое определил А.А. Сусоколов. Для анализа подобного подхода Л.В. Намруева приводит эмпирические данные, собранные методом анкетирования по квотной выборке разных возрастных когорт сельских и городских калмыков (n=283). Автор делает вывод, что «когорта молодых респондентов наиболее амбивалентна из всех изучаемых групп».

Автор данной монографии органично рассматривает источники, выполняющие развлекательные функции, как конструирующие и репрезентирующие этническую идентичность. Л.В. Намруевой рассмотрены молодежная мода, свадебный ритуал, искусство, кино, национальные виды спорта, народные танцы как формы конструирования этнической самоидентификации.

Л.Е. Винокурова

Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы краеведения в Якутии»

4 марта 2016 г. в г. Якутске состоялась республиканская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы краеведения в Якутии». Конференция была организована с целью объединения краеведов Якутии для совместной деятельности по патриотическому и экологическому воспитанию населения; популяризации краеведческих знаний и исследований в области изучения, сохранения и пропаганды природного и культурного наследия родного края; для реализации педагогического потенциала педагогов Якутии и организации работы по патриотическому и экологическому воспитанию учащихся.

Ее организаторами выступили: Отделение Русского географического общества в РС (Я), Министерство культуры и духовного развития РС (Я), Министерство образования РС (Я), Министерство охраны природы РС (Я), Академия наук РС (Я), Якутское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (*ЯРО ВООПИиК*), Якутское региональное отделение Российского военно-исторического общества (*ЯРО РВИО*), Республиканское общество краеведов, ГБУ РС (Я) «Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского», Национальная библиотека РС (Я), Национальный архив РС (Я), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

В работе конференции приняли участие исследователи научных, образовательных и культурных учреждений (краеведы, ученые, преподаватели вузов и школ, библиотекари, музейеведы, архивисты, представители исполнительной власти и др.).

Пленарное заседание открыл А.П. Дьячковский (заместитель Председателя Правительства РС (Я), председатель Отделения Русского географического общества в РС (Я). С докладами выступили: Н.Г. Соломонов (д.б.н., член-корреспондент РАН, советник РАН Института биологических проблем криолитозоны СО РАН) – о всемирном природном наследии ЮНЕСКО; Р.В. Васильев (председатель ЯРО ВООПИиК) – об истории создания и деятельности ЯРО ВООПИиК; В.В. Шепелев (д.г.-м.н., замдиректора по науке Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН) – о популяризации исследований в области краеведения; О.М. Кривошапкина (д.п.н., профессор кафедры методики преподавания биологии, химии и географии Института естественных наук СВФУ им. М.К. Аммосова) – о проекте «Краеведческий учебно-методический комплекс как средство реализации школьного компонента регионального географического образования»; А.А. Борисов (д.и.н., г.н.с. ИГИиПМНС СО РАН) – об актуальных вопросах якутской исторической науки и краеведения; И.З. Кривошапкин (хранитель экспозиции Намского историко-этнографическо-

го музея им. П.И. Сивцева) – о работе краеведов Намского улуса; Г.Г. Андросов (заместитель председателя ЯРО ВООПИиК, заместитель главного редактора литературного журнала «Чолбон») – о феномене современного якутского краеведения.

На пяти секциях было заслушано более 50 докладов, в которых затрагивались проблемы, связанные с выявлением и сохранением историко-культурного наследия, природного наследия (исследование, сохранение, развитие), ролью музеев в развитии краеведения, а также исторического и географического краеведения.

В секции «Вопросы выявления и сохранения историко-культурного наследия» (модератор Р.В. Васильев) проблематика докладов была довольно широкой. Мониторинг и проблемы сохранения памятников истории и культуры на территории ГО «Город Якутск» были рассмотрены А.В. Дьяконовым. Цели, задачи и методы государственной охраны объекта культурного наследия раскрыл Г.М. Терентьев. О необходимости паспортизации памятников истории культуры сообщил Н.М. Черосов. Блок докладов был посвящен изучению: сакрального ландшафта (Ытык сир) Якутии, как метода поиска древней якутской культуры (В.В. Попов); долины Средней Лены и Лено-Амгинского междуречья – колыбели становления якутского этноса (В.П. Ноговицын). П.П. Петров обратился к проблемам восстановления и реставрации Троицкого кафедрального собора. И.И. Никифорова рассмотрела особенности деревянной архитектуры Олекминского района. Е.Н. Соловьева, В.М. Дьяконов осветили проблемы сохранения памятников археологии на территории долины Туймаада. Р.В. Васильев посвятил свой доклад деятельности ЯРО РВИО по сохранению памятников боевой славы якутян и историко-патриотическому воспитанию молодежи.

Участниками секции «Природное наследие: исследование, сохранение и развитие» (модератор М.М. Черосов) были освещены вопросы современного состояния и истории развития системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в РС (Я) (Я.С. Сивцев); кадрового обеспечения природоохранной системы республики (М.М. Черосов); Национально-природного парка (НПП) «Ленские столбы» как объекта всемирного наследия (В.В. Давыдова); применения ГИСТехнологий в практике природоохранной деятельности ДБР (*Дирекция биологических ресур-*

сов) и ООПТ МОП (*особо охраняемых природных территорий Министерства охраны природы*) РС(Я) (С.И. Терехов); создания проектов по обогащению биоразнообразия системы ООПТ РС(Я) (А.Л. Попов); картографирования природного наследия Горного улуса (Е.Е. Алексеева); деятельности государственного природного заказника «Кыталык» как возможного объекта Всемирного природного наследия (Н.И. Гермогенов); подготовки геологических кадров в с. Крестях (М.Х. Конобулова); особенностей гидронимов Алданского района (Д.М. Прокопьева); природного наследия Вилуйского улуса (района) Якутии как средства развития познавательного интереса учащихся к родному краю (Т.А. Долгунова); проведения экскурсий в места нахождения мамонтовой фауны в виде летнего лагеря как способа познания учащимися природы родного края (К.Е. Протодьяконов); изучения памятника природы («Бабушкина гора» «Эмээхсин хайата») (А.М. Кириллин).

Участники третьей секции «Роль музеев в развитии краеведения» (модератор А.А. Борисов) осветили роль Музея мамонта им. П.А. Лазарева как уникального центра сохранения, изучения и популяризации мамонтовой фауны Якутии (К.Е. Протодьяконов); представили инновационные технологии в формировании общекультурной компетенции школьников (Ю.П. Бугаева); раскрыли роль Краеведческого музея г. Мирный в патриотическом воспитании подрастающего поколения (Л.П. Наумова) и проблемы применения краеведческого материала при изучении истории и обществознания (А.П. Николаев); проблемы выявления и изучения историко-культурного наследия студентами (А.Н. Прокопьева); роль краеведческого музея «История промышленного освоения Верхоянья» в воспитании подрастающего поколения (Р.Д. Рожин); роль школьных музеев в гражданско-нравственно-патриотическом воспитании учащихся и в сохранении историко-культурного наследия (Л.П. Саввина, В.Н. Спиридонов, А.А. Озеркова, Е.О. Михайлова, С.А. Стручкова И.Д. Григорьева).

На четвертой секции «Историческое краеведение» (модератор Л.Е. Винокурова) были заслушаны следующие доклады: «К 150-летию общественного деятеля В.В. Никифорова-Кюльмнюр» (З.В. Мигалкина); «Помощь краеведов в восстановлении имен старых мастеров» (Е.С. Ноговицына); «Привлечение краеведов по СМИ» (Д.Д. Бястинов); «О чем свидетельствует сельскохозяй-

ственная перепись 1917 года?» (Т.А. Саввинова); «Климатические исследования Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР (Р.Н. Иванова)»; «Школьный музей о чурапчинских переселенцах (1942–1946 гг.)» (Л.Е. Винокурова).

В секции «Географическое краеведение» (модератор Л.С. Пахомова) были рассмотрены следующие вопросы: 220-летие адмирала П.Ф. Анжу (1797–1869) (С.Е. Федоров); некоторые особенности учебно-методических комплексов по краеведению, изданных в Якутии (С.А. Иванова); школьные краеведческие экспедиции в Якутии (А.П. Исаев); маршруты по памятным местам города Якутска (С.Н. Васильева); организация и проведение краеведческой экспедиции школьного музея «Истоки» (Е.А. Киуру); комплексная научно-исследовательская экспедиция школьников «Верхоянье – полюс холода: историко-этнографическое направление» (С.Н. Седалищева); экспедиционная деятельность краеведческо-фольклорного лагеря «Кун Еркин» (Л.А. Пермякова); физико-географический подход к выделению арктической зоны в Якутии (Ю.Г. Данилов); организация школьной краеведческой экспедиции: изучение озер (А.Г. Борисова); воспитание патриотизма в курсе географии Якутии (И.А. Лугинова).

По признанию участников конференции, их работа оказалась весьма насыщенной и конструктивной. На заключительном пленарном заседании был обсужден и принят проект резолюции.

Участники конференции отметили положительные стороны краеведческой работы в республике: большой опыт краеведческой работы в научных учреждениях, музеях, образовательных организациях всех типов и видов, в учреждениях дополнительного образования, архивах и библиотеках. Краеведение сегодня – уже не отдельные мероприятия, а масштабные проекты, одно из главных направлений работы Отделения Русского географического общества в Республике Саха (Якутия). Продуманные образовательные программы, системные научные исследования говорят о том, что сегодня краеведение является важным условием воспитания духовности, патриотизма, успешного формирования гражданственности, и экологической культуры. Краеведческая работа помогает не только изучать отечественную историю, культуру и географию, но также и сохранять культурное и природное наследие, приумножать созданное нашими предками и, как результат, вызывает гордость за свою республику и свой народ.

Наряду с достижениями в области краеведения, следует отметить наличие некоторых проблем: разобщенность организаторов краеведческой работы вследствие отсутствия единого информационно-краеведческого центра, а значит, стройной системы краеведческой работы в ряде районов; попытки организовать работу без научно обоснованной методологической базы, что не может способствовать эффективности многих краеведческих проектов.

Участники конференции обратились с предложением:

- к правительству республики: учитывая социальную значимость краеведческой работы, проводить один раз в 5 лет съезды краеведов Якутии, в перерывах между съездами регулярно организовывать конференции краеведов, работающих в различных сферах культуры, науки, образования;

- к руководителям муниципальных органов исполнительной власти с просьбой разработать программы поддержки краеведческой деятельности, в числе которых проведение краеведческих конференций, экспедиций, научно-исследовательской работы, издание краеведческой литературы для разных возрастов и для семейного чтения;

Участники конференции внесли рекомендации:

- Правительству Республики Саха (Якутия) в соответствии со ст. 10 ФЗ № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» ускорить создание самостоятельного исполнительного органа власти, уполномоченного в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия; подготовить и опубликовать 3-й том библиографического указателя «Краеведы Якутии» (срок издания: 2016–2017 гг., отв. исп. Е.С. Шишигин), приступить к изданию трудов известных краеведов Якутии: С.И. Боло, А.А. Саввина, И.Г. Березкина, А.С. Порядина и др. (срок выполнения: 2016–2017 гг., отв. исп. Н.А. Макаров); разработать концепцию подготовки издания каталога музейного фонда РС (Я) (срок выполнения: 2016–2020 гг., отв. исп. Н.А. Макаров, Е.С. Шишигин);

- органам муниципальной власти включать членов ВООПИиК в составы муниципальных градостроительных советов с целью соблюдения законодательства в области охраны культурного наследия; ввести в градостроительные регламен-

ты запрет на выдачу земельных участков, а также разрешений на любые земляные, строительные, хозяйственные и мелиоративные работы на территории муниципальных образований без подписи археолога – государственного эксперта по историко-культурной экспертизе (в соответствии с ФЗ №73); совместно с местными отделениями ВООПИИК с целью популяризации и привлечения молодежи к изучению и сохранению объектов культурного значения устанавливать информационные надписи на памятниках истории и культуры, организовывать посвященные этому вопросу телевизионные и радиопередачи, а также освещать в печатных средствах массовой информации;

- Северо-Восточному федеральному университету им. М.К. Аммосова: создавать на своей базе краеведческие научно-исследовательские лаборатории и центры краеведения, которые смогли бы вести научные изыскания; продолжать вовлечение в работу временных творческих коллективов учителей и местных краеведов для разработки интегрированных учебно-методических комплектов по локальному краеведению (учебных пособий и атласов); начать работу по созданию учебника по географии и экологии Якутии для высшей школы;

- Институту развития образования и повышения квалификации: подготовить методические рекомендации по организации краеведческой работы для общеобразовательных учреждений и учреждений дополнительного образования;

- образовательным организациям: активнее использовать вариативную часть учебного плана для проведения краеведческих занятий, а также

включать краеведческий материал в уроки как гуманитарного, так и естественно-научного цикла и во внеурочную работу; использовать материалы локальной географии и истории в проектной, исследовательской и поисковой деятельности;

- музеям и библиотекам: расширять свои связи со школами, другими организациями, занимающимися краеведческой работой;

- руководству ВООПИИК: привлекать в свои ряды краеведов и общественников из улусов, инициировать создание местных отделений;

- местным отделениям ВООПИИК: выявлять в муниципальных образованиях достопримечательные места, связанные как с проведением национального праздника ысыах, совершением религиозных обрядов, бытованием народных художественных промыслов, так и с историей формирования народов, историческими событиями, жизнью выдающихся исторических личностей, для утверждения границ зон охраны объектов культурного наследия, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах указанных зон;

- руководству ЯРО Российского военно-исторического общества: привлекать в свои ряды активных исследователей-энтузиастов, изучающих и пропагандирующих военно-историческое прошлое, организующих работы по сохранению объектов военно-исторического наследия, занимающихся патриотическим воспитанием молодежи.

Участники конференции пришли к единому мнению, что патриотическое и экологическое воспитание подрастающего поколения необходимо строить на основе краеведческих знаний.

С.Д. Мухомлева, Н.В. Павлова

Всероссийская научно-практическая конференция (полевая сессия)

17–18 марта 2016 г. в г. Якутске проведена Всероссийская научно-практическая конференция (полевая сессия). В рамках конференции работал круглый стол «Эпос и сказительское искусство», посвященный 95-летию со дня рождения Н.В. Емельянова. Организаторы научного мероприятия: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО

РАН, Управление культуры и народного творчества Нюрбинского района.

Работа полевой сессии началась с обряда кумысопития в этнографическом комплексе (баллаган) ИГИИПМНС СО РАН. Ритуал подношения кумыса был реконструирован в советское время профессором, доктором философских наук К.Д. Уткиным. Восстановленный обряд ныне

практикуется и широко пропагандируется специалистами МКУ «Управление культуры и народного творчества» МР «Нюрбинский район». Алгысчыт, он же заведующий отделом народного творчества, в сопровождении *битииситов* преподнес молочный напиток из кобыльего молока божествам *айыы* через кормление духа огня, обратился к ним с молениями, благословил участников научного мероприятия. Первый кубок с божественным напитком он поднес известному эпосоведу, профессору СВФУ им. М.К. Аммосова, д.ф.н. В.В. Илларионову, после чего все участники обряда угостились кумысом и традиционной праздничной пищей – оладьями и жеребятиной. Обряд кумысопития завершился круговым танцем осуохай, который объединил присутствующих.

Пленарное заседание Всероссийской научно-практической конференции (полевой сессии) и круглого стола было предварено вступительным словом директора ИГИИПМНС СО РАН, д.и.н., профессора А.Н. Алексеева. В своей речи директор отметил, что полевая сессия становится площадкой ежегодного обсуждения результатов полевых исследований сотрудников. Им было подчеркнуто, что отличительной чертой полевой сессии текущего года является проведение круглого стола «Эпос и сказительское искусство», посвященного 95-летию со дня рождения Н.В. Емельянова, который внес неопределимый вклад в становление и развитие якутской гуманитарной науки. Директор Института выразил благодарность Главе МР «Нюрбинский район» Б.Н. Попову, начальнику МКУ «Управление культуры и народного творчества» Нюрбинского района Л.Р. Степановой за содействие и сотрудничество в проведении научного мероприятия, посвященного памяти ученых, уроженцев Нюрбинского улуса. В заключение он поблагодарил Главу МР «Нюрбинский район» Б.Н. Попова за финансирование издания альбома-каталога «Николай Васильевич Емельянов. Жизненный путь ученого в фотографиях» и кандидата политических наук Л.В. Федорову за безвозмездную помощь в приобретении архива Н.В. Емельянова.

В работе конференции (полевой сессии) и круглого стола приняли очное и заочное участие преподаватели, сотрудники, учителя, деятели культуры республиканских учреждений (АГИКИ, СВФУ, ИГИИПМНС СО РАН, ЯХК им. А. и Н. Посельских, школ Верхоянского, Нюрбинского районов), ученые из гг. Санкт-Петербург, Горно-Ал-

тайск, Дедовск, Кызыл, Саранск, Элиста, зарубежные исследователи из Казахстана и Турции.

На пленарном и секционном заседаниях всего заслушано 54 очных, 13 заочных докладов и выступлений. Пленарное заседание было открыто совместным докладом этнографа Е.Н. Романовой и этносоциолога В.Б. Игнатъевой, в котором впервые ставится проблема формирования северного варианта номадизма. Далее были представлены 4 доклада, затрагивающие злободневные вопросы полевой фольклористики: специалист в области тунгусоманьчжурских языков и сравнительно-исторического языкознания А.А. Бурькин рассмотрел поле фольклориста с точки зрения диахронической социолингвистики; этномузыковед А.С. Ларионова поставила задачу полевых исследований музыкального фольклора в рамках ИГИИПМНС СО РАН; фольклорист В.В. Илларионов затронул вопросы архивации и публикации фонозаписей олонхо, при этом он выделил роль Н.В. Емельянова в зарождении аудиовизуального архива сектора якутского фольклора. Профессор СВФУ им. М.К. Аммосова Л.С. Ефимова ознакомила участников конференции с результатами фольклорных экспедиций студентов, проведенных среди тюркомонгольских народов Сибири в 2008–2015 гг. Совместный доклад фольклористов С.Д. Мухоплевой, Н.В. Павловой, Н.С. Наумовой осветил жизненный путь Н.В. Емельянова, памяти которого был посвящен круглый стол. В заочном докладе тувинский литературовед и фольклорист З.Б. Самдан поделилась опытом полевой и исследовательской работы, полученным при сотрудничестве с Н.А. Алексеевым. Пленарное заседание было завершено показом отрывка документального фильма режиссера С. Ермолаева «Кэс тыл», посвященного научной деятельности Н.А. Алексеева.

Полевая сессия провела работу по четырем блокам. В первом блоке «Этнография поля: традиции, современность, контекст» докладчики С.А. Алексеева, Е.К. Алексеева, В.В. Ушницкий ознакомили слушателей с результатами этнографических экспедиций 2015 г., направленных на обследование современной этнокультурной ситуации малочисленных народов на Камчатке, Алтае и на северо-западе Якутии. Н.К. Данилова выступила с докладом о своеобразии авторского ландшафта арктических художников, а географический образ Арктики по материалам экспедиции на Ямал и Чукотку стал предметом совмест-

ного выступления С.Н.Куриловой, В.Е. Дьяконовой. Орнамент северных тунгусов, игра в культуре тюркских народов Восточной Сибири по материалам экспедиций 2015 г. в Туву, Хакасию, Алтай были освещены докладчиками Г.Н. Варавиной и П.Е. Заболоцкой.

Второй блок «Геокультурные пространства Северо-Востока Сибири и Казахстана: памятники историко-культурного наследия» был посвящен в основном результатам археологических раскопок последних лет, проведенных в Якутии археологами под руководством Р.И. Бравиной, и молодыми исследователями Б.О. Жанпеисовым, А.К. Нурмахановым в Казахстане. Кроме того, в рамках этого блока участники конференции смогли ознакомиться с результатами экспедиций языковедов и историков.

Острые вопросы специфики самоидентификации населения, региональной политики, оценки политических процессов населением, социолингвистической ситуации, этнического взаимодействия, семьи в Якутии и регионах России, вынесенные Е.Г. Маклашовой, П.М. Егоровым, Т.С. Ермолаевым, И.С. Астаховой, Т.Н. Константиновой, обсуждались в третьем блоке «Социологические измерения в полевых исследованиях». Этнографы и этносоциологи Института по результатам полевых работ выработали практические рекомендации и предложения государственным органам.

Докладчики четвертого блока «Проблемы полевой и теоретической фольклористики» Н.В. Покатилова, О.И. Чарина, П.Е. Прокопьева поставили вопросы функционирования малых жанров в фольклорной системе, взаимодействия русского и якутского эпических текстов, сохранения этнопедагогических традиций юкагиров. Кроме того, здесь докладчики В.Е. Дьяконова, Е.И. Бурцева ознакомили слушателей с результатами работы музыкально-этнографической экспедиции в Верхоянский район, обработки аудиоматериалов записи олонхо сказительницы Д.А. Томской. Современное состояние языка, история собирания, издания, изучения фольклора эсеевских якутов, проживающих в Красноярском крае, были обсуждены в выступлениях Р.И. Васильевой и А.И. Саввинова.

На круглом столе «Эпос и сказительское искусство» участники работали по трем блокам: «Вклад Н.В. Емельянова в изучении фольклора и эпической традиции народов Якутии», «Сказитель и искусство устного сказывания во време-

ни», «Эпическое наследие: поэтический язык и особенности сюжетного функционирования». Фольклористами В.В. Илларионовым, Н.В. Покатиловой, Л.С. Ефимовой, А.Н. Даниловой, А.А. Кузьминой, Н.А. Оросиной, Е.Г. Апросимовой, Т.С. Гороховой, этнографами Е.Н. Романовой, искусствоведами В.С. Никифоровой, А.Д. Татариновой, историками П.П. Петровым, А.А. Борисовым, С.Е. Никитиной, Л.Е. Винокуровой, языковедами А.А. Бурькиным, Н.Н. Ефремовым, Л.М. Готовцевой, А.М. Николаевой, Н.И. Винокуровой были обсуждены основные научные идеи выдающегося ученого Н.В. Емельянова по фольклорным жанрам, в частности, принципы классификации олонхо, проблемы историзма, поэтики, типологии и сказительского искусства. Рассмотрено развитие этих идей в последние десятилетия, сформулирован ряд вопросов ревитализации олонхо, предметного мира эпоса.

В докладах заочных участников В.И. Рогачева, Е.А. Деникаевой, К.В. Ядановой представлены результаты работы по семейно-родовым знакам субэтносов мордвы – эрзян и мокшан, раскрыты пути интенсификации ввода в научный оборот архивных фольклорно-этнографических материалов, описаны традиционные представления теленгитов о долине Эре-Чуй Республики Алтай по материалам полевых исследований. Сказочная традиция, представления о сказительстве в культуре калмыков, современные формы реконструкции сказительской традиции в Республике Алтай были темой докладов Т.Г. Басанговой и Т.М. Садаловой. Профессор университета Гази (г. Анкара, Турция) Метин Эргун в своем докладе описал методы и принципы классификации сюжетов олонхо Н.В. Емельянова.

В советское время фольклористами и специалистами Дома народного творчества была заложена традиция проведения Вечеров олонхо, направленных на сохранение и возрождение эпического наследия. Организаторы конференции в продолжение этой традиции совместно с Управлением культуры и народного творчества Нюрбинского улуса в рамках научного мероприятия организовали творческую лабораторию исполнителей олонхо трех поколений: В.И. Иванова-Чиллэ, А.В. Догучевой и учащихся школ Нюрбинского района: Сайааны Ивановой, с. Кюндядя; Владимира Иванова, с. Чаппанда; Тёлёна Мартынова, с. Антоновка. После каждого исполнения олонхо фольклористы и специалисты управления куль-

туры И.И. Попов, А.А. Лазарева, председатель ассоциации олонхо Нюрбинского района С.М. Яковлева совместно с исполнителями обсуждали репертуар и манеру исполнителя. На вечере были отмечены значительные достижения руководителя студии Аранастахской школы А.В. Петровой в приобщении детей к сказыванию олонхо. Фольклористы дали свои советы и рекомендации руководителям и специалистам управления культуры по дальнейшей работе с юными дарованиями. Вечер олонхо, прошедший в дружеской, теплой обстановке, возможно, станет стимулом творческого роста исполнителей олонхо, возрождения локальной традиции сказительского искусства Нюрбинского района.

Результатом работы Всероссийской научно-практической конференции (полевой сессии) и круглого стола «Эпос и сказительское искусство» является признание:

- необходимости расширения ареала полевых исследований для углубления научного знания и решения глобальных вызовов времени в области археологических, социально-исторических, филологических наук;

- значимости принятия мер для охраны археологического и культурного наследия;

- локального и несистематического характера археологического изучения Якутии, в частности, периодов, непосредственно связанных с историей и этногенезом коренных народов республики на современном этапе;

- целесообразности повышения статуса полевой сессии, привлечения к участию ведущих специалистов Арктической зоны России, стран СНГ и зарубежья;

- бесценного вклада Н.В. Емельянова в развитие российской фольклористики, становление эргисовской школы якутской фольклористики, зарождение и развитие олонховедения как отдельной научной дисциплины;

Итогом научного мероприятия стали рекомендации, в которых предлагается подготовить к печати материалы полевых сессий 2015–2016 гг. и круглого стола; переиздать основные научные труды Н.В.Емельянова в серии СО РАН «Избранные труды»; провести сектору арктических исследований полевую сессию– 2017; ИГИиПМНС СО РАН и МКУ «Управление культуры и народного творчества» МР «Нюрбинский район» разработать совместные проекты, нацеленные на увековечивание памяти ученых Института, уроженцев Нюрбинского района.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Анатолий Николаевич Алексеев

(к 70-летию со дня рождения)

Доктор исторических наук (1994), профессор (1995), заслуженный деятель науки РС(Я) (2000), почетный работник высшего профессионального образования РФ (2005), директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

СО РАН, действительный член АН РС(Я), Международной Академии наук высшей школы Анатолий Николаевич Алексеев родился 7 июня 1946 г. в семье школьных учителей в г. Вилюйске Якутской АССР, городе, который был построен по указу Екатерины II от 2 марта 1783 г. на месте русского зимовья XVII в. Первоначально его основным населением стали русские казаки, которые, живя среди местного населения, постепенно «объяжкивались». В этой своеобразной маленькой городской среде у Анатолия прошли детство и юность.

В 1972 г. Анатолий Николаевич окончил историческое отделение ИФФ ЯГУ и был оставлен аспирантом кафедры всеобщей истории. Кандидатскую диссертацию на тему «Каменный век Нижней Олёкмы» (рук. д.и.н., проф. Г.П. Башарин) он защитил в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР в 1981 г., а докторскую на тему «Древние культуры Якутии (XIV в. до н.э. – XVIII в.н.э.)» – в Институте археологии и этнографии СО РАН в 1994 г.

© А.И. Гоголев, 2016

В 1991–1997 гг. – первый проректор ЯГУ; 1998–2010 гг. – ректор ЯГУ. С 2011 г. по настоящее время – директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН.

Анатолий Николаевич Алексеев в студенческие годы начал заниматься археологией, постоянно принимая участие в археологических экспедициях историко-филологического факультета ЯГУ, которыми руководил Н.Д. Архипов. На последних курсах началась его специализация в области каменного века. На студенческих научных конференциях он часто выступал с докладами. После поступления в аспирантуру ЯГУ начались самостоятельные экспедиционные раскопки на юге Якутии. Многим премудростям полевых изысканий Анатолий Николаевич научился у своего друга и наставника, талантливого археолога, к.и.н. И.Е. Зыкова, совместно с которым были открыты и раскопаны стоянки древних людей на Олёкме и Лене.

Молодой ученый в кандидатской диссертации создал богато аргументированную фактическими данными хронологическую шкалу памятников каменного века одного из важнейших в археологическом отношении районов Южной Якутии – бассейна реки Олёкма.

В 1987 г. в издательстве Иркутского госуниверситета вышла первая монография А.Н. Алексеева «Каменный век Олекмы». В дальнейшем часть экспедиционного материала из Олёкмы он опубликовал в коллективной монографии лаборатории археологии ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР «Археологические памятники Якутии».

С 1974 г. А.Н. Алексеев возглавил археологическую экспедицию университета. Экспедиция

приступила к планомерному изучению памятников каменного века и эпохи палеометалла в бассейне Олёкмы и Средней Лены. Были открыты и рекогносцированы нижнепалеолитические памятники (Усть-Олёкма, Юнкюр IV), стоянки верхнего палеолита (Абага, Мархаан I, Хайыргас). Анализ полученных при раскопках материалов позволил А.Н. Алексееву доказать, что в эпоху среднего неолита Олёкма стала контактной зоной, поддерживающей постоянные связи с Прибайкальем и синхронными культурами Забайкалья. В позднем неолите эти связи фактически сохранились, одновременно усиливалось влияние Забайкальского региона. Основываясь на находках из стоянок с четкой стратификацией, А.Н. Алексеев выдвинул предположение о существовании локальных вариантов ымыйтахской поздненеолитической культуры Якутии [Алексеев, 1992; 1994а; 1996а].

Материалы 1990-х гг., добытые археологической экспедицией университета, подтвердили развитие бронзового века на местной автохтонной основе, хотя роль пришлого населения была весьма существенной [Алексеев, 1996а, с. 67–80]. Мнение Анатолия Николаевича о невозможности тогда четкого выделения отдельных хронологических этапов бронзового века Якутии остается в силе.

В свете новых археологических данных взгляд о решающей роли пришедших этногрупп в развитии железной металлургии края не находит подтверждения. Опираясь на имеющиеся материалы, А.Н. Алексеев предположил, что на территории Якутии в раннем железном веке обитали племена, сохранившие в быту многие культурные традиции предшествующих веков. При освоении территории Якутии пришедшие тунгусские племена занимали северо-западные, северные и северо-восточные окраины Центральной Якутии. Продолжительный по времени подготовительный период, начавшийся на рубеже двух эр, по мнению ученого, создал предпосылки, которые обеспечили в дальнейшем ускорение этнообразующих процессов в эпоху средневековья [Алексеев, 1996б, с. 9–28].

А.Н. Алексеев плодотворно занимается изучением этнических процессов, протекавших на территории Якутии в древние времена и в эпоху средневековья. В круг этих проблем входит исследование становления протоюкагирской культуры [Алексеев, Гоголев, Зыков, 1991]. По его

предположению, в эпоху усть-мильской культуры (бронзовый век) на территории Якутии проживали не только сформировавшиеся тогда юкагиры или юкагироязычные племена, но и древне-самодийские и, возможно, палеоазиатские племена. Это мнение А.Н. Алексеева частично получило подтверждение в одной из статей его ученика А.Д. Степанова, который на основе исследования «неизвестной» топонимики на территории Якутии приходит к выводу о более широком расселении предков ненцев, нганасан, юкагиров и кетов в восточных районах Сибири в древности [Степанов, 2005, с. 222].

А.Н. Алексеев, изучая этногенез тунгусов, в основном поддержал идею В.А. Туголукова и М.Г. Левина о их забайкальском происхождении. При этом он обратил внимание на происхождение нагрудников (передников), считающихся одним из характерных элементов тунгусской одежды. С открытием Роднинского неолитического погребения на Колыме, по мнению исследователя, предположение о существовании у аборигенного населения костюма с нагрудником получило подтверждение, следовательно, тезис о приоритетном праве на этот элемент древней одежды тунгусского населения утрачивает свою убедительность [Алексеев, 1996б, с. 40]. Автор внес определенные коррективы в отношении материальной культуры населения Якутии в эпоху раннего железного века на основании обнаруженного им нового археологического материала и уточнил при этом ранее предложенную И.В. Константиновым периодизацию железного века Ленского края.

В целом А.Н. Алексеев выступил против теории автохтонного прибайкальского происхождения тунгусов. Наиболее заметное передвижение их, по мнению исследователя, произошло на оленеводческой стадии в конце I – начале II тыс. н.э. «Вероятно, именно в это время, – пишет он, – на писанице Укаан на Алдане появился единственный в Якутии рисунок с оленеводческой тематикой – антропоморфная фигура, восседавшая верхом на олене» [Там же, с. 43]. Активизации движения тунгусоязычного населения по Восточной Сибири, по его убеждению, способствовали три фактора: политические события в Центральной Азии и Забайкалье, развитие оленеводства и демографический рост тунгусского этноса.

Вслед за исследователями А.Н. Алексеев предполагает приход в Якутию второй, более многочисленной волны оленных тунгусоязычных групп

и датирует этот этап движения XI–XII вв. (дюк-тайско-белькачинский комплекс раннего железного века) [Алексеев, Гоголев, Зыков, 1991, с. 38–39].

В 1990-х гг. на основании анализа нового археологического материала А.Н. Алексеев приходит к выводу о значительном участии автохтонного населения в сложении якутской народности, о чем свидетельствуют сохранившиеся в ее культуре многие аборигенные элементы. «Проникновение тюркских групп в Якутию, – пишет он, – не было тотальным, соответственно и тюркизация местных этносов была процессом длительным и многоэтапным» [Алексеев, 1994б]. Автор выразил согласие с выводами Г.В. Ксенофонтова о длительной, поэтапной колонизации Ленского края южными предками якутов [Алексеев, 1996б, с. 45–60].

Со второй половины 1980-х гг. Анатолий Николаевич впервые начал планомерные раскопки ранних русских поселений на северо-востоке Якутии XVII – начала XIX вв. Изучение этих памятников (в особенности комплексов Алазеи и Колымы) показало, что русское население в Заполярье сохраняло и развивало промыслы и ремесла, связанные с повседневными потребностями: кузнечное, плотницкое, столярное, кожевенное, обувное, косторезное дело, торги. Но суровые природно-климатические условия Заполярья способствовали тому, что хозяйство русских поселенцев оказалось ориентированным на охоту и рыболовство [Алексеев, 1996в]. Эта работа восполнила существующие пробелы в области палеоэтнографии Северо-Восточной Азии. Весь этот многочисленный полевой материал лег в основу докторской диссертации А.Н. Алексеева «Древние культуры Якутии (XIV в. до н.э. – XVIII в. н.э.)», успешно защищенной в 1994 г. в спецсовете Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

В 1996 г. в серии «История и культура востока Азии» новосибирского издательства «Наука» вышли три монографии А.Н. Алексеева: «Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы», «Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья», «Материальная культура русских землепроходцев и мореходов XVII–XVIII вв. в Якутии». Они были восприняты специалистами весьма положительно. Кроме того, само издание монографий исследователя в популярной презентативной серии научных публикаций явилось признанием его как историка-востоковеда.

Анатолий Николаевич создал научную школу археологов университета. Под его руководством не только защищаются диссертации, но и его ученики уже сами имеют своих аспирантов. В результате деятельности лаборатории археологии и экспедиции под руководством А.Н. Алексеева была воссоздана картина древнейших и древних этапов исторического развития Южной Якутии; разработаны и разрабатываются новые направления исследований археологии Восточной Сибири, такие как астроархеология, миграция и её временные разновидности на границах Северной и Центральной Азии, на стыке эпохи палеометалла и раннего средневековья.

Анатолий Николаевич Алексеев является членом Президиума Академии наук РС (Я), Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам АН РС (Я), Объединенного ученого совета Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

Награжден орденом «Знак Почета» (2006); знаком отличия РС (Я) «Гражданская доблесть» (2009); почетными грамотами Министерства образования РФ и Федерального агентства по образованию, а также грамотой Совета Федерации Федерального собрания РФ (2013).

Будучи народным депутатом Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) двух созывов (2002–2013 гг.), он сделал многое для дальнейшего позитивного развития Вилюйского улуса.

Анатолий Николаевич полон творческой энергии, и мы ждем от него дальнейших успехов в изучении эпохи каменного века, палеометалла и средневековья, связанных в первую очередь с проблемами этногенеза народов Якутии.

Наиболее значимые публикации

А.Н. Алексеева:

1. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск, 1996.
2. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск, 1996.
3. Материальная культура русских землепроходцев и мореходов XVII–XVIII вв. в Якутии. – Новосибирск, 1996.
4. Chamane, kuys, jeune fille des Glaces. – Paris, 2007 (соавтор).
5. Мир древних якутов. – Якутск, 2012 (соавтор).

Литература

Алексеев А.Н. История археологического изучения Олекмы // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1992.

Алексеев А.Н. Локальные варианты и этническая идентификация ымыйахтахой археологической культуры // Учен. зап. ЯГУ. Сер.: Гуманитарные науки. – Якутск, 1994а.

Алексеев А.Н. Происхождение якутского народа (По новым археологическим данным) // Там же. – Якутск, 1994б. – С. 125–130.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы // Там же. Сер.: История и культура Востока Азии. – Новосибирск, 1996а.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья // Там же. – Новосибирск, 1996б.

Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск, 1996в.

Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е. Археология Якутии. (Эпоха палеометаллов и средневековья): учеб. пособие. – Якутск, 1991.

Степанов А.Д. Самодийская и юкагирская топонимика на карте Якутии: к проблеме генезиса древних культур Севера // Социогенез в Северной Азии. – 4.2. – Иркутск, 2005.

Шереметьева В.А., Горшков В.А., Медников Б.И. Молекулярная история Камчатки // Природа. – 1983. – № 11. – С. 28–32.

А.И. Гоголев,
д.и.н., проф.,
вице-президент АН РС (Я)

Иван Егорович Алексеев

(к 75-летию со дня рождения)

Видный якутский лингвист, доктор филологических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук Иван Егорович Алексеев родился 6 марта 1941 г. в с. Кыргыдай Вилюйского района Якутской АССР. Его детство прошло в кра-

сивой местности под названием Кыбыгыдыаан. После седьмого класса он продолжает учебу в Жиганской средней школе Жиганского района. В 1960 г. будущий лингвист поступает на отделение якутского языка и литературы историко-филологического факультета Якутского государственного университета.

Успешно окончив университет, в 1965 г. Иван Егорович начал трудовую деятельность учителем средней школы с. Качикат Орджоникидзевогo района (ныне Хангаласского улуса). Затем Иван Егорович переходит на комсомольскую работу: в 1966–1968 гг. работает заведующим культурно-массовым сектором Якутского обкома комсомола. В 1968 г. он поступает в аспирантуру ЯФ СО АН СССР с прикомандированием в г. Новосибирск в Институт филологии, философии и истории СО АН СССР, где под руководством выдающихся тюркологов Е.И. Убрятовой и В.М. Надеяева проводит исследования по якутскому языку.

В этом же году в созданной В.М. Надеяевым в 1968 г. лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИИФиФ СО АН СССР начали решаться задачи изучения звуковых систем языков Сибири, освоения существующих экспериментальных методов и поиска новых, подготовки специалистов для дочерних фонетических лабораторий НИИ и вузов Сибири, обобщения результа-

тов экспериментально-фонетических исследований и ввода их в информационное поле лингвистов. Первыми аспирантами новой лаборатории были И.Е. Алексеев, М.Ч. Чумакаева (г. Горно-Алтайск). Иван Егорович под руководством создателя сибирской фонологической школы В.М. Наделяева начал изучение якутской ритмомелодики методами экспериментальной фонетики.

С 1971 г. начинается научная деятельность Ивана Егоровича в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, где он проработал до 1999 г., в качестве младшего, старшего, ведущего научного сотрудника и заведующего отделом грамматики и диалектологии. В 1982 г. в г. Алма-Ата Иван Егорович Алексеев защищает кандидатскую диссертацию на тему «Вопросительные предложения в якутском языке (семантико-интонационное исследование)», в 1994 г. – докторскую диссертацию «Типология структурно-коммуникативных и интонационных систем высказывания в якутском языке».

Используя методику расшифровки и расчетов ритмомелодем, разработанную на основе терминов и приемов Л.В. Щербы, Л.Р. Зиндера, В.А. Артемова, Л.К. Цеплитиса, П. Линдсея и Д. Нормана в лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИИФиФ СО АН СССР, он написал и издал монографию по мелодике вопросительного предложения «Вопросительные предложения в якутском языке (семантико-интонационное исследование)» (Якутск, 1982), а также другие монографии. Как пишет известный исследователь хакасского языка К.Н. Бичелдей, данная методика является методикой В.М. Наделяева и его ученика И.Е. Алексеева, которая успешно применяется в изучении языков народов Сибири. Своими фундаментальными трудами Иван Егорович открыл и развил новое направление якутского языкознания – синтаксис разговорной речи.

В 1999 г. он переходит в Государственный комитет по науке и профобразованию Правительства Республики Саха (Якутия) руководителем отдела языковой политики (1999–2002 гг.). В 2002 г. заведует кафедрой в Якутском государственном университете им. М.К. Аммосова, с 2004 г. работает заведующим центра изучения речи им. Н.Д. Дьячковского. В настоящее время он профессор кафедры якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации СВФУ им. М.К. Аммосова.

И.Е. Алексеев – ведущий специалист в области коммуникативного синтаксиса якутского языка, экспериментальной лингвистики, языковой политики, этномузыки. Во главу угла своих исследований Иван Егорович всегда ставит актуальные теоретические и прикладные вопросы якутского языка, проблемы его развития и сохранения.

И.Е. Алексеев – автор трех капитальных монографий, посвященных коммуникативным типам предложения: «Вопросительное предложение в якутском языке» (Якутск, 1982), «Ответный компонент диалога в якутском языке» (Новосибирск, 1990), «Побудительная фраза в якутском языке. Структурно-коммуникативный аспект» (Новосибирск, 1992), один из основных авторов 2-го тома «Граматики современного якутского литературного языка. Синтаксис» (Новосибирск, 1995). Им опубликовано более 100 научных работ по проблемам филологии и культуры в журналах, сборниках, изданных в РФ, СНГ, Японии, США и др. странах.

Он автор учебных пособий «Фонетика якутского языка» (Якутск, 2006), «Алфавит якутского языка» (Якутск, 2014), «Искусство игры на хомусе» (Якутск, 1988).

И.Е. Алексеев – научный руководитель и консультант четырех защищенных кандидатских диссертаций, руководитель магистерской программы 45.04.01. «Филология. Языки народов РФ (якутский язык)», руководитель научного кружка «Экспериментатор» для студентов ИЯиКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

Он член Совета по языковой политике при Президенте РС (Я), член диссертационного совета Д 004.031.01 на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)» при Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Наряду с многогранной научной и педагогической деятельностью Иван Егорович ведет большую общественную работу. Он инициатор развития и возрождения варганной (хомусной) музыки не только в республике, но и в России и мире. В 1990 г. он создал Музей варгана (хомуса) народов мира, ставший единственным в мире уникальным собранием хомусной музыки, а также уникальную школу якутских хомусистов. С 1992 г. он руководит Международным центром хомуса, является членом Международного совета музеев (ICOM).

Научная, педагогическая и общественная деятельность И.Е. Алексеева получила признание. Он заслуженный деятель культуры Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации, заслуженный ветеран СО РАН, лауреат премии комсомола Якутии, почетный гражданин г. Якутска, Вилуйского и Жиганского улусов, Кыргыдайского наслега. Награжден знаками «За вклад в области науки» Министерства профессионального образования и науки РС (Я), «За вклад в развитие народного художественного творчества РС (Я)», а также знаком признания заслуг Городской думы Якутска. Удостоен почетного звания «Лучший выпускник – гордость университета». Награжден

премией Главы РС (Я) за особый вклад в социально-экономическое развитие Республики Саха, а также за заслуги перед РС (Я).

Желаем уважаемому коллеге И.Е. Алексееву крепкого здоровья, новых успехов в научно-педагогической и общественной деятельности, долгих лет жизни.

Т.Е. Андреева, к.ф.н., замдиректора по науке
ИГИиПМНС СО РАН,
Н.Н. Ефремов, д.ф.н., г.н.с. сектора
грамматики и диалектологии якутского языка
ИГИиПМНС СО РАН

Анастасия Никитична Мыреева

(к 75-летию со дня рождения)

Анастасия Никитична Мыреева – ученый-литературовед, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИГИиПМНС СО РАН, действительный член Академии Северного Форума, заслуженный работник образования РС (Я). Стаж её на-

учно-педагогической деятельности составляет 55 лет. Работает в институте с 1988 г., занимала должности старшего научного сотрудника отдела литературы, ведущего научного сотрудника, старшего научного сотрудника сектора литературоведения.

Окончив аспирантуру в 1982 г. в Томском государственном университете, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Изображение народного характера в прозе 60-х годов о деревне», а в 1999 г. в Московском государственном педагогическом университете – докторскую диссертацию

© С.Е. Ноева, В.Б. Окорокова, 2016

цию на тему «Многоязычный роман 1960–1980-х гг. Типологические аспекты».

По мнению авторитетных ученых России (А.Я. Эсалнек, В.И. Фатюшенко, В.Г. Одинокова и др.), докторская диссертация А.Н. Мыреевой является фундаментальным научным исследованием, «крупным достижением современного литературоведения».

Общий ракурс, объединяющий в единое целое многообразную научную деятельность А.Н. Мыреевой, ведущего специалиста в области изучения якутского, северного романов, исследователя проблемы типологии и поэтики эпических жанров в современной якутской прозе, – это проблемы взаимодействия многоязычной литературы России, начиная с русской прозы и вплоть до северных литератур. В её исследованиях большое место занимает художественное отражение экологических проблем в современной прозе, в частности в жанрах повести и романа.

А.Н. Мыреева – автор трех монографий: «Многоязычный роман 1960–1980-х гг. Типологические аспекты» (Новосибирск, 1997), «Человек и природа в современной якутской про-

зе» (Якутск, 2001) и «Якутский роман 70–90-х годов XX века» (Новосибирск, 2014), книги «Литература и время» (Якутск, 2010), двух учебных пособий для студентов вузов: «Изображение народного характера и эволюция повести о деревне в 60-е годы» (Якутск, 1984), «Изображение народного характера в советском романе о деревне в 60-е годы (М. Алексеев и Ф. Абрамов)» (Якутск, 1987). Также является членом авторского коллектива пяти монографий: «Литература Якутии на современном этапе 1980–1990-е гг. Очерки» (Якутск, 2001 – раздел «Повесть»), «Литература Якутии XX века», «Проблемы творчества И.М. Гоголева-Кындыла: поэзия, проза, драматургия», «Россия и Якутия: сквозь призму истории». Ею опубликовано около 200 научных статей, в т.ч. в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Перми, Улан-Удэ, Якутске.

В книгах и статьях А.Н. Мыреевой можно выделить два основных исследовательских направления: 1) трансформация и модификация эпических жанров, 2) типология и эволюция образов в национальной прозе, которые являются актуальными в российском литературоведении в целом.

В 2003–2007 гг. А.Н. Мыреева была одним из ответственных исполнителей научно-исследовательских проектов: «Литература Якутии XX века» (разделы о жанрах повести и романа), утвержденного Ученым советом института, протокол № 11 от декабря 2003 г.), «Национальный образ мира в современной якутской литературе: классика и современность», утвержденного Ученым советом института, протокол № 12 от 24 ноября 2006 г.). Исследовательские интересы литературоведа направлены на всестороннее раскрытие проблем национальной литературы в контексте современных научных актуализаций.

А.Н. Мыреева большое внимание уделяет изучению всей российской литературы, рассматривая ее в аспектах компаративистики, поэтики текста, истории литературы. Так, значительный научный резонанс получила её монография «Многонациональный роман 1960–1980-х гг. Типологические аспекты» (Новосибирск, 1997), в которой изучены типологические схождения в романах разных литератур (русской, киргизской, якутской). Исследования в аспекте поэтики русской литературы темы «деревенской» прозы, народного характера 60-х гг. привели ученого к следующей большой теме в ее научной деятельности – к исследованию темы эколо-

гии в русской, якутской прозе. По материалам научных изысканий была написана монография «Человек и природа в современной якутской прозе» (Якутск, 2001). Далее, обращаясь к материалу северного романа, исследователь продолжает рассмотрение динамики эпических традиций, эволюции героя в прозе (исследовательский материал о романах С.Н. Курилова, П.А. Ламутского, А.В. Кривошапкина). И наконец, на основе большого сравнительного материала, в совокупности охватывающего и устные традиции народов, и большие прозаические жанры, ею проанализирован особый этап в истории якутского романа 1970–1990-х гг. в аспекте традиции и новаторства. В монографическом исследовании якутский роман последней четверти XX в. представлен как своеобразная, сложная система, находящаяся в процессе обновления, обогащения и культурного взаимодействия. Ученым выделен ряд типологически значимых разновидностей жанра, в числе которых особое место отводится философскому жанру как художественному отражению нового характера национального самосознания, который обусловил обращение к богатству этнокультурной памяти народа.

Типологическое изучение жанра романа признано как новое направление в якутском литературоведении, в работах ученого по-новому раскрываются значение классического наследия, нравственное и философское содержание лучших произведений современной якутской литературы.

А.Н. Мыреева принимает активное участие в многочисленных научных конференциях различного уровня: в международных, всероссийских, региональных.

В своей научной практике, посвященной изучению истории и поэтики якутской литературы, А.Н. Мыреева выступает, прежде всего, как ученый-педагог. В 2001–2005 гг. она работала по совместительству в должности профессора кафедры якутской литературы. Читала курс лекций по истории якутской литературы. Ею разработаны спецкурсы «Современный якутский роман: типология и поэтика», «Современная якутская повесть», «Человек и природа в современной якутской прозе». А.Н. Мыреева руководила дипломными работами, писала рецензии. Она член диссертационных советов по защите кандидатских диссертаций в ЯГУ (СВФУ им. М.К. Аммосова) (якутская литература), а также кандидатских и докторских диссертаций в ИГиИПМНС СО РАН (якутский язык).

Базовые положения научной деятельности ученого легли в основу современных литературоведческих разработок по якутскому роману. Под руководством А.Н. Мыреевой в 2006 г. защитила кандидатскую диссертацию С.Е. Ноева на тему «Особенности хронотопа романов И.М. Гоголева», в 2014 г. – Т.И. Лазарева на тему «Художественная деталь в романах Софр. П. Данилова: типы и функции» и в 2015 г. – А.М. Баишева на тему «Жанровое своеобразие исторического романа Н. Лугинова “По велению Чингисхана”».

На протяжении своей более чем полувековой научной деятельности она выступает с лекциями, докладами, сообщениями на общественных мероприятиях, в школах.

Анастасия Никитична Мыреева является членом попечительского совета, научным консультантом Тюнгилюнской средней школы Мегино-Кангаласского улуса, была председателем экспертной комиссии на конференции «Шаг в буду-

щее». Принимает активное участие в жизни института, Лиге женщин-ученых и в городской художественной самодеятельности. В 2003 г. была удостоена звания «Заслуженный работник образования РС (Я)». Является действительным членом Академии Северного Форума, членом Союза писателей РС (Я).

Становление, основные этапы научно-практической деятельности ученого-литературоведа А.Н. Мыреевой совпадают с важнейшими вехами развития якутской науки, с оформлением особого характера регионального литературоведения.

С.Е. Ноева,

к.ф.н., н.с. сектора литературоведения
ИГИиПИМНС СО РАН,

В.Б. Окорокова,

д.ф.н., проф. кафедры якутской литературы
ФЯФиК СВФУ им. М.К. Аммосова

Розалия Иннокентьевна Бравина

(к 60-летию со дня рождения)

науки и техники РС (Я) Розалия Иннокентьевна Бравина (Михайлова) родилась в с. Шея Сунтар-

Видный российский этнограф, археолог, якутовед, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ, отличник народного просвещения РФ, заслуженный деятель науки РС (Я), лауреат Государственной премии в области

ского района ЯАССР 10 июня 1956 г. Окончив в 1973 г. Шеинскую среднюю школу, она поступила на историческое отделение историко-филологического факультета ЯГУ. В годы учёбы на факультете принимала участие в работах археолого-этнографической экспедиции ЯГУ под руководством А.И. Гоголева, и уже тогда определился её научный интерес, связанный с этнографией якутов и их погребальной обрядностью.

В 1978 г., успешно окончив историческое отделение ЯГУ, она была зачислена стажёром-исследователем кафедры антропологии и этнографии исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, через год поступила в аспирантуру ЛГУ, где её наставниками были такие крупные специалисты,

как В.П. Дьяконова, Р.Ф. Итс и др. В 1981–1982 гг. вышли её первые научные статьи, а уже в 1983 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Погребальный обряд якутов как историко-этнографический источник» в Ленинградском отделении Института этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

С 1983 по 2002 г. Р.И. Бравина работала в ЯГУ, где прошла все ступени от ассистента до профессора, успешно сочетая преподавательскую, научную и общественную деятельность. Она является одним из зачинателей и организаторов культурологического образования в РС (Я). В 1992 г. стала заведующей кафедрой национальной культуры факультета якутской филологии и культуры ЯГУ, ставшей основой для организации отделения национальной культуры, готовящей культурологов. На общеуниверситетских конкурсах становилась победителем в номинациях «Лучший доцент» 1995 г., «Человек года-2000» и др. Р.И. Бравина – один из авторов концепции создания Арктического государственного института культуры и искусства, созданного указом Президента РС (Я) в декабре 2000 г. Являлась зампредела Союза женщин РС (Я).

В 2000 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Концепция жизни и смерти в культуре этноса: (На материале культуры саха)» в Институте этнографии и археологии СО РАН, (г. Новосибирск). Решением Президиума ВАК Министерства образования РФ докторская диссертация Р.И. Бравиной была включена в число пяти лучших диссертаций Российской Федерации 2000 г. в области фундаментальных наук.

С 2002 по 2010 г. являлась директором Института социальных проблем труда Академии наук РС (Я). В эти годы активно участвовала в разработке программных документов и проектов законодательных актов в области социальной политики республики: принимала участие в работе по внесению уточнений в Конституцию РС (Я), в разработке научно-технической программы «Республика Саха (Якутия): укрепление государственности и возрождение духовности», международного проекта Университета Арктики «People and Cultures of Circumpolar World».

Научная и общественная деятельность Розалии Иннокентьевны Бравиной по достоинству оценена. В 2005 г. Указом Президента РС (Я) за заслуги в социально-экономическом развитии республики и многолетнюю активную обществен-

ную деятельность она награждена Почетным знаком имени Софьи Сидоровой. В 2006 г. за заслуги в области науки и многолетнюю плодотворную творческую деятельность ей присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)». В 2007 г. за цикл научных работ по культурному наследию народа саха, вносящих весомый вклад в историческую этнографию, способствующих духовному возрождению народа саха Р.И. Бравиной присуждена Государственная премия Республики Саха (Якутия) в области науки и техники.

В 2009 г. по приглашению директора-организатора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Н.А. Алексеева Р.И. Бравина становится заведующей сектором археологии, где успешно работает по настоящее время. Работая в ИГИИПМНС СО РАН, она проводит археологические полевые исследования и кропотливую фондовую работу в краеведческих музеях и архивах вилюйской, центральной и северной групп улусов республики, в ходе которых ею открыты и исследованы уникальные погребения кулун-атахской культуры конца XIII–XVI вв., а также погребения якутов XVII–XIX вв., атрибутированы редкие музейные экспонаты, изучены ценные архивные материалы. Результаты этих исследований оформлены во многих научных статьях, опубликованных в ведущих российских журналах соответствующего профиля, в сборниках научных трудов и материалах конференций. В эти годы она является обладателем нескольких грантов, руководителем, исполнителем и координатором целого ряда научных проектов Президиумов РАН и СО РАН, АН РС (Я), в том числе научно-исследовательской работы проекта Правительства РС (Я) трёхтомная академическая «История Якутии». Р.И. Бравина является автором и соавтором более 170 научных и научно-методических работ, в т.ч. более 10 монографий. Руководит 3 аспирантами.

Р.И. Бравина – член научно-консультативного совета республиканского общества «Священные места» и научно-методического совета Дома духовного развития саха «Арчы» при Министерстве культуры и духовного развития РС (Я), член редколлегии международного журнала «Karadeniz. An International Journal of Social Science» (Турция), член Общего собрания АН РС (Я), член Общего собрания ЯНЦ СО РАН, член Объединённого учёного совета АН РС (Я), член учёного совета

ИГИиПМНС СО РАН, председатель аттестационной комиссии ИГИиПМНС СО РАН.

Р.И. Бравина является прекрасным знатоком культуры, мифологии, народных обычаев и обрядов якутов, в совершенстве владеет якутским языком. Помимо научной литературы, Р.И. Бравина активно публикует научно-популярные книги на якутском языке, непременно пользующиеся большим спросом у читателей. Она много выступает на радио, телевидении, в газетах.

Розалию Иннокентьевну отличают философское отношение к жизни, рассудительность и пылкий ум. Она много читает, интересуется культурой и искусством, часто путешествует, но ценит семейный уют и благополучие. Живя в

частном доме в пригороде Якутска, занимается хозяйством, каждое лето выращивает овощи, сажает цветы, хотя трудная работа археолога-полевика этому мало способствует. Она любящая мать и бабушка.

Поздравляя от имени коллег Розалию Иннокентьевну, желаем ей крепкого здоровья, долгих лет жизни, семейного благополучия, новых открытий и успехов в труде!

В.М. Дьяконов,
к.и.н., н.с. сектора археологии
ИГИиПМНС СО РАН

Лилия Иннокентьевна Винокурова

(к 60-летию со дня рождения)

Татгинский улус, колыбель целой плеяды выдающихся представителей народа саха, 60 лет назад подарил Якутии достойнейшую последовательницу своих знаменитых земляков – Лилию Иннокентьевну Винокурову – известного специалиста по социальной, аграр-

ной и гендерной истории народов Севера. Она родилась 28 июня 1956 г. в селе Хара-Алдан в семье Иннокентия Ивановича Винокурова, который 40 лет возглавлял колхоз-артель «Арктика», и Екатерины Алексеевны Винокуровой, учительницы русского языка и литературы.

В 1972 г. после окончания школы Лилия Иннокентьевна поступила в Якутский государствен-

ный университет на историческое отделение историко-филологического факультета, который закончила с отличием в 1977 г. Свою трудовую деятельность Лилия Иннокентьевна начала в школе № 23 г. Якутска учительницей истории, где проработала до поступления в очную аспирантуру Якутского филиала СО АН СССР в 1980 г. С этого периода её жизнь неразрывно связана с научно-исследовательской деятельностью в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (ныне ИГИиПМНС СО РАН).

В 1991 г. она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Рабочие совхозов Якутской АССР (1961–1985 гг.)» под руководством крупнейшего ученого Ф.Г. Сафронова. В своей работе Лилия Иннокентьевна показала глубокое и всестороннее знание источников, умение восстанавливать на основе анализа реальную картину событий, и тем самым понимание проблем, происходивших в совхозах Якутии. Кандидатская диссертация и опубликованная на ее основе монография до сих пор являются одной из немногих работ по аграрной

истории Якутии, в которой рассмотрено «место простого труженика в истории».

В 1991 г. перспективного ученого пригласили на работу во вновь созданный Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, где она на протяжении многих лет возглавляла историко-этнографическое направление института. В стенах ИПМНС СО РАН Л.И. Винокурова продолжила исследования по аграрной истории, связанные с коренными малочисленными народами Севера Якутии.

С 2008 г. она является ведущим научным сотрудником сектора арктических исследований в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, продолжая разрабатывать широкий круг научных тем. В сферу ее профессиональных интересов входят вопросы этнической, социальной, экономической и политической истории Якутского Севера и Арктики, проблемы взаимоотношений власти и общества, истории повседневности и культурной антропологии. Л.И. Винокурова является пионером в области исследований человеческого потенциала в сельском хозяйстве Якутии и социокультурных характеристик аграрных трудовых ресурсов.

Особое внимание в её работах уделяется научному осмыслению общего этнокультурного развития и жизнедеятельности аборигенных этносов Республики Саха (Якутия). Ею было опубликовано значительное количество научных и научно-популярных статей, посвященных наиболее актуальным проблемам коренных жителей Севера, получивших высокую оценку среди научного сообщества. В фокусе исследований, проводимых Л.И. Винокуровой, находятся вопросы истории и современных реалий малочисленных северных сообществ, социально-экономических и культурных процессов, происходящих в циркумполярном регионе. Важное место в ее работах занимают оценка воздействия экологических факторов на традиционное хозяйство и культуру аборигенного населения, а также их осмысление и оценка, что нашло отражение на страницах её статей и монографий.

Следует отметить и вклад Л.И. Винокуровой в исследования по международному сотрудничеству и региональной интеграции в Арктике. Она является одной из первых ученых, отметивших положительную роль и значение отдельных государственно-административных образований (на примере Республики Саха (Якутия)) в междуна-

родной кооперации в арктическом регионе. Изучая и оценивая роль властных структур в развитии межрегионального сотрудничества, а также их влияние на общую ситуацию в циркумполярной зоне, она внесла значительный вклад в развитие научных дисциплин, касающихся проблем взаимоотношений власти и общества, в частности, в теорию элит.

Автор многочисленных трудов по аграрной истории и гендерной политике, опубликованных в российских и зарубежных изданиях, Л.И. Винокурова широко известна в республике как один из ярких лидеров женского движения, она избиралась делегатом пяти республиканских съездов женщин, является членом Президиума Союза женских организаций Республики Саха (Якутия). Еще в своей диссертационной работе Лилия Иннокентьевна затронула проблемы женского и молодежного труда, которые в дальнейшем легли в основу ее гендерных исследований. С конца 1990-х гг. она на инициативных началах занимается гендерными исследованиями, являясь одним из пионеров данного направления науки на Северо-Востоке РФ. Л.И. Винокурова – непосредственная участница многих значимых социальных мероприятий в республике. Участвовала в создании Лиги отцов РС (Я). Активно способствует формированию имиджа женщин новой Якутии, освещает опыт общественного движения якутянок на международных и российских форумах.

Исследования, проводимые под руководством Л.И. Винокуровой, имеют научную и практическую значимость, о чем говорят ряд проектов, поддержанных РГНФ, РФФИ, Президентом и Правительством Республики Саха (Якутия), Программой фундаментальных исследований Президиума СО РАН и т.д.

Научно-исследовательскую деятельность Лилия Иннокентьевна сочетает с преподавательской работой, внося свой вклад в подготовку молодых специалистов и ученых. На протяжении многих лет она читала курсы лекций по истории России и Якутии в ЯГСХА и ЯГУ (ныне – СВФУ). Неоднократно она являлась председателем ГАК исторического факультета СВФУ. Участвовала в подготовке учебного пособия «История Якутии» для студентов вузов. В то же время Л.И. Винокурова вносит существенный вклад в подготовку научных кадров, руководит работой аспирантов и соискателей, двое из которых – В.В. Филиппова и

С.А. Григорьев – успешно защитили кандидатские диссертации.

Лилия Иннокентьевна постоянно оказывает поддержку начинающим исследователям, являясь экспертом федеральной программы «Шаг в будущее» с момента её создания в Республике Саха (Якутия). Регулярно консультирует школьников и учителей по различным вопросам исследовательской подготовки учащейся молодежи.

Научная деятельность Л.И. Винокуровой тесно связана с практикой государственных структур Республики Саха (Якутия). Работая по совместительству в Министерстве внешних связей РС (Я), была соавтором первой Концепции внешней политики РС (Я), подготовила успешно потом реализованную Программу «Сотрудничество РС (Я) с северными странами». При её участии подготовлен также ряд законов и программ по социально-экономическому развитию арктических районов и коренных малочисленных народов Севера Якутии, по вопросам защиты прав коренных народов и толерантности, занятости и безопасности сельской жизни.

Как ученый и общественник, она вносит свой вклад в укрепление межнационального понимания и сотрудничества. С 1980-х гг. пропагандирует через СМИ культурное наследие народов Якутии и исторические знания. Ведет разностороннюю работу по поддержке и реализации программ развития культуры народов Якутии.

Высокую оценку специалистов получили ее научные и популярные статьи, художественные эссе по пропаганде якутского языка и якутской культуры среди иноязычной аудитории. Отмечена «Золотым зерном» Всероссийской премии журналистов «Золотой лотос» за 2004 г.

Многие годы является ответственным секретарем серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», членом редколлегии журнала «Наука и техника в Якутии».

Вклад Лилии Иннокентьевны Винокуровой в развитие науки и её активная общественная дея-

тельность отмечены Почетными грамотами Сибирского отделения РАН и Министерства науки РС (Я), Благодарностью Президента РС (Я), Почетной грамотой Ил Дархана, почетным знаком СО РАН «Серебряная сигма», знаком Министерства науки и профобразования «За заслуги в области науки», знаком отличия «Гражданская доблесть», почетным званием «Отличник культуры РС (Я)».

За научную поддержку социальных проектов и сотрудничество с общественными организациями отмечена Почетной грамотой Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также знаками: «За вклад в развитие женского движения», «За вклад в укрепление правопорядка и законности», «За вклад в реализацию программы Года семьи», «За вклад в развитие семейной политики».

За значительный вклад в укрепление государственности, социально-экономическое развитие республики и многолетнюю общественную деятельность награждена Почетным знаком имени Софьи Сидоровой и Почетной Грамотой Главы РС (Я).

Лилия Иннокентьевна Винокурова по праву считается одним из ведущих исследователей в Якутии. Ее научный вклад в развитие общественных наук получил заслуженное признание многих ученых как в России, так и за рубежом. Выдающееся сочетание научных познаний, исключительной эрудиции, большой работоспособности и литературного таланта делает Лилию Иннокентьевну Винокурову ярким представителем современного научного сообщества.

В.В. Филиппова,
к.и.н., с.н.с. сектора арктических
исследований ИГиИПМНС СО РАН,
С.А. Григорьев,
к.и.н., н.с. сектора арктических
исследований ИГиИПМНС СО РАН

Лидия Николаевна Романова

(к 50-летию со дня рождения)

19 мая 2016 г. исполняется 50 лет известному якутскому литературоведу, кандидату филологических наук, заведующей сектором литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, заслуженному ветерану СО РАН, отличнику культуры РС (Я), члену Союза писателей РФ Ли-

дии Николаевне Романовой.

В настоящее время якутская литературоведческая наука добилась значительных результатов по всем ее направлениям. И в этом немалая заслуга исследователя.

Л.Н. Романова родилась в с. Егольжа Нюрбинского улуса ЯАССР. В 1988 г. окончила Якутский государственный университет. Трудовую и научную деятельность начала в должности ассистента кафедры методики преподавания русской литературы в национальной школе филологического факультета ЯГУ. Еще в студенческие годы она показала свои исследовательские способности и определила круг научных интересов, работая над различными проектами и активно участвуя с докладами на научных конференциях.

В 1990–1991 гг. прошла обучение в заочной аспирантуре Московского государственного педагогического университета.

В 1992 г. Л.Н. Романова поступила в аспирантуру АН РС(Я). Она является одной из самых успешных и талантливых учениц известного якутского литературоведа, доктора филологических наук, профессора Н.Н. Тобурокова, под руководством которого в 1997 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Изобразительные средства якутской поэзии 1920–1930-х гг.».

В 1998 г. Л.Н. Романова назначена заведующей отделом литературы и искусства ИГи АН РС (Я) и по настоящее время она эффективно возглавляет литературоведческое звено института. За эти

годы Лидия Николаевна проявила себя как принципиальный, объективный и требовательный руководитель, щедро делящийся своим опытом и знаниями. Результатом плодотворной работы сектора можно считать стопроцентную острепенность его сотрудников. С 2003 по 2006 г. прошла докторантуру в Башкирском государственном университете.

Жизненный путь, педагогическая и научная деятельность от ассистента кафедры филологического факультета ЯГУ до заведующей сектором литературоведения старейшего академического учреждения Северо-Востока России и Якутии – ИГиИПМНС СО РАН являются примером верности избранному делу.

Научные интересы исследователя охватывают широкий круг актуальных проблем современного литературоведения, таких, как историческая и теоретическая поэтика, этапы зарождения и формирования национальной литературы, фольклорно-литературные взаимосвязи, жанровая специфика национальной литературы, исследование поэзии. Широта взглядов и познаний ученого раскрываются во всех разделах литературоведения – истории, теории и литературной критике. По праву можно сказать, что Лидией Николаевной достигнуты вершины профессионального мастерства благодаря ее лучшим качествам вдумчивого и серьезного исследователя, аналитическим способностям и возможностям.

Л.Н. Романова – признанный специалист в области якутской поэзии. Она детально и системно исследует поэтику якутской лирики. В ее монографии «А.Е. Кулаковский и его современники: особенности поэтического языка» (2002) на богатом материале исследованы художественные истоки национального своеобразия якутской поэзии начала XX в. Выявлены особенности поэтического языка, устойчивые формулы и тропы, показаны генезис, семантика и образные функции якутской поэзии начала века.

В другом монографическом труде «Поэзия Натальи Харлампьевой: динамика лирической книги стихов» (2014) исследованы основные жанро- и стилиобразующие признаки становления и раз-

вития лирической книги стихов, обладающей романским содержанием.

Работы Лидии Николаевны широко известны и по достоинству оценены далеко за пределами республики. Объективную научную оценку, анализ и ссылки на ее фундаментальные исследования можно найти в многочисленных монографиях, сборниках, статьях, рецензиях и отзывах исследователей.

Научную деятельность Лидии Николаевны отличают глубокий исследовательский поиск, разработка методологической базы якутского литературоведения, участие в грантовых научных проектах. В рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» на 2012–2014 гг. под её руководством реализован проект «Энциклопедия “Литературная Якутия”». Подготовлен макет библиографического словаря «Писатели Якутии», в котором решены задачи целостного описания исторического развития региональной литературы в контексте общероссийского литературного процесса.

Многогранная общественная деятельность, богатый опыт научно-исследовательской работы, организаторский талант руководителя проявляются в привлечении в науку способных молодых специалистов, достойно пополняющих ряды гуманитарного научного сообщества РС (Я). Литературоведы среднего и молодого поколения, работающие ныне в ИГиИПМНС СО РАН, состоялись как ученые во многом благодаря усилиям Лидии Николаевны.

Л.Н. Романовой поддерживаются тесные научные контакты с Институтом мировой литературы в Москве, с исследователями ближнего и дальнего зарубежья, институтами национальных республик Алтая, Башкортостана, Бурятии, Калмыкии, Тывы и Хакасии. В трудах исследователя рассмотрены общие вопросы развития национальных литератур Сибири, их творческих контактов в генетико-типологическом, конкретно-историческом и историко-сравнительном аспектах.

В настоящее время она, помимо основной работы, также задействована в написании раздела «Культура Якутии» для третьего тома фундаментального труда «История Якутии», комментариев ко второму тому полного собрания сочинений А.Е. Кулаковского, руководит работой аспирантов, является научным консультантом сотрудников института, официальным оппонентом многих кандидатских диссертаций.

Умелый организатор научных мероприятий, посвященных проблемам якутского литературоведения, образования, культуры, проводимых в стенах института: конференций, круглых столов, семинаров. Высока ее заслуга в подготовке научных и педагогических кадров, оказании научно-методической помощи учителям общеобразовательных школ республики. В рамках проведения Года литературы в РФ в 2015 г. по инициативе и под руководством Лидии Николаевны на высоком уровне была проведена научная конференция с международным участием «Единство многообразия. Литература народов Якутии в контексте диалога культур».

Сегодня Л.Н. Романова – автор двух монографий, соавтор четырех коллективных монографий, составитель более десятка сборников материалов научных конференций, более 70 научных и научно-популярных статей.

Желаем продолжения такой же плодотворной научной деятельности, ярких новаторских идей и новых достижений, достойных и верных последователей, счастья и благополучия Вам и Вашей семье!

Т.П. Самсонова,
к.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения
ИГиИПМНС СО РАН,
Ж.В. Бурцева,
к.ф.н., н.с. сектора литературоведения
ИГиИПМНС СО РАН

Сведения об авторах

Андреева Тамара Егоровна – к.ф.н., замдиректора по науке ИГиИПМНС СО РАН, taan2001@mail.ru.

Артыкбаев Жамбыл Омарович – д. и. н., проф. Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан), socantropology@mail.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – д. и. н., в. н. с. сектора истории Якутии ИГиИПМНС СО РАН, n_burnashova@mail.ru

Бурцева Жанна Валерьевна – к. ф. н., н. с. сектора литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, gvburtseva@mail.ru

Васильева Дора Егоровна – д. ф. н., с. н. с. сектора литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Винокурова Декабрина Михайловна – к. социол. н., заведующая межкафедральной социологической лабораторией ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова, dorofdm1@yandex.ru

Винокурова Людмила Егоровна – к. и. н., с. н. с. сектора истории Якутии ИГиИПМНС СО РАН, ludavin@yandex.ru.

Винокурова Ульяна Алексеевна – д. социол. н., проф. АГиИК, uottaah@rambler.ru

Гоголев Анатолий Игнатьевич – д. и. н., проф., вице-президент АН РС (Я), vg.argunov@s-vfu.ru.

Григорьев Степан Алексеевич – к. и. н., н. с. сектора арктических исследований ИГиИПМНС СО РАН, DeTample@yandex.ru

Дьяконов Виктор Михайлович – к. и. н., н. с. сектора археологии ИГиИПМНС СО РАН, dyakonov_vm@mail.ru

Ермолаева Юлия Никифоровна – к. и. н., завкафедрой истории России ИФ СВФУ им. М.К. Аммосова, ermolaeva_yuliya@mail.ru

Ефремов Николай Николаевич – д. ф. н., г. н. с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, nik.efrem50@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна – к. и. н., с. н. с. сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Иванов Спиридон Алексеевич – д. ф. н., с. н. с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, spiridon_ivanov@mail.ru

Иванова Ирина Борисовна – к. ф. н., м. н. с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, imenaotglagola@rambler.ru

Иванова Татьяна Спартаковна – д. юр. н., проф., заместитель руководителя Управления Росприроднадзора по РС(Я), ivanovats@mail.ru

Илларионов Василий Васильевич – д. ф. н., проф., завкафедрой фольклора и культуры ИЯиКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, illarionov_v_v@mail.ru

Илларионова Туяра Васильевна – к. ф. н., доцент кафедры фольклора и культуры ИЯиКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, tv.illarionova@s-vfu.ru

Сайто Кимико – бакалавр, независимый исследователь, г. Кошигая, Япония, kmkmisha@star.osn.ne.jp

Кулиева Рагиля Гусейн гызы – д. ф. н., проф., заведующая лабораторией «Тюрко-славянские связи» Бакинского славянского университета, kulievar@mail.ru

Макарова Ксения Михайловна – аспирантка исторического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова, breiley.90@mail.ru.

Мухоплева Светлана Дмитриевна – к. ф. н., с. н. с. сектора якутского фольклора ИГиИПМНС СО РАН, muhopleva@mail.ru.

Непомнящих Наталья Алексеевна – к. ф. н., с. н. с. сектора литературоведения Института филологии СО РАН, rainbow_miracle@mail.ru

Новикова Ольга Владимировна – к. искусств., доцент кафедры музыкального образования и просвещения Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки, novikova_o_v@mail.ru

Ноева Саргылана Еремеевна – к. ф. н., н. с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН, Laanka@mail.ru

Окорокова Варвара Борисовна – д. ф. н., проф. кафедры якутской литературы ФЯФиК СВФУ им. М.К. Аммосова, bokorsaisar@mail.ru

Павлова Надежда Васильевна – к. ф. н., м. н. с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН, nadya.sanaayk@yandex.ru

Подойницына Ирина Ивановна – д. социал. н., проф. кафедры экономики и управления производством ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова, irena_ivan@mail.ru

Самсонова Тамара Петровна – к. ф. н., с. н. с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Стручков Айсен Андреевич – бакалавр-социолог ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова, isen.str@mail.ru

Толстых Геннадий Владимирович – д. и. н., проф. ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова, gtv131971@mail.ru

Томаска Алена Георгиевна – к. социол. н., н. с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, algero@mail.ru

Ушницкий Василий Васильевич – к. и. н., н. с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН, voma@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна – к. и. н., с. н. с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН, filipovav@mail.ru

Федоров Василий Игнатъевич – д. и. н., в. н. с. сектора истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН, vif1933@mail.ru

Хуснутдинова Ляйля Гельсовна – к. и. н., доцент ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», Lavanda-55@mail.ru

Information about authors

Andreeva Tamara Egorovna – PhD in Philology, Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, taan2001@mail.ru

Artykbaev Zhambyl Omarovich – PhD in History, Professor, Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Astana (Republic of Kazakhstan), socantropology@mail.ru

Burnasheva Nataliya Ivanovna – PhD, Professor in History, Leading Researcher, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, n_burnashova@mail.ru

Burtseva Zhanna Valerievna – PhD in Philology, Research Fellow, Study of Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, gvburtseva@mail.ru

Vasilieva Dora Egorovna – PhD, Professor in Philology, Senior Researcher, Study of Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, litved@mail.ru

Vinokurova Dekabrina Mikhaylovna – PhD in Sociology, Associate Professor, Head of the Interdepartmental Laboratory of Sociology, Financial Economic Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, dorofdm1@yandex.ru

Vinokurova Ludmila Egorovna – PhD in History, Senior Researcher, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ludavin@yandex.ru

Vinokurova Ulyana Alekseevna – PhD, Professor in Sociology, Arctic State Institute Culture and Arts, uottaah@rambler.ru

Gogolev Anatoliy Ignatevich – PhD, Professor in History, Vice-President of the Academy of Sciences of Sakha (Yakutia), vg.argunov@s-vfu.ru

Grigoriev Stepan Alekseevich – PhD in History, Research Fellow, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, DeTample@yandex.ru

Dyakonov Viktor Mikhailovich – PhD in History, Research Fellow, Archaeology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, dyakonov_vm@mail.ru

Ermolaeva Uliya Nikiforovna – PhD in History, Head of the History Department of the Faculty of History Russia, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, ermolaeva_yuliya@mail.ru

Efremov Nikolay Nikolaevich – PhD, Professor in Philology, Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nik.efrem50@mail.ru

Zhukova Ludmila Nikolaevna – PhD in History, Senior Researcher, Paleoasian Philology Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, zjukova@mail.ru

Ivanov Spiridon Alekseevich – PhD, Professor in Philology, Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, spiridon_ivanov@mail.ru

Ivanova Irina Borisovna – PhD in Philology, Research Fellow, Study of Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, imenaotglagola@rambler.ru

Ivanova Tatyana Spartakovna – PhD, Professor in Law, Deputy Head of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Natural Resources on the RS (Y), ivanovats@mail.ru

Illarionov Vasily Vasilevich – PhD, Professor in Philology, Head of the Department of Folklore and Culture, Institute of Language and Culture of the Peoples of the North-East of Russia, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, illarionov_v_v@mail.ru

Illarionova Tuyara Vasilevna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Language and Culture of the Peoples of the North-East of Russia, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, tv.illarionova@s-vfu.ru

Kimiko Saito – Bachelor, Independent Researcher, Koshigaya, Japan, kkmkisha@star.ocn.ne.jp

Kulieva Ragilya Guseyn gyzy – PhD, Professor in Philology, Head of Laboratory “Turkish-Slavic relations”, Baku Slavic University, kulievar@mail.ru

Makarova Ksenia Mikhailovna – Postgraduate Student of the Faculty of History, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, breiley.90@mail.ru

Muhopleva Svetlana Dmitrievna – PhD in Philology, Senior Researcher, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, muhopleva@mail.ru

Nepomnyashchikh Natalia Alekseevna – PhD in Philology, Senior Researcher, Study of Literature Department, Institute of Philology Russian Academy of Science, Siberian Branch, rainbow_miracle@mail.ru

Novikova Olga Vladimirovna – PhD in Art, Assistant Professor, Music Education, Novosibirsk State Conservatory (Academy) named after M.I. Glinki, novikova_o_v@mail.ru

Noeva Sargylaana Eremeevna – PhD in Philology, Research Fellow, Study of Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Laanka@mail.ru

Okorokova Varvara Borisovna – PhD, Professor in Philology, Department of Yakut Literature, Faculty of the Yakut Philology and Culture, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,

Pavlova Nadezhda Vasilevna – PhD in Philology, Research Fellow, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nadya.sanaayk@yandex.ru

Podoinitsyna Irina Ivanovna – PhD, Professor in Sociology, Economics and Production Management Department, Finance and Economics Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, irena_ivan@mail.ru

Samsonova Tamara Petrovna – PhD in Philology, Senior Researcher, Study of Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, litved@mail.ru

Struchkov Aisen Andreevich – Bachelor-Sociologist, 4th year student, Finance and Economics Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, isen.str@mail.ru

Tolstykh Gennady Vdamirovich – PhD, Professor in History, Finance and Economics Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, gtv131971@mail.ru

Tomaska Alyona Georgievna – PhD in Sociology, Research Fellow, Ethno-social Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, algepo@mail.ru

Ushnitsky Vasily Vasilyevich – PhD in History, Research Fellow, Ethnography of the People of the North East of Russia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, boma@mail.ru

Filippova Viktoriya Viktorovna – PhD in History, Senior Researcher, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, filippovav@mail.ru

Fedorov Vasiliy Ignatevich – PhD, Professor in History, Senior Researcher, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, vif1933@mail.ru

Khusnutdinova Lyailya Gelsovna – PhD in History, Associate Professor, State Educational Institution of Higher Professional Education, Ufa State Petroleum Technological University, Lavanda-55@mail.ru

**Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»**

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Кроме того принимаются статьи информационного и хроникального характера, рецензии и др. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Объем научной статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков), информационные статьи – 3–6, хроникальные заметки – 1–3 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – 2 см, справа – 1,5 см. Абзац – 1,25 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисовочные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком в алфавитном порядке. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи. Перед названием статьи обязательно указать УДК.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются. Рукописи в печатном и электронном виде (формат Word 95, 98, 2000) направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 301, 303. Тел. 35–15–16; 36–42–35.

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-65055 от 10 марта 2016 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 9.06.2016. Дата выхода в свет 23.06.2016

Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л. 18. Уч.-изд. л. 16,16. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
